

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Основана в 1959 году

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С.И. ВАВИЛОВА РАН ПО РАЗРАБОТКЕ
НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

академик *Н.П. Лаверов* (председатель),
академик *Б.Ф. Мясоедов* (зам. председателя),
докт. экон. наук *В.М. Орёл* (зам. председателя),
докт. ист. наук *З.К. Соколовская* (ученый секретарь),
докт. техн. наук *В.П. Борисов*, докт. физ.-мат. наук *В.П. Визгин*,
канд. техн. наук *В.Л. Гвоздецкий*, докт. физ.-мат. наук *С.С. Демидов*,
академик *А.А. Дынкин*, академик *Ю.А. Золотов*,
докт. физ.-мат. наук *Г.М. Идлис*, академик *Ю.А. Израэль*,
докт. ист. наук *С.С. Илизаров*, докт. филос. наук *Э.И. Колчинский*,
академик *С.К. Коровин*, канд. воен.-мор. наук *В.Н. Краснов*,
докт. ист. наук *Б.В. Лёвшин*, академик *М.Я. Маров*,
докт. биол. наук *Э.Н. Мирзоян*, докт. техн. наук *А.В. Постников*,
академик *Ю.В. Прохоров*, член-корреспондент РАН *Л.П. Рысин*,
докт. геол.-минерал. наук *Ю.Я. Соловьёв*,
академик *И.А. Швелёв*

В.Г. Смирнов

**Фердинанд
Фердинандович
ВРАНГЕЛЬ**

1844 – 1919

Ответственный редактор
доктор технических наук
Н.Н. НЕРОНОВ

МОСКВА
НАУКА
2009

УДК 623(092)
ББК 68.516г
С50

Рецензенты:

доктор технических наук *Н.А. Нестеров*,
доктор технических наук, доктор исторических наук *И.Ф. Цветков*

Смирнов В.Г.

Фердинанд Фердинандович Врангель, 1844–1919 / В.Г. Смирнов ;
отв. ред. Н.Н. Неронов. – М. : Наука, 2009. – 189 с. – (Научно-биографическая литература). – ISBN 978-5-02-036620-6.

Книга посвящена жизни и деятельности “остзейского немца”, талантливого русского моряка, исследователя Черного и Средиземного морей, гидрографа, гидролога, метеоролога, историка, педагога и общественного деятеля Фердинанда Фердинандовича Врангеля (1844–1919). Показаны условия, в которых проходила практическая деятельность Ф.Ф. Врангеля, формировался его характер, облик исследователя, ученого и педагога. Особое внимание уделено взаимоотношениям Ф.Ф. Врангеля с президентом Петербургской Академии наук адмиралом Ф.П. Литке, вице-адмиралом С.О. Макаровым, первую биографию которого он написал, и многими другими.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей отечественной науки, техники и образования.

Темплан 2008-1-121

ISBN 978-5-02-036620-6

- © Российская академия наук и издательство “Наука”, серия “Научно-биографическая литература” (разработка, оформление), 1959 (год основания), 2009
- © Смирнов В.Г., 2009
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2009

Предисловие

Если задать вопрос, кто такой Врангель, то большинство граждан ответит, что это белогвардейский генерал (имея в виду барона Петра Николаевича Врангеля (1878–1928)). Некоторые могут вспомнить и остров Врангеля, но затруднятся ответить, в честь кого он получил свое название. Мало кто в нашей стране представляет, насколько обширен был дворянский род Врангелей и какую роль сыграли его представители в истории России. Среди них меня привлекла фигура гидрографа Фердинанда Фердинандовича Врангеля (1844–1919), сына адмирала Фердинанда Петровича Врангеля.

По мере изучения архивных документов о Ф.Ф. Врангеле в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), Архиве Русского географического общества (АРГО), его опубликованных работ удалось выяснить, что Фердинанд Фердинандович Врангель был одним из выдающихся военных моряков конца XIX – начала XX в. по уровню образования, широте кругозора, научному подходу к решению проблем как в сфере естественных, так и гуманитарных наук. Врангель оказался в числе лучших гидрографов, метеорологов, океанографов, воспитателей и педагогов страны. Причем если заслуги Врангеля в области гидрографии и океанографии хотя бы в общих чертах известны¹, то о его деятельности как воспитателя и педагога, длительное время служившего в Императорском Александровском лицее и являвшегося в 1892–1896 гг. его директором, не знают даже специалисты, исследующие историю Лицея.

---

¹ Биографические статьи о Ф.Ф. Врангеле помещены в следующих изданиях: *Болгурцев Б.Н., Грибанов О.Л., Корякин В.И.* и др. История Гидрографической службы Российского флота. Т. 4. СПб.: изд. ГУНиО МО РФ, 1997. С. 79; *Словарь биографический морской / Авт.-сост. В.Д. Доценко.* СПб.: “Logos”, 2000. С. 90–91.

Обработав накопленные материалы, представляю на суд читателей монографию, в которой представлена научная биография Фердинанда Фердинандовича Врангеля, военного моряка, ученого, изобретателя, педагога, общественного деятеля.

Выражаю искреннюю признательность и благодарность за помощь в издании монографии:

Виктору Кузьмичу Абалакину – члену-корреспонденту Российской академии наук, советнику РАН (г. Санкт-Петербург);

Эдуарду Израилевичу Колчинскому – директору Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН, доктору философских наук, профессору;

Эрки Таммиксаару – директору научно-исследовательского центра “Дом Карла Эрнста фон Бэра” Эстонского университета наук о жизни (г. Тарту);

Марии Михайловне Перекалиной – заведующей читальным залом ЦГИА СПб.;

Наталье Алексеевне Гоц – заведующей читальным залом РГА ВМФ (г. Санкт-Петербург);

Дмитрию Николаевичу Копелеву – преподавателю Санкт-Петербургского педагогического государственного университета, кандидату исторических наук;

Марии Федоровне Матвеевой – заведующей АРГО (г. Санкт-Петербург);

Светлане Евгеньевне Савиной – заведующей научной библиотекой Русского географического общества (г. Санкт-Петербург);

сотрудникам отдела переводов Центрального картографического производства Военно-Морского Флота (г. Санкт-Петербург).

Автор

Происхождение и семья

Род Врангелей

О древнем дворянском роде Врангелей наиболее емко сказано, пожалуй, в известном “Энциклопедическом словаре” Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона:

“Врангели – графы, бароны и дворяне датского происхождения. Сведения об этом древнем роде доходят до начала XII стол[етия]. Родоначальник рода В. принадлежал к числу вассалов короля Вальдемара II, оставленных им в Эстляндии, после первого завоевания ее. В замке “Revele” (впоследствии гор. Ревель) был поставлен в 1219 г. датский гарнизон, во главе которого находилось известное число “мужей короля” (*vire regis*) и между ними значится *Dominus Tuki Wrang*, потомки которого назывались сначала *de Wranghele*, *Wrangele*, а затем В. Во время шведского владычества в Эстляндии в XVII столетии род В. достиг блеска и богатства в лице маршала Карла Густава. Затем члены этого рода делаются столь многочисленными, что он постепенно утрачивает свое значение. Больше всего Врангели выдвинулись на военном поприще, на службе не только Дании и Швеции, но и Германии, Австрии, Голландии и Испании, а впоследствии и России. Они дали 7 фельдмаршалов, более 30 генералов, 7 адмиралов; некоторые из них возводились за их заслуги в графское достоинство (в Швеции, Испании, Германии); в 1709 г., после сражения под Полтавою, на поле битвы осталось 22 представителя рода В. На русской службе они появляются лишь в последний период Семилетней войны и в последующих турецких войнах. Из них было 18 генералов, 2 адмирала. Между представителями рода В. на гражданском и духовном поприщах могут быть отмечены: шведские епископы (дерптский 1400 г. и ревельский 1558 г.), 4 игуменьи, 7 посланников, 11 членов государственного совета и 1 министр; в России – в должностях министров – 1, членов государственного совета – 1, сенаторов – 2, губернаторов – 2, попечителя учебного округа – 1, профессора – 1.

В XVI веке род В. распался на 20 самостоятельных линий. В настоящее время по численности своей представители русских линий рода В. занимают первое место (40), шведских – 2-е (37), прусских – 3-е (11)”¹.

Уже в XVIII в. многие мужчины рода Врангелей находились на русской службе. Один из них, барон Густав фон Врангель (прадед Ф.Ф. Врангеля), был подполковником и камергером Голштинским при императоре Петре III. Женой подполковника

---

¹ К.В. Врангель // Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VII. СПб. 1892. С. 335–336.

была Варвара-Шарлотта фон Криденер. У супругов рос сын Пётр (1760–1807)².

В 1762 г. Петр III был свергнут в результате переворота, организованного его супругой (будущей императрицей Екатериной II), а затем убит.

Трагическая смерть монарха отрицательно сказалась на судьбе Г. фон Врангеля. Он отказался присягнуть императрице и лишился огромных владений и всего состояния. Г. фон Врангель вынужден был оставить семью и отправиться за границу. Поступив на службу в голландскую Ост-Индскую компанию, Г. фон Врангель убыл на корабле на остров Ява, в Батавию (ныне – Джакарта), где и окончил “жизнь свою, исполненную горести”³.

Адмирал Ф.П. Врангель и его семья

Петр фон Врангель также был служивым человеком. Однако больших высот он не достиг, стал только артиллерии майором. Петр был владельцем имения Ваймила Нейгофа. Его женой стала Доротея-Маргарита-Варвара фон Фрейман (1768–1806). В 1796 г. во Пскове у супругов родился старший сын – Фердинанд Фридрих Георг Людвиг фон Врангель.

Когда Фердинанду было 9 лет, умерла его мать, а через год и отец. После смерти родителей он жил у родственников. Однажды в их доме побывал Иван Фёдорович Крузенштерн. Рассказ русского мореплавателя, который первый совершил кругосветное плавание, о путешествии к берегам Камчатки и Японии произвел сильное впечатление на юного Фердинанда. Он стал мечтать о море, и родственники решили отдать его на воспитание в Морской кадетский корпус, куда он и был принят в 1810 г. Так началась военно-морская карьера одного из самых известных мореплавателей в истории Российского императорского флота, будущего адмирала, известного нам под именем Фердинанда Петровича Врангеля (1796–1870).

Сведения о Ф.П. Врангеле помещены практически во всех энциклопедиях. В одной из них, составленной В.И. Федорченко, жизненный путь Ф.П. Врангеля представлен кратко, но достаточно емко⁴. К ней мы и адресуем читателя. Подробнее же остановимся на семье адмирала.

² РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 5115. Л. 4.

³ Пасецкий В.М. Фердинанд Петрович Врангель. М.: Наука, 1975. С. 13.

⁴ Федорченко В.И. Императорский дом. Выдающиеся сановники. Красноярск: “БОНУС”; М.: “ОЛМА-ПРЕСС”. Т. 1. 2000. С. 239–240.

После назначения главным правителем Русской Америки (март 1829 г.) Ф.П. Врангель приехал в Ревель, где 31 мая женился на Елизавете, младшей дочери барона В. фон Россильона. *“Она была тот самый ангел, которая милосердным провидением предназначена была быть моею подругою, моим сокровищем, моим спасением в здешней и будущей жизни”*, – писал Врангель своему другу Ф.П. Литке⁵.

Вместе с Елизаветой Васильевной Врангель отправился в Русскую Америку. Первый ребенок – дочь – родился у них еще в Иркутске весной 1830 г., но позднее (уже в Америке) она умерла...

Бог дал чете Врангелей еще детей. Сын Вильгельм (1831–1894) стал предводителем эстляндского дворянства и владельцем семейного имения Руйль (эст. Roela). Сын Пётр (1840–1899) владел имением Итфер в Эстляндской губернии. Дочери Доротея и Наташа умерли 1 января 1849 г. от скарлатины. Дочь Лизавета, к счастью, выжила; впоследствии она вышла замуж за Энгельгардта. В 1850 г. родилась последняя дочь Врангелей. Была у Ф.П. Врангеля и приемная дочь – Луиза Рената фон Коскюль (1823–1863), умершая от туберкулеза.

Детские годы Фердинанда Врангеля

С 1836 г. Ф.П. Врангель служил в Санкт-Петербурге в должности директора Департамента корабельных лесов, стал контр-адмиралом и вместе с семьей проживал на Грязной улице (ныне – улица Марата). Здесь 16 февраля 1844 г. и родился Фердинанд-Фридрих-Георг-Людвиг фон Врангель. Восприемниками при крещении Фердинанда были друг отца, контр-адмирал Ф.П. Литке, и Юлия фон Ромберг⁶.

Первые годы жизни (пока отец находился на службе) Фердинанд провел в Санкт-Петербурге. С четырех до двенадцати лет (с 1848 по 1855 г.), в период отставки Ф.П. Врангеля, он проживал вместе с семьей на мызе Руйль близ г. Везенберга Эстляндской губернии в деревянном доме, часть которого была построена еще в XVII в.⁷ В семье говорили на немецком языке, но няня у детей была русская. Однако, когда няня умерла, общаться на русском языке было не с кем: вся прислуга в доме была эстонская.

⁵ Цит. по: Пасецкий В.М. Указ. соч. С. 128.

⁶ РГА. ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 5118. Л. 2.

⁷ Врангель Ф. В обновленной России: Впечатления. Встречи. Мысли. СПб. 1908. С. 92.

Из-за отсутствия практики Фердинанд стал говорить по-русски значительно хуже.

Несколько лет Фердинанд учился в Ревеле: сначала в частной школе, а затем – в гимназии. В это время шла Крымская война (1853–1856), которая оставила в душе юного Фердинанда неизгладимые впечатления. Спустя несколько десятилетий Ф.Ф. Врангель вспоминал, что *“пламенный русский патриотизм окружавшей меня немецкой среды был настолько силён, гордость проявлениями русского героизма, грусть и злоба при поражениях и неудачах были так всеобщы и сильны, что я был счастлив, когда отец, вновь поступив на службу, определил меня в Морской корпус: я увидел возможность в будущем сражаться за царя и отечество по преданиям моего испокон военного рода”*⁸.

---

⁸ Врангель Ф. Остзейский вопрос в личном освещении. СПб. 1907. С. 11–12.

В Морском корпусе

Как стать кандидатом...

Морская служба началась для Фердинанда еще в восьмилетнем возрасте. Его отец собрал документы для определения Фердинанда в Морской кадетский корпус. В декабре 1852 г. Ф.П. Врангель приехал в Петербург, в Морской корпус, и подал прошение следующего содержания:

“Всемиловейший, державнейший
Великий Государь Император
Николай Павлович
Самодержец Всероссийский, Государь всемиловейший
просит отставной Вице-Адмирал Фердинанд
Врангель о нижеследующем:

Сына моего Барона Фердинанда Врангеля, имеющего от роду восемь лет, и обученного из арифметики четыре[м] главным действиям над целыми числами, читать и писать по-русски, немецки и французски, желая отдать для воспитания в Морской Кадетский Корпус, всеподданнейше прошу:

Дабы повелено было означенного сына моего в Морской Кадетский Корпус определить; а что он действительно имеет дворянское достоинство, и что действительно есть мой законный сын, в удостоверение сего представляю свидетельство: копия протокола Эстляндского Дворянского Депутатского Собрания от 30 Октября 1852 года за № 22; метрическое от Консистории о крещении от 13 Декабря 1852 года за № 312, и медицинское об оспе от 12го Октября 1852 года за № 42. Недвижимое имущество за мною состоит в Эстляндской Губернии в Везенбергском уезде мыза Руиль.

Декабрь 14го 1852 года К поданию надлежит Директору Морского
Кадетского корпуса

Флигель-адъютанту Капитану 1 ранга Глазенапу
К сему прошению Отставной Вице-Адмирал Фердинанд
Петров сын Врангель // руку приложил//

Сие прошение писал и сочинял сам проситель
Жительство имею:
на мызе Руиль у города
Везенберга Эстляндской губернии”¹

---

¹ Там же. РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 5118. Л. 1.

18 декабря 1852 г. контр-адмирал Б.А. Глазенап наложил на прошение Ф.П. Врангеля резолюцию: “Зачислить кандидатом”². Так была решена участь юного Фердинанда Врангеля...

Морской кадетский корпус в середине XIX в.

24 августа 1857 г. Фердинанд поступил на службу в Балтийский флот, став воспитанником Морского кадетского корпуса³. Он был в числе 46 кандидатов, поступивших по очереди⁴.

Каким же было учебное заведение, в котором Фердинанду Врангелю предстояло провести несколько лет?

На рубеже 1857/1858 г. в Морском кадетском корпусе обучалось 155 гардемарин, 395 кадетов и 34 “пенсионера”, которые были распределены по пяти ротам. На 584 воспитанника приходилось более 50 офицеров⁵, 5 священников (законоучителей), 75 преподавателей и четыре врача⁶.

В числе прислуги и команды нижних чинов состояло около 400 человек. Многие из них жили со своими семьями в специальных помещениях. Таким образом, число всех обитателей корпуса составляло около 1400 человек.

День воспитанников начинался с 6 часов утра и продолжался до 9 часов вечера. На одевание, умывание, молитву и завтрак отводилось 1,5 часа, на обед и ужин – 1,75 часа, на классные занятия – 6 часов, на гимнастические упражнения и “фронтное ученье” (строевые занятия) – 2 часа, “гулянье на чистом воздухе” – 1,75 часа, на повторение уроков, танцы и прочее – 2 часа, на сон – 9 часов.

С понедельника по пятницу у воспитанников было по четыре полуторачасовых лекции: с 8 до 11 часов и с 15 до 18 часов. В субботу проводились только утренние уроки.

Воспитанники были разделены на три курса: приготовительный, кадетский (общий) и гардемаринский (специальный). Каждый из кадетского и гардемаринского курсов состоял из трех классов – младшего, среднего и старшего, которые подразделя-

² Там же.

³ РГИА. Ф. 759. Оп. 75. Д. 353. Л. 3.

⁴ Отчет по Морскому кадетскому корпусу за 1857 г., представленный исправляющим должность директора контр-адмиралом Нахимовым // Морской сборник. Т. XXXIV. 1858. № 3. Ч. II. С. 95.

⁵ Там же. С. 95–97.

⁶ Отчет по Морскому кадетскому корпусу, представленный исправляющим должность директора контр-адмиралом Нахимовым за 1858 год // Морской сборник. Т. XL. 1859. № 6. С. 395.

лись на три или четыре параллельных отделения (не более 25 человек в каждом).

В корпусе изучали Закон Божий, арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию, навигацию, аналитическую геометрию, начертательную геометрию, теоретическую механику, астрономию, корабельную архитектуру, морские эволюции, морскую практику, морскую съемку, физику, законоведение, практическую механику, теорию корабля, фортификацию, историю, географию, рисование, чистописание, русский, французский и английский языки⁷.

Некоторые уроки проводились факультативно. Так, для католиков, лютеран и “финляндцев” по одному часу отводили на Закон Божий, три лекции по немецкому языку были обязательны только для 27 лютеран, обучавшихся в корпусе; 39 воспитанников изучали его по своему желанию.

Практическим “фронтовым учением” занимались в ротях по два раза в неделю, по одному часу в день. Каждую субботу в столовом зале производились батальонные учения.

Библиотека Морского корпуса насчитывала 2619 изданий (9400 томов) на различных языках, включая карты, атласы и чертежи. Существовали и ротные библиотеки.

Воспитанники трижды в день принимали пищу: на завтрак (в 7.30) им подавали булку и чай, на обед (в 13.00) – три блюда, на ужин (в 19.30) – два блюда.

Еженедельно производилась помывка в бане (перед обедом). Лазарет был снабжен всем необходимым “в избытке”. Тем не менее, в течение 1857 г. от “тифозной горячки” умерли три воспитанника. На 1 января 1858 г. числилось 48 больных.

Каждые два месяца на воспитанника составлялись ведомости об его успехах, которые обычно рассылались родителям и родственникам. Однако в начале 1858 г. было решено готовить такие аттестации лишь два раза в год – к праздникам Рождества и Св. Пасхи.

Если кто-либо из воспитанников нарушал дисциплину, то “наказания делались соразмерно проступкам”. Телесные наказания применяли только если другие меры воздействия оказывались неэффективными. В 1857 г. число “наказанных телесно” составило 6,8% от всего контингента воспитанников. К исключению воспитанников из корпуса прибегали крайне редко. В 1858 г. был лишь один такой случай.

В поощрение воспитанников начальство корпуса дарило им книги и другие “полезные предметы”, нанимало логи в театрах.

---

⁷ Отчет по Морскому кадетскому корпусу за 1857 г. ... С. 98–101.

Однако самым существенным и наиболее лестным для воспитанников поощрением служило назначение лучших воспитанников на суда, отправлявшиеся в заграничное плавание⁸.

15 декабря 1857 г., т.е. спустя несколько месяцев после поступления Фердинанда в кадетский корпус, от “апоплексического удара мозга” скончался директор Морского корпуса вице-адмирал А.К. Давыдов. Новым директором корпуса стал контр-адмирал С.С. Нахимов, брат героя Крымской войны вице-адмирала П.С. Нахимова. Он служил в корпусе уже 15 лет, с 1855 г. являлся помощником директора⁹.

В семье капитана 1 ранга А.И. Зеленого

В начале обучения в Морском корпусе Фердинанд Врангель посещал только уроки, а проживал “пенсионером” в семье инспектора классов Морского корпуса капитана 1 ранга А.И. Зеленого (впоследствии адмирала).

Александр Ильич Зеленой (1809–1892) был одним из представителей флотской династии Зеленых и уникальным в истории Российского флота офицером, так как более 60 лет службы посвятил педагогической деятельности¹⁰.

Много лет спустя Ф.Ф. Врангель писал о семье А.И. Зеленого как о “достойнейшей представительнице типа семьи русского, поместного, средней руки дворянства...”¹¹.

Пребывание в семье Зеленого многое дало Фердинанду для формирования его последующей жизненной позиции. *“Годы, проведенные в этой прекрасной семье, сблизили меня более с русским бытом, чем может быть вся моя последующая жизнь среди русских, и ей я в значительной степени обязан тою любовью ко всему русскому и искреннею, непоколебимою верою в нравственные свойства русского племени, которые поддерживали меня в тяжелые дни нравственных испытаний”*, – писал Врангель впоследствии¹².

Только с переходом в специальные (гардемаринские) классы Фердинанд Врангель “поступил в интернат”, т.е. стал проживать в Морском корпусе. Внутренняя обстановка в корпусе произвела

⁸ Отчет по Морскому кадетскому корпусу ... за 1858 год. ... С. 403–405.

⁹ Отчет по Морскому кадетскому корпусу за 1857 год. ... С. 95–104, 106, 110–115, 130, 132.

¹⁰ Болгурцев Б.Н., Грибанов О.Л., Корякин В.И. и др. История Гидрографической службы Российского флота. Т. 4. СПб. 1997. С. 129–130.

¹¹ Врангель Ф. Остзейский вопрос в личном освещении. СПб. 1907. С. 12.

¹² Там же.

на Фердинанда неблагоприятное впечатление. *“Я видел много безобразного, развращенного, но в общем и здесь вынес хорошие воспоминания и никогда, ни в корпусе, ни во время 40-летней моей службы я лично не испытал ни малейшей неприятности из-за того, что я немец”*, – писал Врангель полвека спустя¹³.

На пароходо-фрегате “Камчатка”

Летом 1858 г. гардемарины Морского корпуса были расписаны на суда Балтийского флота. 14-летний Фердинанд Врангель оказался в группе своих товарищей на 16-пушечном пароходо-фрегате “Камчатка”. Первая кампания для него продолжалась с 23 мая по 28 октября 1858 г.¹⁴

В июне и первой половине июля “Камчатка”, которой командовал капитан-лейтенант барон В.М. Гейкинг (впоследствии вице-адмирал), в основном стояла на якоре на Малом Кронштадтском рейде (только однажды она совершила двухдневный переход в Ревель и обратно). Поэтому воспитанники Морского корпуса занимались изучением парохода, его вооружения и машины, где все для них было ново. Они участвовали во всех парусных и артиллерийских учениях и авральных работах. Иногда ездили в порт, в ремонтные и шлюпочные мастерские, на канатный завод. Гардемарины осматривали доки, побывали на многих военных и на некоторых купеческих судах. Они учились управлять шлюпками, за содержание которых несли ответственность.

Однако 15 июля 1858 г. ситуация изменилась: пароход отправился во Францию, с заходом в Копенгаген¹⁵. В пути гардемарины вели шканечные журналы и делали счисление, определяли широту по полуденной высоте Солнца и записывали “все замечательное в исторические журналы”. В Бресте они осматривали порт и морскую школу на корабле “де-Борда”, побывали на корабле “Наполеон”. В Бордо ходили смотреть, как проходит вооружение и отделка строящихся кораблей для русского флота – фрегата “Светлана” и яхты “Штандарт”. Ежедневно, с 9 до 11 часов, гардемарины “занимались науками”. Иногда они совершали прогулки по городу и его окрестностям.

После возвращения гардемарин “Камчатки” в корпус многие командиры и преподаватели заметили, что пребывание воспи-

¹³ Там же.

¹⁴ РГИА. Ф. 759. Оп. 75. Д. 353. Л. 5 в.

¹⁵ Известия о плавании судов за границей // Морской сборник. Т. XXXVI. 1858. № 8. Ч. II. С. 131.

танников на пароходе способствовало их умственному развитию и “сообщило им много развязности и находчивости”¹⁶.

В период своего первого плавания Фердинанд Врангель был произведен в унтер-офицеры (27 августа 1858 г.)¹⁷.

На фрегате “Светлана”

После второго года обучения Врангель был назначен для практического плавания на новейший 40-пушечный фрегат “Светлана” (командир капитан-лейтенант О.П.Пузино). 15 июля 1859 г. фрегат, на борту которого находился генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич, отправился в Англию¹⁸. 24 июля “Светлана” пристала к берегу острова Уайт (Англия). Здесь, на Портсмутском рейде находились Средиземноморская эскадра под командованием контр-адмирала К.И. Истомина и английская эскадра¹⁹.

9 августа 1859 г. к острову Уайт подошел фрегат “Генерал-адмирал”, на котором 26 августа великий князь Константин Николаевич убыл в Кронштадт²⁰.

4 сентября 1859 г. “Светлана” отправилась в испанский порт Кадис, затем – в Геную, куда и пришла 16 сентября.

Вечером 5 октября на фрегат прибыла вдовствующая императрица Александра Федоровна (вдова Николая I) в сопровождении короля Сардинии и наследного принца. После отъезда короля и принца фрегат снялся с якоря и отправился в Виллафранку, где императрица покинула корабль²¹.

Стоянка в Виллафранке продолжалась более трех месяцев, включая 12-дневный выход в море для проверки мореходных качеств фрегата²². Здесь Фердинанд Врангель и его товарищи встретили новый, 1860, год и отпраздновали вместе с экипажем праздник Рождества.

---

¹⁶ Отчет директора Морского кадетского корпуса... за 1858 год... С. 419.

¹⁷ РГИА. Ф. 759. Оп. 75. Д. 353. Л. 3.

¹⁸ Рапорт командира винтового фрегата “Светлана” капитан-лейтенанта Пузино // Морской сборник. Т. XLII. 1859. № 8. Ч. II. С. 153.

¹⁹ Переписка Императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. 1857–1861. М.: Terra – Terra. 1994. С. 115–117.

²⁰ Морской сборник. Т. XLIII. 1859. № 9. Ч. II. С. 50–51.

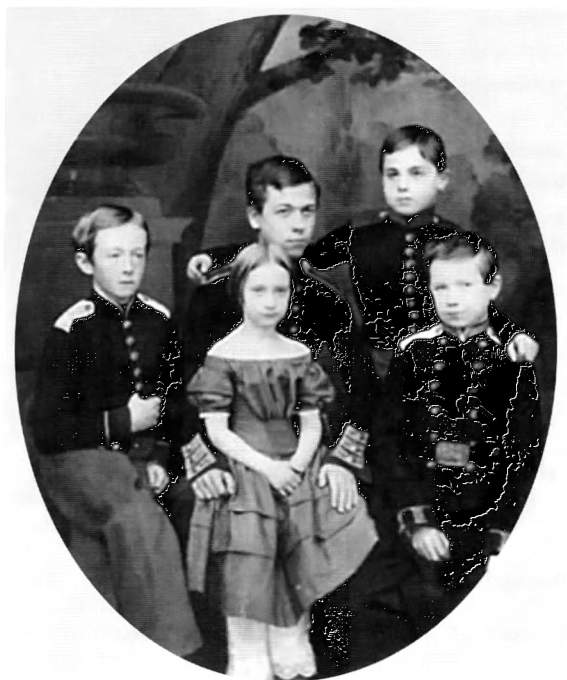
²¹ Плавание фрегата “Светлана” от Портсмута до г. Виллафранки // Морской сборник. Т. XLIV. 1859. № 11. Ч. II. С. 87–88.

²² Рапорт начальника эскадры Средиземного моря, контр-адмирала Нордмана // Морской сборник. Т. XLV. 1860. № 2. Ч. II. С. 144.

Адмирал Ф.П. Врангель

Е.В. Врангель
(урожд. Россиѣон)

Ф.Ф. Врангель
в детстве
(на снимке слева)

**Адмирал
Ф.П. Литке**

Ревель

**Вице-адмирал
Н.В. Копытов**

Морской кадетский корпус (середина XIX в.)

**Капитан-лейтенант
Ф.Ф. Врангель**

**Академик
Г.И. Вильд**

Академик Б.Б. Голицын

Академик О.В. Струве

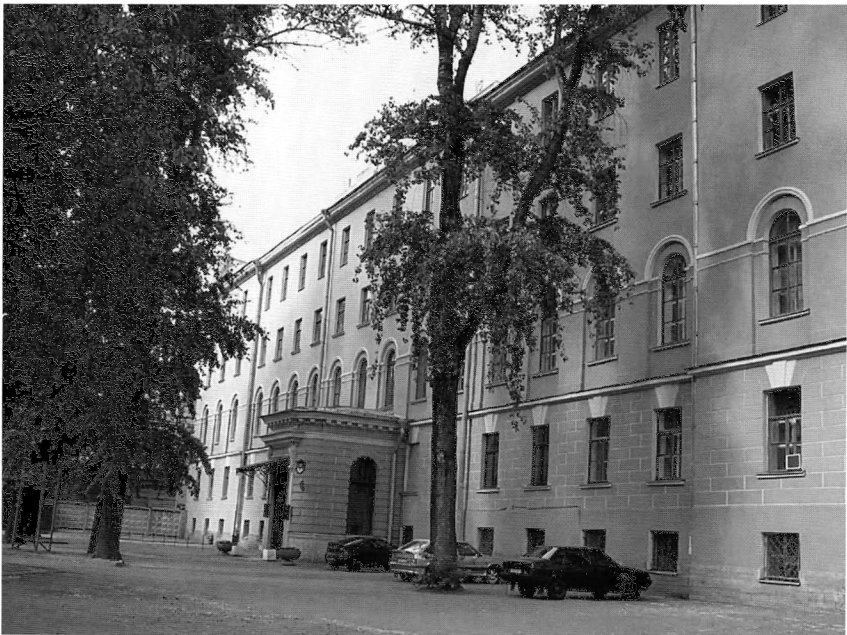
**Великая княгиня
Екатерина Михайловна**

**Герцог
М.Г. Мекленбург-Стрелицкий
в одежде пушкаря времен царя
Алексея Михайловича.
Фотогравюра с фотографии
Ренц и Шрадер. 1904 г.**

Михайловский дворец. Фото Л.А. Уирода. 2006 г.

**Здание бывшего Императорского Александровского лицея.
Фото А.А. Дуки. 2006 г.**

**Граф Н.А. Прогасов-
Бахметев.**

**Барон Ф.Ф. Врангель.
Начало XX в.**

**Вице-адмирал
С.О. Макаров**

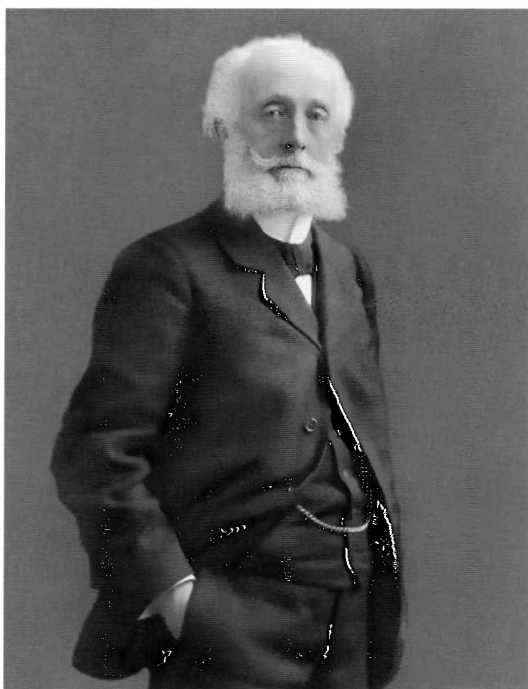
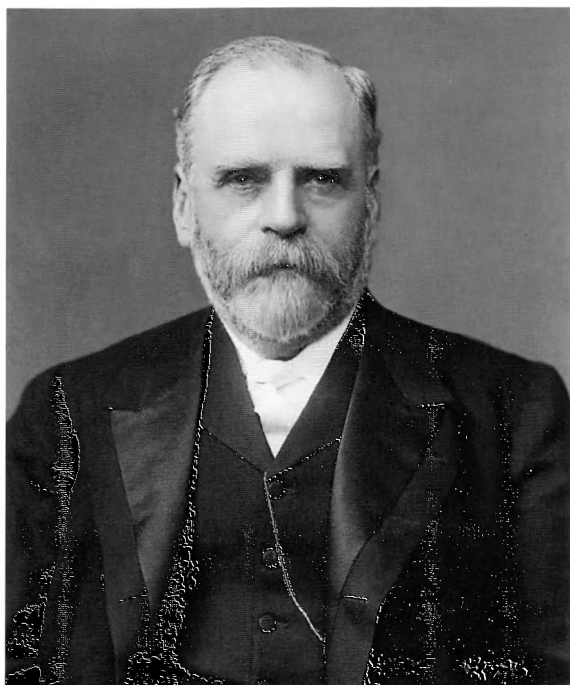
**Вице-председатель Императорского русского географического общества
П.П. Семенов**

**Генерал-майор
И.Б. Шпиндлер**

**Принц
Альберт I Монакский**

Джон Мёррей

**Барон Ф.Ф. Врангель.
Дрезден. 1907 г.**

Под флагом контр-адмирала Ф.Д. Нордмана

Из гардемаринов – в гардемарины!

Поскольку в Петербурге было принято решение направить “Светлану” в Тихий океан, на корабле была начата подготовка к дальнему плаванию.

10 февраля 1860 г. из Тулона в Виллафранку пришел 84-пушечный линейный корабль “Гангут” под флагом начальника эскадры Средиземного моря контр-адмирала Ф.Д. Нордмана¹. Гардемарины Морского корпуса со “Светланы” были переведены на “Гангут”².

Находясь на “Гангуте” в Виллафранке, Фердинанд Врангель и его товарищи не подозревали, что в их судьбах уже произошли перемены. 29 февраля 1860 г. император Александр II, “по признанному неудобству производства воспитанников морских учебных заведений при выпуске прямо в офицеры”, утвердил “Положение об учреждении во флоте звания гардемарина”. 8 марта это “Положение” было объявлено в приказе № 28 генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича.

Согласно “Положению” существующее название “гардемарин” упразднилось, и гардемаринская рота Морского корпуса получила название “1-я кадетская рота”, 1-я кадетская стала 4-й ротой, 2-я кадетская – 3-й ротой, “малолетняя” рота – неранжированной ротой³.

“Положение” предусматривало, что производство в звание гардемарина не допускается ранее 16-летнего возраста. Для того, чтобы стать гардемаринком, следовало сдать экзамен. Срок службы в звании гардемарина определялся двухлетний. Гардемаринком следовало ежегодно “направлять преимущественно на суда, отправлявшиеся в заграничное плавание”. После двух лет службы в звании гардемарина и участия в двух “кампаниях”, предстояли “публичные испытания в особых комиссиях”, учреждавшихся из флагманов и штаб-офицеров в Крон-

---

¹ Корабль “Гангут” и фрегат “Илья Муромец” // Морской сборник. Т. XLVI. 1860. № 3. Ч. II. С. 264.

² Список гг. офицеров, находящихся в кампании за границей // Морской сборник. Т. XLVI. 1860. № 3. Ч. II. С. 267.

³ Отчет по Морскому кадетскому корпусу, представленный исправляющим должность директора контр-адмиралом Нахимовым за 1860 год // Морской сборник. Т. LII. 1861. № 3. Ч. II. С. 2.

штадте, Николаеве, Астрахани и Николаевске (на Амуре) (или особых судовых комиссиях в случае нахождения гардемарина в плавании). Характер экзаменов предусматривался “исключительно практический”. К экзамену гардемарина допускались по представлениям своих непосредственных начальников, из которых должно было следовать, что гардемарина “по своей службе, поведению и практическому применению достойны производства в мичманы”. На этом экзамене могли присутствовать “все посторонние лица”. Гардемарина, не выдержавшие экзамена, продолжали службу в звании гардемарина. Через год они имели право на переэкзаменовку. В случае очередной неудачи гардемарин представлялся к увольнению в отставку с производством в чин прапорщика Ластового экипажа⁴.

Гардемаринам полагалось жалование – по 360 руб. серебром в год (как прапорщикам армии или Ластовых экипажей), квартирные деньги (при отсутствии “особого казенного помещения”) и “денщицье содержание” (на одного денщика каждому), но денщики “в натуре” не полагались. Выплачивалось и морское довольствие, размер которого устанавливался особым комитетом.

Гардемарина распределялись по флотским экипажам, где за ними устанавливался “более бдительный надзор, необходимый по их возрасту и юношеской неопытности”.

Находясь на военных судах, гардемарина выполняли предписанные морским уставом обязанности, но не имели права входа в офицерскую кают-компанию, составляя свою отдельную кают-компанию⁵.

Поскольку 16 февраля 1844 г. Фердинанду Врангелю исполнилось 16 лет, он был произведен в гардемарина. Именно с этого дня пошел отсчет его действительной военной службы⁶.

5 мая 1860 г. великий князь Константин Николаевич подписал приказ № 58, в котором объявлялось повеление императора Александра II: “воспитанников морских учебных заведений, при производстве их в *гардемарина* и *кондукторы*, приводить к присяге на верность службы”⁷. Однако остается неизвестным, когда и где принимал присягу гардемарин Фердинанд Врангель.

Восстание на Сицилии

22 марта 1860 г. “Гангут” вышел с Неаполитанского рейда и отправился в море. Через неделю он бросил якорь на рейде Палермо. Прибывшие на “Гангут” офицеры с английского и неаполитанского кораблей сообщили о беспорядках, продолжающихся

⁴ Название “Ластовый экипаж” происходит от меры вместимости судна – ластва (нем. Last – груз). Ластовые экипажи существовали в XVIII–XIX вв. для комплектования ластовых судов – барж, плашкоутов и транспортных судов. Офицеры, причисленные к Ластовому экипажу, считались низшей категорией офицеров флота, носили иную форму, имели армейские звания и пониженные оклады.

⁵ Морской сборник. Т. XLVII. 1860. № 6. XXVI–XXIX.

⁶ РГИА. Ф. 759. Оп. 75. Д. 353. Л. 3.

⁷ Там же.

в окрестностях города с 22 марта. В усмирении бунтовщиков принимали участие 20 тыс. солдат. 23 марта войска взяли штурмом Капуцинский монастырь, где скрывались инсургенты (повстанцы). С обеих сторон было несколько убитых и раненых.

Русский генеральный консул Чевкин сообщил Нордману, что в городе все в порядке, но он объявлен на осадном положении. В связи с этим губернатор Палермо принц Кастельчикалла был очень доволен случайным заходом русского корабля⁸.

Одной из причин восстания на Сицилии была недалёковидная политика нового монарха Неаполитанско-Сицилийского государства короля Франческо II, представителя королевской ветви Бурбонов. О том, к каким последствиям приведет это восстание, еще никто не догадывался.

На Мальте

Вынужденное и однообразное пребывание в Палермской гавани продолжалось до 19 апреля 1860 г. Утром этого дня “Гангут” вышел из Палермо, по-прежнему находившегося на осадном положении, а 21 апреля прибыл на рейд Валетты (о. Мальта). Здесь находилась английская военно-морская база.

Через два дня “Гангут” с помощью портового парохода был отбуксирован туда, где стояли корабли английской эскадры, которой командовал вице-адмирал Феншау.

Стоянка в Валетте продолжалась 7 дней. За этот период русские моряки увидели и узнали много нового и интересного. В один из дней контр-адмирал Нордман, многие офицеры и гардемарины, а также два старших боцмана, детально осмотрели флагманский корабль англичан – трехпалубный “Мальборо”, вооруженный 131 пушкой.

В другой раз русские моряки стали свидетелями берегового строевого учения десантников. Стрелковые партии англичан, высаженные на берег, составили 10-взводный батальон, который “с хором музыки” точно исполнил все тонкости “полного батальонного учения”, с холостой пальбой и построениями. Командовал батальоном командир флагманского корабля “Мальборо” лорд Керр, находившийся на “командном пункте” – верхом на лошади.

Чтобы продемонстрировать русским коллегам выучку подчиненных ему войск, адмирал Феншау предложил Нордману внезапно осмотреть любую из казарм. Предложение было при-

---

⁸ Рапорт начальника эскадры в Средиземном море контр-адмирала Нордмана // Морской сборник. Т. XLVII. 1860. № 6. Ч. II. С. 30–32.

нято. Результаты были удивительными: содержание казарм русские моряки признали образцовым. Но особенно их поразили грамотность и “нравственное развитие” английских военнослужащих.

Осознавая важность хорошего знания английского языка, контр-адмирал Нордман разрешил нанять “на остальное время” плавания хорошего учителя-мальтийца для занятий гардемарин и офицеров.

28 апреля 1860 г. “Гангут” покинул Мальту и направился в Ниццу, где Нордман хотел застать вдовствующую императрицу Александру Федоровну⁹.

Однако вместо Ниццы “Гангут” пришел в ...Виллафранку, поскольку 3 мая в районе о. Монте-Кристо внезапно, “от апоплексического удара”, скончался старший штурман штабс-капитан Эйсмонт¹⁰.

Проводы вдовствующей императрицы

Подробности похорон Эйсмонта остаются неизвестными. Однако не приходится сомневаться в том, что гардемарин, в том числе и Ф. Врангель, принимали в них участие.

Стоянка в Виллафранке продолжалась 15 дней. Утром 19 мая 1860 г. “Гангут” снялся с якоря для следования в Марсель, чтобы встретить вдовствующую императрицу Александру Федоровну, прибывающую в этот порт на пароходе “Олаф”. Ночью 20 мая “Гангут” бросил якорь у ворот марсельской купеческой гавани. В 4 часа утра “Олаф” прошел мимо “Гангута” прямо в гавань.

К 10 часам утра контр-адмирал Нордман, офицеры его штаба и экипажа “Гангута” прибыли на “Олаф”. Императрица мило стиво простилась с офицерами и командами, спустилась на плот и села в приготовленное для нее кресло. Офицеры сразу же бросились к креслу и перенесли “государыню” к экипажу. Толпы местных жителей окружали пристань во время отъезда русской царицы.

Железнодорожная станция была убрана цветами. Войска стояли шпалерами, отдавая императрице честь. Престарелый маршал Кастелан и русский посол граф П.Д. Киселев провожали императрицу до Лиона.

---

⁹ Рапорт начальника эскадры в Средиземном море, контр-адмирала Нордмана 1-го // Морской сборник. Т. XLVII. 1860. № 7. Ч. II. С. 73–75.

¹⁰ Там же. С. 76.

На рассвете 21 мая “Гангут” вышел из Марселя и через несколько часов бросил якорь на Тулонском рейде. Там на борт корабля было погружено 170 т угля, после чего 24 мая “Гангут” отправился в Неаполь¹¹.

В Неаполе

Когда 28 мая “Гангут” бросил якорь на рейде Неаполя – лучшей естественной гавани западной Италии, взору Врангеля и его товарищей предстала весьма живописная картина: старинный город, расположенный террасами у подножия холма, вулкан Везувий неподалеку, множество стоявших на рейде кораблей и судов...

Стоянка “Гангута” на Неаполитанском рейде продолжалась шесть недель. В соответствии с депешей от 31 мая 1860 г., “Гангут” должен был возвращаться на родину. Но российский посланник князь А.Н. Волконский задержал корабль в Неаполе “по делам здешнего края”¹².

Дело было в том, что Дж. Гарибальди в начале мая 1860 г. высадился на о. Сицилия во главе “тысячи” добровольцев с целью освобождения Южной Италии от власти неаполитанского короля. 27 мая гарибальдийцы заняли Палермо. Это не могло не испугать короля Франческо II.

Известия о действиях Гарибальди, бывшего моряка, несомненно, волновали умы русских гардемарин. События в Сицилии стали пищей для размышлений у 16–17-летних юношей, в том числе и Фердинанда Врангеля...

По мнению контр-адмирала Нордмана, стоянка “Гангута” в Неаполе оказалась “весьма интересна и поучительна”. В своем рапорте он отмечал: “Семь морских наций, представляемых находившимися здесь военными судами, возбуждали общее соревнование. В учениях парусных и шлюпками, “Гангуд” занимал одно из почетных мест”¹³.

Английский контр-адмирал Мунди держал свой флаг на корабле “Ганнибал”, на котором было заключено перемирие между неаполитанскими генералами и Дж. Гарибальди¹⁴.

¹¹ Рапорт начальника эскадры в Средиземном море контр-адмирала Нордмана // Морской сборник. Т. XLVIII. 1860. № 8. Ч. II. С. 76–78.

¹² Рапорт начальника эскадры Средиземного моря, контр-адмирала Нордмана // Морской сборник. Т. XLIX. 1860. № 10. Ч. II. С. 43.

¹³ Рапорт начальника эскадры Средиземного моря контр-адмирала Нордмана 1 // Морской сборник. Т. XLVIII. 1860. № 9. Ч. II. С. 170.

¹⁴ Выписка из письма с корабля “Гангуд” из Неаполя // Морской сборник. Т. XLVII. 1860. № 7. Ч. IV. С. 169.

Парусные учения на “Гангуте” производились довольно часто и были приостановлены только когда наступила очень жаркая погода: в середине июня 1860 г. по ночам несколько дней подряд была температура 21 °R (26,25 °C. – В.С.).

В воскресенье, 3 июля, в Палермо произошли беспорядки, в ходе которых многие граждане получили смертельные ранения. Однако вечером того же дня русские офицеры без всяких неприятностей побывали в местном театре на спектакле “Ромео и Джульетта”. Характерно, что в Неаполе побывала четверть экипажа “Гангута”, но ни с кем никаких инцидентов не произошло¹⁵.

Домой, в Кронштадт

8 июля “Гангут” вышел из Неаполя и отправился в Кадис, куда прибыл 17 июля. Здесь корабль заправился водой, углем и другими припасами.

С 22 июля по 7 августа 1860 г. “Гангут” совершил продолжительный океанский переход в Шербур.

14 августа 1860 г. “Гангут” вышел из Шербура и через Английский канал (пролив Ла-Манш) направился к Скагерраку. 18 августа открылся ютландский берег. В проливе Большой Бельт, несмотря на присутствие лоцмана, “Гангут” все-таки коснулся грунта. 21 августа корабль бросил якорь на Кильском рейде, возле пароходо-фрегата “Смелый”¹⁶.

Стоянка продолжалась 10 дней. В эти дни Врангелю и его товарищам пришлось питаться всухомятку, так как на “Гангуте” из-за неисправности камбузных плит была прекращена варка горячей пищи. Отливка новых плит была закончена только накануне выхода.

31 августа “Гангут” отправился в Кронштадт, куда и прибыл 5 сентября. Корабль встречали торжественно. При подходе линейного корабля “Гангут” к эскадре команды входящих в ее состав четырех кораблей и корвета разбежались по вантам и сеткам на мачты. Грянули гимн “Боже, Царя храни” и тысячеголосое “ура!”. С “Гангута” отвечали тем же.

“Гангут” находился в плавании 13 месяцев и 21 день. На родину не смогли вернуться иеромонах Феофан, старший штурман

---

¹⁵ Там же. Т. XLVII. 1860. № 7. Ч. IV. С. 169.

¹⁶ Рапорт начальника эскадры Средиземного моря, контр-адмирала Нордмана // Морской сборник. Т. XLIX. 1860. № 10. Ч. II. С. 47–51.

штабс-капитан Эйсмонт, три матроса, погибшие при падении с мачт, и три – умершие от болезней¹⁷.

На Кронштадтском рейде “Гангут” встречал великий князь Константин Николаевич. 13 сентября генерал-адмирал вновь побывал на корабле, где “делал ему парусное учение, которое было весьма порядочно”¹⁸.

Несомненно, Врангель и другие гардемарины были рады возвращению на родину после 14-месячного отсутствия.

---

¹⁷ Рапорт начальника эскадры Средиземного моря, контр-адмирала Нордмана // Морской сборник. Т. XLIX. 1860. № 11. Ч. II. С. 140–141.

¹⁸ Переписка Императора Александра II... С. 267–268.

На фрегате “Олег”

После возвращения “Гангута” в Россию Врангель получил краткосрочный отпуск и хотел провести его в семейном кругу. Однако долго ему отдыхать не пришлось. 6 октября 1860 г. Врангель был переведен на новейший 57-пушечный фрегат “Олег” для продолжения своей гардемаринской службы.

Из Кронштадта в Тулон

Менее чем через две недели “Олег” отправился в Киль. Командовал фрегатом капитан 2 ранга Н.Н. Андреев. В Киль “Олег” вошел утром 22 октября. Во время стоянки экипаж занимался погрузкой угля и ... принимал высокого гостя – герцога Карла Гольштейн-Глюксбургского¹.

27 октября 1860 г. “Олег” вышел из Киля и отправился к английским берегам. 5 ноября фрегат бросил якорь на рейде Ширнеса (Англия), где было погружено 370 т угля и устранены неполадки в котле². Однако неприятности плавания на “Олеге” еще только начинались...

После нескольких дней стоянки в Плимуте, в течение которых был произведен ремонт клапанов паровых машин, фрегат 20 ноября 1860 г. вновь вышел в море. Вскоре огромная волна, подошедшая к фрегату, когда его нос опустился вниз, нанесла ему такие повреждения, что почти до полудня следующего дня экипажу пришлось очищать корабль от обломков.

---

¹ Рапорт командира фрегата “Олег”, капитана 2 ранга Андреева // Морской сборник. Т. L. 1860. № 13, декабрь. Ч. II. С. 203–204.

² Рапорт командира фрегата “Олег”, капитана 2 ранга Андреева // Морской сборник. Т. LI. 1861. Ч. II. С. 50.

В ночь с 23 на 24 ноября очередная волна ударила в левый рабочий катер, от чего переломились шлюпбалки, катер упал и вскоре был раздроблен о борт фрегата³.

В ночь с 3 на 4 декабря “Олег” прошел пролив Гибралтар⁴, а утром 8 декабря бросил якорь на Тулонском рейде. 18-дневное плавание фрегата выявило как преимущества, так и существенные недостатки корабля. “Олег” имел весьма прочный корпус, но на волне обнаружил дурное свойство “бить носом”, а также показал “стремительность... боковой качки”. Имевшиеся на фрегате два опреснителя часто ломались. В середине жилой палубы, в лазарете и гардемаринской каюте открылась течь из батарейной палубы⁵.

Тулон – Виллафранка – Тулон

В Тулоне стоянка фрегата продолжалась в течение месяца. Три недели подряд шли дожди. Лишь последняя неделя оказалась солнечной.

“Олег” стоял в окружении “глянцевито-раскрашенных” французских кораблей, но сам на их фоне выглядел скромно, лишь постепенно “охорашивая свою наружность”. Зато он мог щеголять своими превосходными гребными судами, с которыми, как отмечал в своем рапорте Андреев, “не могла соперничать ни одна французская шлюпка ни под парусом, ни под веслами”⁶. Даже “шестерка” фрегата “Олег” обгоняла под веслами все французские катера.

10 января “Олег”, в соответствии с депешей из Петербурга, покинул Тулонский рейд. В Тулоне были оставлены для лечения два гардемарина: Е. Колонтаев и Н. Андриянов.

Ночью 11 января “Олег” был уже в Виллафранке, где он оказался совершенно один. Однако здесь на небольшом клочке земли была оборудована станция – выстроены здания, которыми командир корабля мог располагать для надобностей экипажа. Это делало стоянку в Виллафранке предпочтительней стоянки в Тулоне⁷.

---

³ Еще рапорт командира фрегата “Олег”, капитана 2-го ранга Андреева // Морской сборник. Т. LI. 1861. № 1. Ч. II. С. 62–64.

⁴ Там же. С. 65.

⁵ Там же. С. 65–67.

⁶ Рапорт командира фрегата “Олег”, капитана 2 ранга Андреева // Морской сборник. Т. LI. 1861. № 3. Ч. II. С. 234–235.

⁷ Там же. С. 234–236.

...Пребывание фрегата в Виллафранке продолжалось два месяца. Выход в турецкий порт Смирна (ныне – Измир) был назначен на 10 марта 1861 г. Однако идти пришлось не в Смирну, а... в Тулон. Причиной этого стал налетевший в ночь с 9 на 10 марта жестокий порыв ветра, после которого корму фрегата вынесло на мель. Затем ставший бортом к ветру “Олег” несколько раз ударил о грунт...

Только в 5 часов утра фрегат смог отойти на безопасную глубину. Из-за полученных повреждений в трюм с кормы стала прибывать вода – до 13 дюймов в час. С помощью пяти ручных помп удалось поддерживать 9–10-дюймовый горизонт воды. Водолаз, осмотревший повреждения, сообщил, что оторван фальшкиль и даже часть киля в кормовой части⁸.

Как и сотни других членов экипажа, гардемарин Врангель немало поволновался в ту ночь, которая, очевидно, запомнилась ему на всю жизнь...

Внеплановый переход фрегата из Виллафранки в Тулон, к счастью, проходил при попутном ветре. 11 марта “Олег” благополучно прибыл в Тулон, где Андреев собирался поставить корабль в док. Однако это удалось сделать лишь 2 апреля 1861 г.⁹ При осмотре корпуса фрегата повреждения киля оказались значительно серьезнее, чем ранее об этом докладывали водолазы. Исправление повреждений фрегата продолжалось 26 дней. 28 апреля 1861 г. фрегат “Олег” был выведен из дока. 5 мая была завершена приемка на борт корабля пороха и бомб.

Тулон – Пирей – Бейрут – Яффа

6 мая 1861 г. фрегат “Олег” покинул Тулон и вечером 23 мая бросил якорь на Пирейском рейде. Здесь русский посланник передал Андрееву предписание немедленно следовать в Бейрут.

25 мая фрегат вышел в Бейрут, на рейд которого вошел под парами днем 29 мая. На Бейрутском рейде фрегат подвергся большей качке, чем при плавании по Средиземному морю и в Архипелаге¹⁰.

Стоянка “Олега” в Бейруте продолжалась более двух месяцев. Здесь же находился флагманский корабль эскадры Сре-

⁸ Рапорт командира фрегата “Олег”, кап. 2-го ранга Андреева // Морской сборник. Т. LII. 1861. № 4. Ч. II. С. 604–605.

⁹ Рапорт командира фрегата “Олег”, капитана. 2-го ранга Андреева // Морской сборник. Т. LIII. 1861. № 6. С. 191.

¹⁰ Рапорт командира фрегата “Олег”, кап. 2 р. Андреева // Морской сборник. Т. LIV. 1861. № 7. Ч. II. С. 86–88.

земного моря фрегат “Генерал-адмирал”, на котором держал флаг контр-адмирал И.А. Шестаков. Присутствие в Сирии военных кораблей нескольких европейских держав (в том числе Англии и Франции) было связано с нестабильной обстановкой в этой стране, где недавно, в 1860 г., происходили столкновения между христианами и мусульманами.

8 августа 1861 г., в соответствии с предписанием начальника эскадры, фрегат “Олег” снялся с якоря и отправился в Яффу с главой Русской миссии в Иерусалиме архимандритом Кириллом.

На следующий день фрегат стал на якорь на рейде Яффы. Офицеры и 200 матросов отправились в Иерусалим на поклонение Гробу Господню. Фрегат же с 11 по 12 августа совершил 45-мильный переход в Хайфу и Акру.

В полдень 13 августа “Олег” вернулся в Яффу. Вечером 14 августа прибыли члены экипажа из Иерусалима. 15 августа, подняв паруса, “Олег” покинул Яффу и на следующий день бросил якорь на Бейрутском рейде¹¹.

По плану начальника эскадры

6 сентября 1861 г. контр-адмирал И.А. Шестаков вывел фрегаты “Генерал-адмирал”, “Олег” и корвет “Ястреб” в море. Когда в море обнаружили кем-то поставленную “цель”, Шестаков распорядился открыть по ней огонь (в учебных целях). С “Генерал-адмирала” было выпущено по цели 55 ядер “довольно удачно”.

На следующий день Шестаков устроил артиллерийское учение для экипажа “Олега”. Поскольку это была первая стрельба комендоров “Олега”, да еще по движущейся цели, то “опыт не мог быть совершенно удовлетворительным”.

8 сентября корабли зашли в бухту Айяс, где командам было разрешено побывать на берегу¹².

23 сентября Шестаков вновь вывел эскадру в море и опять зашел с ней в бухту Айяс. Во время стоянки были проведены состязания гребных судов, которые вызвали большой азарт не только у участников, но и зрителей. В них приняли участие 20 шлюпок под парусами и управлением офицеров. Главный приз – подзорную трубу – выиграл мичман Челеев с фрегата

---

¹¹ Рапорт командира фрегата “Олег” // Морской сборник. Т. LV. 1861. № 10. С. 90–91.

¹² Рапорт начальника эскадры Средиземного моря, свиты Е.И.В. контр-адмирала Шестакова // Морской сборник. Т. LVI. 1861. № 12. Ч. II. С. 46–47.

“Олег”, командовавший 16-весельным капитанским катером. В гардемаринской гонке взял приз (бинокль) один из товарищей Врангеля – гардемарин с “Олега” Василий Давыдов. Он командовал офицерским катером. Второй и третий призы в гребной гонке также достались катерам “Олега”.

Вскоре в бухту пришла шхуна “Пезуапе” с известием от консула: союзные эскадры оставили Бейрут. В связи с этим Шестаков сделал следующие распоряжения: корвет “Ястреб” остается на станции в Сирии; фрегат “Громобой” отправляется в Тулон; фрегат “Генерал-адмирал” следует на Мальту; шхуна “Пезуапе” направляется в Марсель; фрегат “Олег” остается в восточной части Средиземного моря.

Так завершилось пребывание в Ливане русской эскадры. Из более 2500 русских моряков, подвергавшихся опасности заболеть лихорадкой и “злокачественной дизентерией”, умерли 16 человек¹³. Многие продолжали болеть еще длительное время.

Пирей – Смирна – Пирей – Виллафранка – Тулон

6 октября 1861 г. фрегат “Олег” отправился в Пирей, куда прибыл 14 октября¹⁴. Стоянка в Пирее продолжалась в течение 75 суток. В ноябре–декабре здесь господствовали пронзительные ветры, которые привели к нескольким случаям простуды. Продолжались и неприятности, связанные с заболеванием бейрутским “хроническим поносом”. В середине декабря в афинский госпиталь были отправлены 5 “нижних чинов”, четверо из которых вскоре умерли. В Афинах по причине “хронического поноса” был оставлен и старший офицер фрегата капитан-лейтенант А.И. Бойе¹⁵.

Для многих матросов чересчур тесное знакомство с гречанками закончилось заболеванием сифилисом: когда 29 декабря 1861 г. фрегат “Олег” покинул Пирей, в его лазарете было 19 “сифилитических” больных¹⁶.

В турецком порту Смирна “Олег” стоял до начала февраля 1862 г. 9 февраля 1862 г. фрегат отправился в обратный путь.

---

¹³ Там же. С. 47–50.

¹⁴ Рапорт командира фрегата “Олег”, кап. 2 р. Андреева // Морской сборник. Т. LVI. 1861. № 12. Ч. II. С. 52–53.

¹⁵ Рапорт командира фрегата “Олег”, кап. 2 р. Андреева // Морской сборник. Т. LVIII. 1862. № 3. Ч. II. С. 45–46.

¹⁶ Рапорт командира фрегата “Олег”, кап. 2 р. Андреева // Морской сборник. Т. LVIII. 1862. № 4. Ч. II. С. 195.

Днем 10 февраля “Олег” уже бросил якорь на пирейском рейде. По желанию русского посланника графа А.Д. Блудова “Олег” задержался в Пирее на неделю, поскольку еще 3 февраля гарнизон Навплийской крепости восстал против правительства. Однако мятежники были уже окружены...

17 февраля “Олег” вышел из Пирея. Через два дня он приблизился к острову Цериго, где была произведена стрельба из орудий с расстояний от 2 до 7 кабельтовых. Всего было выпущено 138 ядер. Несомненно, что эта стрельба оказалась полезной не только экипажу фрегата, но и гардемаринам, в том числе и Ф. Врангелю.

2 марта “Олег” подошел к острову Сардиния, а в полдень 7 марта прибыл в Виллафранку. 11 марта, по приказанию контр-адмирала И.А. Шестакова, фрегат “Олег” перешел в Тулон, конвоируя фрегат “Ослябя”¹⁷.

Домой, в Кронштадт

Врангель и его товарищи с нетерпением ожидали завершения своей второй кампании. 21 марта фрегаты “Олег” и “Громобой” оставили Тулон и отправились в Кронштадт. Контр-адмирал Шестаков, предоставив командирам кораблей свободу в выборе пути, обязал их зайти в Гибралтар¹⁸.

Утром 28 марта “Олег” бросил якорь на Гибралтарском рейде рядом с “Громобоем”. В тот же день “Громобой” ушел в Кадис. “Олегу” же не повезло в очередной раз. Когда 29 марта фрегат решил покинуть Гибралтар, он потерял якорь. Его удалось найти только с помощью экипажа английского винтового фрегата “Сцилла”...

31 марта “Олег” вышел под парами с Гибралтарского рейда и 11 апреля стал на якорь напротив английского города Райд (за островом Уайт). Этот рейд был хорошо знаком Врангелю по плаванию на фрегате “Светлана”¹⁹.

Стоянка фрегата в Англии продолжалась 23 дня. Вечером 5 мая “Олег” вышел в море...

Следуя из Киля в Кронштадт, фрегат “Олег” обнаружил стоящий на мели у острова Стеньшхер английский пароход

¹⁷ Рапорты командира фрегата “Олег”, кап. 2 р. Андреева // Морской сборник. Т. LVIII. 1862. № 4. Ч. II. С. 195–199.

¹⁸ Рапорт начальника эскадры Средиземного моря, свиты Е.И.В. контр-адмирала Шестакова // Морской сборник. Т. LIX. 1862. № 5. Ч. II. С. 101.

¹⁹ Рапорт командира фрегата “Олег”, кап. 2 ран. Андреева // Морской сборник. Т. LIX. 1862. № 5. Ч. II. С. 102–106.

“Царь” и оказал ему помощь. Вечером 26 мая 1862 г. “Олег” прибыл в Кронштадт²⁰.

Плавание на “Олеге” оказалось сложным из-за частых аварийных случаев и опасных болезней, которым подверглись многие члены экипажа. Однако не приходится сомневаться в том, что Фердинанд Врангель прошел большую практическую школу заграничного плавания и готов был в скором времени сдавать экзамен “на мичмана”. Вот только желания такого у него не было...

---

²⁰ Рапорт командира винтового фрегата “Олег”, кап. 2 р. Андреева // Морской сборник. Т. LX. 1862. № 7. Ч. II. С. 118–119.

Слушатель Дерптского университета

Курс – в университет!

Несомненно то, что в течение длительных плаваний в конце 1850-х–начале 1860-х гг. Фердинанд Врангель накопил значительный опыт морской службы. Однако параллельно с этим 18-летний моряк приобрел свойственные его возрасту радикализм и... революционность. Вот как Врангель вспоминал о времени своей молодости спустя 45 лет:

“В первые годы службы свел знакомство с политическими “неблагонадежными” элементами чрез посредство двух студентов (которых за обладание запрещенных книг в виде наказания отправили на флот юнкерами). Частью их личное влияние, а еще в большей мере все политическое построение тогдашней обновленной Руси (начало царствования Александра II), сделали меня восторженным поклонником Герцена, Огарева, Чернышевского и т.д., и я решил бросить морскую службу, поступить в русский университет и посвятить себя революционной политической деятельности.

Под влиянием чтения “Колокола” – в моих глазах безапелляционного авторитета по всем вопросам политическим и социальным, я возненавидел остзейских баронов как угнетателей поработенных ими племен и как оплот самодержавия, в лице генералов и чиновников-остзейцев.

Я воспользовался сильным припадком ревматизма, схваченного мною в плавании, чтобы объявить отцу, что я желаю покинуть службу и поступить в московский университет. Старик, давно меня не видевший и не знавший о моем образе мыслей, позаботился послать меня сначала на воды лечить уже прошедший ревматизм, а затем выхлопотал мне право поступить вольнослушателем в Дерптский университет, не покидая окончательно морской службы. Он надеялся, что когда здоровье мое окрепнет и когда жажда знаний будет утолена, я охотно вернусь к морскому делу, которое он сам так страстно любил. Он выбрал дерптский университет не из соображений

национальных (мой старший брат окончил по желанию отца курс в петербургском университете), а лишь потому, что это был в то время единственный российский университет, которого не коснулись студенческие беспорядки. Как ни тяжело мне было расставаться с моими мечтами, но мысль о неповиновении отцу мне, ярому революционеру, и во сне не снилась!”¹

Так, осенью 1862 г. Врангель стал студентом, продолжая состоять на службе в Морском министерстве и будучи формально прикомандированным к Ревельскому порту. Очевидно, в Ревеле Врангель сдавал и экзамен на офицерский чин, поскольку 10 сентября 1862 г. он был произведен в мичманы².

О своих первых впечатлениях от университета Врангель почти через полвека вспоминал следующее: “Когда отец лично повез меня в Дерпт, чтобы представить меня некоторым из знакомых ему профессоров, мною овладело какое-то чувство благоговения, при виде университетского здания, при личной встрече ученых мужей, моих будущих учителей; при виде толпы веселых буршев*, в их пестрых корпоративных шапках. Все мои революционные возжелания, мои германофобские убеждения, были в сущности внешним, тонким налетом. Быстро исчез этот чуждый мне слой воспринятых воззрений, когда я, благодаря личным связям, вступил в более тесное общение со студентами, в особенности с моими ближайшими земляками эстляндской корпорации. Знакомясь ближе с их корпоративной жизнью, участвуя в их пиршествах, возобновляя дружбы детства, я вскоре почувствовал силу духовного родства, заглушивших преданий и впечатлений детства; сии не замедлили превратить молодого критика в убежденного приверженца этой своеобразной жизни”³.

Профессура и науки

В начале 1860-х гг. в Дерптском университете действовали богословский, юридический, медицинский, историко-филологический и физико-математический факультеты.

Нам неизвестно, на каком факультете учился мичман Врангель. Скорее всего, он посещал лекции на разных факультетах.

---

¹ Врангель Ф. Остзейский вопрос в личном освещении. СПб. 1907. С. 13–14.

² РГИА. Ф. 759. Оп. 75. Д. 353. Л. 4.

* Бурш (нем.) – название студента в германских странах.

³ Врангель Ф. Остзейский вопрос... С. 14.

“Годы, проведенные мною в Дерпте, 1862, 63, 64, были цветущим временем этого университета. Попечитель округа – геолог граф А.Кейзерлинг, человек выдающегося ума, пользовавшийся особым благорасположением великой княгини Елены Павловны и императора Александра II. В числе профессоров были европейские знаменитости: астроном Медлер, физик Кемц, математик Миндинг, физиолог Биддер, ботаник Шлейден, химик К. Шмидт, философ Циглер, богослов Энгельгардт, три брата Эттинген, богослов, хирург и физик, и другие”, – вспоминал впоследствии Врангель⁴.

Упомянутые Врангелем знаменитости в 1862/1863 учебном году преподавали следующие дисциплины. Ординарный профессор догматики и богословского нравоучения Александр фон Эттинген читал введение в догматику и историю, собственно догматику, а также руководил догматическими упражнениями на богословских семинарах. Его брат доктор Георгий фон Эттинген являлся проректором университета и ординарным профессором хирургии. Он преподавал теоретическую хирургию, учение о врачевании глазных болезней и руководил постоянной хирургической клиникой. Приват-доцент Артур фон Эттинген читал лекции по геометрии и электричеству.

Доктор Мориц фон Энгельгардт, ординарный профессор церковной истории и богословской литературы, читал лекции по богословской энциклопедии, всеобщей церковной истории и руководил церковно-историческими упражнениями на богословских семинарах.

Ординарный профессор уголовного права и судопроизводства, истории права и юридической литературы, доктор Виктор Циглер преподавал, в частности, общее уголовное право, римское право и учение о частных преступлениях.

Доктор Фридрих Биддер являлся ректором университета и ординарным профессором физиологии.

Ординарным профессором астрономии был доктор Генрих Медлер. Он преподавал теоретическую и физическую астрономию, а также историю математических наук.

Лекции по физике и метеорологии, а также о явлениях поляризованного света, читал доктор Людвиг Кемц, ординарный профессор физики.

Доктор Фердинанд Миндинг, ординарный профессор прикладной математики, преподавал статику, “исчисление вероятностей”, интегрирование дифференциальных уравнений, высшую

---

⁴ Врангель Ф. Остзейский вопрос... С. 14–15.

геодезию, динамику, “политическую арифметику”, а также руководил упражнениями в межевании.

Доктор Карл Шмидт являлся ординарным профессором химии. Он преподавал общую химию, историю химии и руководил практическими занятиями и аналитическими упражнениями в лаборатории...

Кроме того, академик Вольдемар Крюгер давал уроки рисования, Фридрих Бреннер – уроки музыки и пения, Георг Книгсе учил студентов фехтованию.

В университете была богатая библиотека, функционировали три музея: зоологический, изящных искусств и отечественных древностей, действовали обсерватория и ботанический сад, имелись физиологическая и патологическая коллекции, фармацевтический институт и анатомический театр⁵.

Университетская жизнь

Как же проходила жизнь Фердинанда Врангеля в Дерптском университете? Вот как он вспоминал об этом в начале XX в., будучи уже в 63-летнем возрасте:

“...Шла оживленная борьба партий и направлений как в области научной, так и в местной политике, где среди дворянства либералы под предводительством А. фон Эттингена боролись с консерваторами, руководимыми не менее даровитыми людьми, бароном Г. Нолькеном и А. фон Рихтером.

... Хотя студенческие корпорации по основному принципу своему и чужды политике, но каждый студент в отдельности конечно интересовался ею и обсуждал ее в беседах и спорах с приятелями. Прислушиваясь к этим спорам, меня поразили две особенности, которые оставили глубокий след на всем последующем складе моей политической мысли: я прибыл в Дерпт с мальчишеским самомнением и с вынесенным из обличительной и запрещенной литературы убеждением, что всякий образованный, честный и мыслящий человек должен непременно быть демократом, либералом и неверующим; для меня консерватор, крепостник, отсталый, тупоумный, были почти синонимы, нечто вроде того, что теперь среди “сознательных” подводится под ярлык “черносотенный”. Я считал, что представите-

---

⁵ Обзорение лекций в Императорском Дерптском университете на II семестр 1862 года. Дерпт. 1862; Обзорение лекций в Императорском Дерптском университете на I семестр 1863 года. Дерпт. 1863. С. 3–5, 7, 8, 12, 14.

лей таких воззрений можно только презирать, в добром случае сожалеть, но никак не спорить с ними на правах равенства и ради выяснения истины, ибо истина была одна, простая, давно открытая и не подлежащая никаким поправкам. Следя в Дерпте за прениями в обществе и в местной печати между либералами и консерваторами, я к удивлению своему скоро заметил, что не так-то легко было опровергнуть доводы последних и что, во всяком случае, если, по моему мнению, правда и была скорее на стороне либералов, то тем не менее знание, ум, талант и нравственные достоинства встречались в равной мере и у их политических противников. В общении же с моими сверстниками студентами я был поражен тем, что в тесной, истинно-братской связи членов той же корпорации соединялись юноши самых разнообразных взглядов и самого различного общественного положения. Тут был и медик-материалист, и глубоко верующий богослов, и консерватор-историк, и юрист-либерал, и критик-естественник; царила полная свобода отвлеченных воззрений и строгая безусловная дисциплина относительно нравственных понятий порядочности (*Honorig-Keit*), в основе коих лежали два начала: правдивость и мужество. Не менее пестроты представляло и социальное положение товарищей: тут сила знатных помещиков, богатых горожан, ученых врачей, пасторов, юристов, встречались на правах полного, действительного равенства с сыном ремесленника и крестьянина”⁶.

Может показаться удивительным то, что пребывание в Дерптском университете, в среде студенчества, столь склонного к максимализму и нигилизму, подействовало на 18–20-летнего Врангеля совершенно неожиданным образом. “На меня, привыкшего раньше к одностороннему освещению всех общественных вопросов с единственной узко-радикальной точки зрения моего кружка, это постоянное общение с людьми различных направлений произвело отрезвляющее, благотворное влияние, – писал он много лет спустя.

...После двух с половиной лет, проведенных в Дерпте, я вернулся на государственную службу, но уже не революционером, а верным царским слугою, видевшим свою задачу в добросовестном исполнении своего долга, а не в преступном распространении своих незрелых представлений о наилучшем устройстве человеческого общества.

В Дерпте обогатились, конечно, мои скудные научные познания, и поднялся общий уровень моего развития, но главным

---

⁶ Врангель Ф. Остзейский вопрос... С. 15–17.

благодеемием этих 2½ лет, было вышеуказанное отрезвление моего политического мышления. За это я вечно признателен бывшему Дерптскому университету и моему отцу, направившему меня туда”⁷.

Таким образом, “революционность”, приобретенная гардема-рином Фердинандом Врангелем в результате общения с юнкерами флота из бывших студентов, под воздействием чтения запрещенного “Колокола” и впечатлений от деятельности Дж. Гарибальди и его сподвижников, в течение обучения в Дерптском университете в 1862–1864 гг., прошла. Вместо нее мичман Врангель приобрел убежденность в необходимости честного служения Царю и Отечеству.

---

⁷ Там же. С. 18–19.

На фрегате “Пересвет”

4 апреля 1865 г. Фердинанд Врангель был произведен в лейтенанты. Через месяц, 7 мая 1865 г., он был назначен вахтенным начальником на 43-пушечный фрегат “Пересвет”¹, которым командовал капитан-лейтенант Н.В. Копытов (впоследствии вице-адмирал).

Курс – Средиземное море!

Вечером 30 июля 1865 г. фрегат снялся с якоря с Кронштадтского рейда и отправился в Копенгаген. 18 августа 1865 г., по сигналу генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, находившегося в датской столице, фрегат “Пересвет” снялся с якоря и вышел под парусами в пролив Каттегат. 23 августа на фрегате развели пары, под которыми и прошли по Английскому каналу. 26 августа на Портсмутском рейде “Пересвет” произвел салют наций. Ответный салют был произведен с флагманского корабля английской броненосной практической эскадры.

В период стоянки команда перетянула весь стоячий такелаж, погрузила уголь, провизию и побывала на берегу “по одному разу”².

2 сентября 1865 г. “Пересвет” вышел из Портсмута в Брест (Франция), куда прибыл через два дня. 10 дней стоянки были вынужденными: в портах Средиземного моря, куда направлялся фрегат, свирепствовала холера³.

---

¹ РГИА. Ф. 759. Оп. 75. Д. 353. Л. 3, 5 в.

² Рапорт командира фрегата “Пересвет” капитан-лейтенанта Копытова // Морской сборник. Т. LXXXI. 1865. № 11. С. 10–13.

³ Рапорт командира фрегата “Пересвет”, капитан-лейтенанта Копытова // Морской сборник. Т. LXXXI. 1865. № 12. С. 77–80.

25 сентября “Пересвет” прибыл в Кадис. По приходе туда обнаружилась весьма неприятная вещь – в трюме обнаружилась течь (вода прибывала по 16 дюймов в час).

С помощью вице-консула Копытов пытался решить вопрос о доковании фрегата. Но два местных дока оказались малы, третий же был занят до 23 октября. Убедившись после очередного водолазного осмотра, что опасных повреждений нет, Копытов отправился на Мальту⁴. Переход продолжался с 4 по 9 октября 1865 г.

В доке “Пересвет” находился 21–23 октября. После выхода из дока вода в трюме прибывала только на 2 дюйма за двое суток.

30 октября 1865 г. “Пересвет” вышел в море и направился в греческий порт Пирей, куда прибыл 9 ноября⁵.

В Пирее фрегат был поставлен в карантин на 11 дней, во время которого команда занималась перетягиванием стоячего такелажа, конопатила палубу, красила фрегат⁶.

В зоне землетрясения

5 февраля 1866 г., по распоряжению русского посланника в Греции, фрегат вышел из Пирея к о. Санторин, жители которого были обеспокоены начавшимся землетрясением, “в видах филантропических, а также для наблюдения над образовавшимся вулканом”⁷.

Уже 6 февраля, преодолев под парусами 126 миль, “Пересвет” бросил якорь за южной оконечностью острова. Копытов отправил на берег, к русскому вице-консулу Маркезини, лейтенанта Врангеля для сообщения о цели визита фрегата – оказании помощи (в случае необходимости) жителям острова. Маркезини должен был довести эту информацию до губернатора и других должностных лиц острова.

Однако Врангель нашел вице-консула больным и находящимся в постели. Это помешало Маркезини прибыть на фрегат.

Несколько позднее его посетил Копытов. Маркезини сообщил, что благодарность жителей за изъявление готовности помочь, предполагается выразить официальным письмом...

---

⁴ Рапорт командира фрегата “Пересвет” капитан-лейтенанта Копытова // Морской сборник. Т. LXXXII. 1866. № 1. С. 24–27.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Рапорт командира фрегата “Пересвет” капитан-лейтенанта Копытова // Морской сборник. Т. LXXXIII. 1866. № 4. С. 24.

Жители Санторина приветствовали “Пересвет” и русских моряков “всеми знаками симпатии и признательности”. На фрегате в течение дня было очень много посетителей. Хотя на Санторине уже никто не помнил, когда здесь было в последний раз русское судно, этот остров, “один из значительных в Архипелаге”, торговал преимущественно с Россией. Многие его жители говорили по-русски и имели в своих домах посуду, мебель, сервизы, белье и другие предметы, привезенные из портов Азовского моря.

Русские моряки поднялись к вулканам. Они осмотрели их “кругом с моря” и с высоты старого кратера, у подошвы которого возникало новое поднятие высотой 45 м. Из-за вулканической деятельности, продолжавшейся на острове с 18 января, глубины в заливе значительно изменились. Старший штурманский офицер, подпоручик Д. Арцыбашев, выполнил промер там, где было “пространство окрашенной воды”. В разных местах моряки измерили ее температуру и набрали в несколько бутылок воды для исследования состава.

Проведя у острова Санторин два дня, фрегат отправился в обратный путь под парами. Через сутки “Пересвет” прибыл в Пирей.

Русский посол граф А.Д. Блудов представил Копытова дипломатическому корпусу. Пользуясь гостеприимством иностранных послов, Копытов и его офицеры, в том числе и Врангель, посещали приемы, где несколько раз встречали и греческого короля⁸.

...16 февраля 1866 г. “Пересвет” вновь бросил якорь на рейде о. Санторин. Префект острова прибыл на фрегат с изъявлением признательности за проявленную заботу. 16–17 февраля произошли два незначительных извержения. После этого русские моряки произвели осмотр обоих вулканов, пройдя от них на расстоянии 40 сажень, и двух маленьких озер на о. Старая Каймения.

Затем фрегат посетил порт Нио, острова Сир и Порос, откуда отправился назад – в Пирей, захватив 15 греков, в том числе 9 больших⁹. “Пересвет” оставался в Пирее на якоре до 7 апреля 1866 г.

---

⁸ Рапорт командира фрегата “Пересвет”, капитана 2 ранга Копытова // Морской сборник. Т. LXXXIV. 1866. № 6, оф. С. 23–28.

⁹ Рапорт командира фрегата “Пересвет” капитан-лейтенанта Копытова // Морской сборник. Т. LXXXIII. 1866. № 4. С. 21–28.

Ф.Ф. Врангель и электрический лот Э.Х. Шнейдера

В числе пассажиров фрегата “Пересвет” числился преподаватель Училища правоведения надворный советник Э.Х. Шнейдер¹⁰. Эмилий Христианович происходил из иностранцев – являлся баденским подданным, лютеранином. Он принял присягу на верность российскому императору, окончил курс Дерптского университета и в сентябре 1847 г. получил диплом кандидата философии. С февраля 1857 г. Шнейдер являлся воспитателем Императорского училища правоведения в Петербурге и одновременно преподавал там естественную историю, физику и физическую географию. В 1864 г. он стал надворным советником. 27 августа 1865 г. Шнейдер был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени¹¹.

Преподавательскую деятельность в Училище правоведения Шнейдер совмещал с изобретательской работой: в течение ряда лет он, в частности, конструировал электрический лот для измерения морских глубин. Первые испытания лота Э.Х. Шнейдера были произведены 11 июня 1861 г. в Ладожском озере с борта парохода “Ладога”. Было измерено 34 глубины от 26 до 110 саженей. Присутствовавший при испытаниях руководитель гидрографических работ А.П. Андреев не сомневался в том, что изобретение Шнейдера “будет иметь громадный, всемирный успех, и доставит науке новое средство к дальнейшим исследованиям и открытиям”¹².

Впоследствии Шнейдер продолжал совершенствовать свой прибор. Для изготовления этого лота ему были выделены средства от Морского министерства¹³.

По распоряжению Морского ученого комитета Шнейдер был командирован на фрегат “Пересвет” для испытания своего электрического лота в Средиземном море, бассейн которого представлялся “наивыгоднейшим местом для подобного рода опытов”¹⁴.

---

¹⁰ Рапорт командира фрегата “Пересвет” капитан-лейтенанта Копытова // Морской сборник. Т. LXXX. 1865. № 10. С. 110–112.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2904. Лл. 4 об.–6 об.

¹² Андреев А. Первое применение электричества к измерению морских глубин // Морской сборник. Т. LIV. 1861. № 7, см. С. 32–34.

¹³ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2904. Л. 1.

¹⁴ Опыты измерения больших глубин лотом г. Шнейдера // Морской сборник. Т. LXXXVI. 1866. № 9, ч. III, неоф. С. 121.

Однако, уже в период нахождения “Пересвета” в Англии, Э.Х. Шнейдер сообщил Копытову, что когда фрегат придет в Кадис, он намерен возвратиться в Петербург, оставив на борту “лотлинь и аппараты”. В связи с этим Копытов поручил лейтенанту Врангелю изучить правила обращения с лотом¹⁵.

В период стоянки фрегата в Бресте Шнейдер, видя, что прибытие фрегата в Кадис задерживается, передумал туда идти и решил произвести хотя бы несколько испытаний своего электрического лота. Он нанял каботажное судно, на котором на несколько дней отправился в море. Однако из-за свежего ветра ни одного опыта сделать не сумел. В связи с началом лекций Шнейдер вынужден был отправиться в Петербург, передав лот со всеми принадлежностями лейтенанту Ф.Ф. Врангелю, который подробно ознакомился с конструкцией этого инструмента¹⁶.

Электрический лот Шнейдера состоял из вьюшки, телеграфа и собственно лота. Во время опытов вьюшка, телеграф и батареи устанавливались на полуют. Линь с вьюшки проходил через блок, висевший на крючке, который был прикреплен к тентовой стойке наветренного гака-борта и служил для того, чтобы отвести лить от борта.

Первые испытания лота Шнейдера были выполнены Врангелем на переходе от Мальты до Пирея в начале ноября 1865 г. Если во время предыдущих переходов слишком большие глубины не позволяли приступить к испытаниям электрического лота Шнейдера, то при плавании в Архипелаге ситуация изменилась. У входа в Эгейское море, вблизи острова Цериги, в точке с координатами Ш = 36°21½'N и Д = 23°24'O близлежащие глубины на карте оказались подходящими – 550 и 730 сажений, а погода благоприятствовала выполнению опытов.

В 13.30 фрегат лег в дрейф “на правый галс под марселями”, и был начат спуск лота. Когда лот погрузился в воду, электрическая цепь замкнулась. Первые 150 сажений вьюшка одерживалась вручную, потом лить был пущен свободно. Через 17 мин телеграф зафиксировал размыкание цепи – это означало, что лот достиг дна. Марка на лине показала, что вытравлено 670 сажений. Умножив эту величину на косинус угла отклонения литья от вертикали, Врангель получил глубину – 663 сажени.

---

¹⁵ Рапорт командира фрегата “Пересвет” капитан-лейтенанта Копытова // Морской сборник. Т. LXXXI. 1865. № 11. С. 12–13.

¹⁶ Рапорт командира фрегата “Пересвет” капитан-лейтенанта Копытова // Морской сборник. Т. XXXI. 1865. № 12. С. 79–80.

Через 45 мин хrap был вытaщен; внутри него oказалось незначительное количество желтого ила и воды.

Для контроля лот опустили вторично. В точке с координатами Ш = 30°20 $\frac{1}{2}$ 'N; Д = 23°21'O глубина оказалась равной 661 сажени¹⁷.

За исключением “маленьких частностей”, Врангель не нашел в конструкции лотлиня недостатков. Это позволило Копытову утверждать, что лот Шнейдера “весьма важен для измерения глубин океана, и что теперь с подобным лотом можно вполне полагаться на точность показаний при сделанных измерениях”¹⁸.

Во время стоянки в Пирее лить был перемерен с целью определения его растяжения и “переложения марки”. Растяжение лinya определялось на отрезках в 100 саженой и составило до длины в 500 саженой, в среднем, 11 футов (около 3 м), на отрезке 800–900 саженой – 6 футов 6 дюймов (около 2 м), на отрезке 900–1000 саженой – 1 фут (0,3 м). Далее 1000 саженой растяжения лinya отмечено не было¹⁹.

Врангель написал письмо Шнейдеру, в котором сообщил о результатах пробного промера и желании испытать лот на глубине 2500 саженой. Поскольку общая длина лinya составляла 1990 саженой, он просил прислать дополнительный лить. 6 апреля 1866 г. “добавочный лить” (650 саженой) был доставлен на фрегат. Его проволока оказалась тоньше, а нитки были пропитаны конопляным маслом вместо смолы.

7 апреля 1866 г., в 9 часов вечера, фрегат “Пересвет” снялся с якоря и направился в Яффу. Шли под парусами, используя машины только во время опытов измерения глубин электрическим лотом Шнейдера. Этот участок Средиземного моря был избран Копытовым для опытов потому, что на линии от острова Кандия до Яффы промера еще не было²⁰.

Первый предварительный опыт был произведен при выходе из Архипелага; здесь глубина оказалась менее 100 саженой.

---

¹⁷ Опыты измерения больших глубин лотом г. Шнейдера // Морской сборник. Т. LXXXVI. 1866. № 9, ч. III, неоф. С. 121–124.

¹⁸ Рапорт командира фрегата “Пересвет” капитан-лейтенанта Копытова // Морской сборник. Т. LXXXII. 1866. № 2. С. 19.

¹⁹ Опыты измерения больших глубин лотом г. Шнейдера // Морской сборник. Т. LXXXVI. 1866. № 9, ч. III, неоф. С. 124.

²⁰ Рапорт командира фрегата “Пересвет” капитана 2 ранга Копытова // Там же. С. 241.

Опыты были выполнены 12–13 апреля 1866 г. Их результаты представлены в таблице:

Дата	Время начала погружения лота в воду	Широта места	Долгота места	Глубина моря, саж
12.04.1866 г.	12 ч 55 мин	35°12'N	29°40'O	1360
13.04.1866 г.	06 ч 40 мин	34°50'N	30°46'O	1898
13.04.1866 г.	17 ч 37 мин	34°35'N	31°13'O	1740

После прихода в Яффу Врангель вновь перемерил лить. До 900 саженой растяжение литья было едва заметным, на участке от 1200 до 1300 саженой растяжение составило 3 фута и 3,5 дюйма (около 1 м), на участке 1900–1999 саженой – 2 фута и 1 дюйм (около 0,65 м). Общая длина литья составила 2770 саженой.

В своем рапорте о произведенных опытах, представленном в Морской ученый комитет вместе с рапортом командира фрегата “Пересвет”, Врангель сделал некоторые замечания относительно устройства разных частей электрического лота Шнейдера, однако отметил, что новый способ измерения глубин “не требует от наблюдателя ни большой опытности, ни особых познаний”. Он сообщил о преимуществах нового способа и о том, что собирается завершить написание краткого практического руководства по использованию лота Шнейдера²¹. Этот рапорт был опубликован в “Морском сборнике” вместе с соображениями самого Шнейдера²².

Под влиянием рапортов Н.В. Копытова и Ф.Ф. Врангеля об успешных испытаниях электрического лота Шнейдера в Морском министерстве пришли к выводу о том, что “*в настоящее время задача легкого и верного измерения больших океанских глубин может быть считаема решенною. Изобретение Шнейдера не только обогащает науку, но и имеет особенную важность в практическом применении*”²³. 45-летний Шнейдер был представлен к награждению орденом Св. Анны 2-й степени. Однако 8 мая 1867 г. Александр II пожаловал ему орден еще более высокого достоинства – Св. Владимира 4-й степени²⁴. Понятно, что

²¹ Опыты измерения больших глубин лотом г. Шнейдера // Морской сборник. Т. LXXXVI. 1866. № 9, ч. III, неоф. С. 124, 126–130, 134.

²² Там же. С. 134–140.

²³ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2904. Л. 9.

²⁴ Там же. Л. 10.

этой наградой Шнейдер в значительной степени был обязан лейтенанту Ф.Ф. Врангелю.

В 1866–1869 гг. лот Шнейдера успешно использовался при глубоководных промерах Черного моря²⁵. Однако впоследствии, очевидно, этот инструмент по неизвестной нам причине при исследовании океанов и морей не использовался.

В святых местах

Однако вернемся к плаванию фрегата “Пересвет”. На рейд Яффы фрегат прибыл 15 апреля 1866 г. Экипаж был разделен на две смены. В тот же день первая смена отправилась в Иерусалим.

Архимандрит Антонин позаботился, чтобы все прибывшие успели посетить и поклониться всем примечательным местам страданий Иисуса Христа. Фрегатский иеромонах Митрофан для каждой смены моряков служил литургию у Гроба Господня. 23 апреля иерусалимский патриарх Кирилл отслужил на Голгофе литургию, а у Гроба Господня – “благодарственное Господу Богу молебствие о счастливом избавлении Государя Императора от угрожавшей ему опасности”²⁶.

В Египте

После возвращения из Иерусалима второй смены экипажа “Пересвет” снялся с якоря и под парусами направился в Порт-Саид. В этот период в Египте шло строительство Суэцкого канала, и Копытов счел, что ему и офицерам фрегата необходимо ознакомиться с этой уникальной стройкой.

Порт-Саид оказался небольшим городком с населением 6000 человек. На небольшом пароходе русские офицеры прошли по каналу 19 верст, после чего перешли на плоскодонное каботажное судно. На нем они прошли еще 54 версты. В этой части канала его глубина не превышала трех футов (менее 1 м).

У порога el Guier (самой высокой части канала) офицеры пересели в железнодорожный вагон, на котором проехали еще дальше – к месту строительных работ. Здесь они увидели, как действуют сухие землечерпательные машины (souvveux), беру-

---

²⁵ Болгурицев Б.Н., Грибанов О.Л., Корякин В.И. и др. История Гидрографической службы Российского флота. 1997. Т. 1. С. 474.

²⁶ Рапорт командира фрегата “Пересвет” капитана 2 ранга Копытова // Морской сборник. Т. LXXVI. 1866. № 9. С. 243–244.

щие 1,64 фута (0, 5 м) земли в глубину, продвигаясь вперед каждый день на 154 фута (46 м). Число работающих машин составляло 20.

Проследовав дальше, офицеры встретили руководителя строительства канала, французского инженера-предпринимателя Ф.Лессепса, выехавшего вместе с семейством для встречи русских моряков. Лессепс сообщил им, что “Пересвет” – первое военное судно, посетившее Порт-Саид в период строительства канала, начавшегося в 1859 г. Он был благодарен Русскому обществу пароходства и торговли РОПиТ за то, что оно первым установило постоянную линию в Порт-Саид.

Вместе с Лессепсом моряки прибыли в Исмаилию – административный центр компании по строительству канала. Оказалось, что это “хорошенький город” со всеми условиями европейского комфорта...

30 апреля “Пересвет” под парусами отправился в Александрию, где Копытов хотел пополнить запасы угля. Из Александрии офицеры фрегата отправились в Каир, куда прибыли через 4 часа и где смогли увидеть знаменитые пирамиды...

Возвращение в Пирей

В Александрии все ожидали начала войны итальянцев против Австрии: несколько пароходов отсюда отправилось с волонтерами к Дж. Гарибальди. По просьбе Копытова вице-консул Николаев отправил шифровку в Петербург о прибытии в Александрию “Пересвета” и о скором его возвращении в Пирей.

9 мая фрегат отправился в греческий архипелаг. В районе Кандии развели пары и отправились к о. Санторин, где “Пересвет” стал под парами, не бросая якоря. Моряки видели новое извержение вулканов. Копытов отмечал в своем рапорте: *“количество поднявшейся земли увеличилось в несколько раз, и из кратеров выходил уже не белый пар, но черный дым, с чем-то вроде пепла, что мы заметили, будучи еще в 5 милях от острова. Шум гораздо больше и непрерывнее прежнего и извержения – чрез две, три минуты, с большим пламенем, что при лунном освещении было чрезвычайно эффектно”*²⁷.

...17 июля 1866 г. фрегат “Пересвет” вновь покинул Пирей и направился к о. Корфу. На борту фрегата находился чрезвычайный посланник и полномочный министр России в Греции тайный

---

²⁷ Там же. С. 247–248.

советник В.П. Новиков. 19 июля “Пересвет” прибыл на о. Корфу, где состоялся обмен салютами с крепостью. Поднятому на фрегате флагу иностранные военные суда не салютовали. Однако на острове русских моряков встречали по-дружески; эта симпатия, как вспоминали греки-старики, сохранялась еще со времен 1805 г., когда в этих водах действовала эскадра адмирала Д.Н. Сенявина.

24 июля 1866 г. половина команды фрегата совершила поклонение мощам Св. Спиридония. Фрегатский священник отец Митрофан совершил литургию и молебен на русском языке вместе с хором певчих из числа матросов. Это произвело большое впечатление на местных жителей²⁸.

...Прошел уже год после выхода фрегата в заграничное плавание. Всем членам экипажа (и, конечно, лейтенанту Врангелю) уже давно хотелось вернуться домой, в Россию. Через некоторое время Копытов получил указание возвращаться. 12 октября 1866 г. фрегат “Пересвет” прибыл в Кронштадт.

---

²⁸ Рапорт командира фрегата “Пересвет” кап. 2 ранга Копытова // Морской сборник. Т. LXXXVII. 1866. № 11. Ч. II. С. 113–114.

Учеба на Академическом курсе морских наук

Вольнослушатель механического отделения

Осенью 1866 г. лейтенант Ф.Ф. Врангель был зачислен вольнослушателем на механическое отделение Академического курса морских наук*. Этим курсом руководил директор Морского кадетского корпуса контр-адмирал В.А. Римский-Корсаков. В числе преподавателей были, в частности, академики А.Н. Савич и Л.И. Шренк. Делопроизводителем Учебного совета Академического курса был капитан 1 ранга Н.Н. Тыртов¹.

Вместе с Врангелем на курсе учились мичманы Румянцев и В.М. Линден (впоследствии генерал-лейтенант), прапорщики В.И. Афанасьев (впоследствии генерал-лейтенант Корпуса инженер-механиков флота) и Н.Е. Кутейников (впоследствии генерал-лейтенант, главный инспектор кораблестроения). В период обучения лейтенанты получали жалованье в размере 125 руб. 33 коп. в год, мичманы – почти на 20 руб. меньше, прапорщики – 100 руб. 26 коп. Кроме того, все слушатели получали также по 100 руб. в год на приобретение “учебных руководств”².

Обучение “механической технологии” не могло устраивать Врангеля, который на фрегате “Пересвет” почувствовал интерес к морским исследованиям и, в частности, к измерению глубин. Эта отрасль знания составляла предмет гидрографии. Поэтому Врангель мечтал с течением времени перевестись на гидрографическое отделение.

Осуществляя свою мечту, Врангель, в преддверии летней практики, получил у командира 8-го флотского экипажа, к которому он был приписан, свидетельство о том, что “на назначение его на летнее время на Кронштадтскую обсерваторию для практических занятий по астрономии, от экипажа препятствия нет”³.

* 28 января 1877 г. Академический курс морских наук был преобразован в Николаевскую морскую академию, а учебный совет Академического курса – в Конференцию Николаевской морской академии.

¹ РГА ВМФ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 7. Л. 85.

² Там же. Лл. 83, 111.

³ Там же. Л. 24.

31 марта 1867 г. Врангель подал рапорт с просьбой о разрешении проходить практику в Кронштадтской морской обсерватории и приложил к нему полученное свидетельство⁴.

Во второй половине мая 1867 г. командование Академического курса разрешило вольнослушателя Врангеля присоединить к штатным слушателям для астрономических занятий в Кронштадтской обсерватории⁵.

На гидрографическом отделении.

Горести и радости.

Астрономическая подготовка офицеров в 1867 г. продолжалась все лето, т.е., три месяца. 6 сентября 1867 г. Врангель обратился к командованию с рапортом, в котором сообщил о своем намерении перейти из “вольнослушателей по Механической Технологии” в штатные слушатели гидрографического отделения и просил разрешения “держать переходный экзамен на основании общего положения о штатных слушателях означенного отделения”⁶. Однако продолжить учебу на гидрографическом отделении Врангелю не удалось: осенью 1867 г. он серьезно заболел и вынужден был оставить Академический курс⁷. После болезни, очевидно, для восстановления сил, Врангелю был предоставлен 4-месячный отпуск с 29 апреля 1868 г⁸.

9 сентября 1868 г. Врангель был вновь прикомандирован к 8-му флотскому экипажу⁹ и вскоре продолжил обучение на гидрографическом отделении Академического курса морских наук. Те офицеры, с которыми он учился ранее, в 1868 г. окончили курс. В 1868/1869 учебном году вместе с Врангелем обучались лейтенанты Власьев, Шпаковский и Ф.В. Дубасов (впоследствии адмирал), мичманы Н.Н. Азарьев, П. Зеленой, И. Зеленой, Чайковский и Куприянов, прапорщики Соколов и Зотов¹⁰.

Однако в напряженных академических занятиях Врангеля весной 1869 г. произошел перерыв. 3 апреля, в соответствии с Высочайшим приказом по флоту от 30 марта 1869 г., Врангель

---

⁴ Там же. Л. 25.

⁵ Там же. Л. 41.

⁶ Там же. Л. 57.

⁷ Альманах современных русских государственных деятелей. СПб. 1897. С. 895.

⁸ РГИА. Ф. 759. Оп. 75. Д. 353. Л. 4.

⁹ Там же.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 9. Лл. 6 об., 10.

был уволен в отпуск на 28 дней, по домашним обстоятельствам, за границу¹¹. Очевидно, этот отпуск был связан с будущей женитьбой.

В период с 28 мая по 19 августа 1869 г. Врангель проходил летнюю практику в должности вахтенного начальника фрегата “Громобой”, который находился в плавании в Балтийском море¹².

Очередной учебный год прошел быстро. В наступившем 1870 г. у Врангеля произошли два серьезных события личного характера. Его постигло большое горе: 25 мая 1870 г. умер отец¹³...

Однако в жизни печали и радости часто соседствуют. В том же 1870 г. Врангель вступил в брак с Аделиной Генриховной Монтегю¹⁴, “англиканского вероисповедания”¹⁵. Дата этого события в различных источниках указывается разная¹⁶.

В ноябре 1870 г. Врангель окончил гидрографическое отделение Академического курса морских наук одним из первых и потому имел право участвовать в конкурсе на заграничную командировку¹⁷. Кроме него в этом конкурсе было разрешено участвовать еще трем выпускникам гидрографического отделения и двум выпускникам механического отделения¹⁸. Однако для того, чтобы победить в конкурсе, следовало написать и представить в учебный совет Академического курса диссертацию.

---

¹¹ РГИА. Ф. 759. Оп. 75. Д. 353. Л. 4.

¹² Там же.

¹³ Федорченко В.И. Императорский дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий. Т. 1. Красноярск: БОНУС; М.: ОЛМА – ПРЕСС. 2000. С. 239–240.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3528. Л. 269.

¹⁵ РГИА. Ф. 759. Оп. 75. Д. 353. Л. 4.

¹⁶ В одном из архивных документов указано, что бракосочетание произошло 1 ноября 1870 г. [ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3528. Л. 269]. В справочном издании по генеалогии балтийского рыцарства отмечено, что этот акт совершен 12 февраля 1870 г. в г. Крейцнахе (рейнская провинция Пруссии). Там же сообщается, что Adelina Minna Montague родилась в Брюсселе 12(24) февраля 1850 г. [Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. Bd. 1. Lief. 6–9. Riga. 1931–1935. S. 596]. В то же время нет никаких свидетельств о нахождении Врангеля за границей в феврале 1870 г.

¹⁷ РГИА. Ф. 759. Оп. 75. Д. 353. Л. 5в.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.

“Путевка” за границу

10 апреля 1871 г., Врангеля назначили командующим винтовой канонерской лодкой “Прибой”¹⁹. Подготовкой диссертации приходилось заниматься не в ущерб обычным служебным занятиям.

В установленный срок Врангель представил в учебный совет Академического курса диссертацию “Об измерении океанских глубин” (в 1872 г. она была опубликована²⁰). Его однокурсник Шпаковский представил диссертацию на “негидрографическую” тему: “Решение некоторых вопросов гидродинамики в применении к взрывам подводных мин”. Другие конкуренты не представили своих диссертаций.

В январе 1872 г. Врангель и Шпаковский выступали с защитой своих диссертаций перед членами учебного совета Академического курса морских наук, который нашел их “вполне удовлетворительными”. Несмотря на то, что по положению об Академическом курсе заграничная командировка предоставлялась лучшему выпускнику по каждому из трех отделений, учебный совет, “имея в виду, что обе диссертации, несмотря на разнотипность предметов исследования, заслужили совершенно одинаковое одобрение”, ходатайствовал о разрешении на заграничную командировку как Врангелю, так и Шпаковскому. В том случае, если такое разрешение будет получено, Совет просил также предоставить возможность обоим офицерам посетить Северо-Американские Соединенные Штаты, “дабы они могли совершеннее выполнить данные им от Совета инструкции...”²¹.

Капитан 1 ранга А.П. Епанчин, исполняющий должность начальника Морского училища^{***} и Академического курса морских наук с 1871 г., поддержал ходатайство учебного совета и представил управляющему Морским министерством соответствующий доклад. В середине февраля 1872 г. командировка за границу лейтенантам Врангелю и Шпаковскому была разрешена²².

---

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3528. Л. 4.

²⁰ Врангель Ф. Об измерении океанских глубин // Морской сборник. Т. СХХII. 1872. № 9, ч. неофиц. С. 1–39.

²¹ РГА ВМФ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 13. Л. 7–8.

^{***} В 1867–1891 гг. Морской корпус именовался Морским училищем.

²² Там же. Л. 22.

Командировка с научной целью

Петербург – Берлин – Аахен

В начале марта 1872 г. Врангель отправился за границу¹. Но командировка началась неудачно: у него серьезно заболела нога, и он даже вынужден был прибегнуть к помощи костылей. С разрешения А.П. Епанчина Врангель срочно проследовал через Берлин в Аахен (ныне – в Германии) для лечения. Проживая в “Hotel du Grand Monarque” и проходя курс лечения, Врангель только и мог, что заниматься теоретически “вопросами распространения температуры в Океане”. Для этой цели он пользовался местной библиотекой, которая, к его сожалению, была “довольно скудной по этой отрасли науки”.

Лечение было достаточно эффективным: через три недели Врангель смог ходить уже без костылей. В письме от 31 марта 1872 г. Врангель писал Епанчину, что немедленно по окончании лечения намерен отправиться в Париж для изучения французских гидрографических работ, которые были ему менее всего известны. Кроме того, Врангель считал своим долгом сообщить о том, что врачи ему предписывают пользоваться “морскими купавнями” для завершения лечения и окончательного укрепления больной ноги. Врангель надеялся, что он сможет последовать совету врачей в одном из английских портов “без ущерба делу”².

В Париже

Однако Врангель переоценил скорость своего выздоровления: он пробыл в Аахене весь апрель и только 10 мая 1872 г. прибыл в Париж, где поселился в “Hotel de Calais”. Узнав в русском посольстве адрес военно-морского агента контр-адмирала И.Ф. Лихачева, Врангель поспешил к нему с визитом, но с огорчением узнал, что Лихачев уехал в Россию на неопределенное время.

¹ РГА ВМФ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 13. Л. 91 об.

² Там же. Лл. 48–50.

Врангель хотел было напрямую обратиться к французским властям, но справедливо посчитал, что его служебный паспорт не будет являться достаточной рекомендацией для конструктивного диалога. Поэтому он решил представиться русскому военному агенту князю Э.-К. Витгенштейну и просить его содействия до возвращения адмирала Лихачева.

Однако и Витгенштейна не оказалось в Париже. В ожидании его приезда Врангель осмотрел морской музей, познакомился с собранием физических инструментов в Музее искусств и ремесел, а в Национальной библиотеке “просматривал” физические наблюдения Ж. Дюмон-Дюрвиля, произведенные в период кругосветных экспедиций.

Через посредство Витгенштейна Врангель хотел познакомиться с главными французскими гидрографами и собрать возможно более полные сведения об инструментах и способах производства физических наблюдений в море, после чего намеревался отправиться в Англию³.

Наконец князь Витгенштейн появился в Париже, принял Врангеля и “вполне любезно” обещал дать ему необходимые рекомендации и сведения о личностях, занимающихся гидрографическими исследованиями. Прождав три дня и не получив ответа, Врангель решил действовать самостоятельно. Он обратился к главному секретарю Парижского географического общества А. Манно, который любезно его принял, пригласил присутствовать на собраниях Общества и дал адреса многих ученых-гидрографов.

От них Врангель узнал, что гидрографические работы во Франции находятся в ведении Морского депо (Париж), а различные отрасли гидрографии курируют начальники отделений – инженеры-гидрографы, выпускники Политехнической школы. С большинством из них Врангель познакомился и узнал, что некоторые инженеры-гидрографы производили промеры по маршруту прокладки телеграфного кабеля по дну Средиземного моря. Один из этих гидрографов, Буке де ля Грайе, являлся автором теоретического труда о некоторых условиях “падения лота и линия”, с которым Врангель познакомился в период подготовки диссертации.

Из бесед с инженерами-гидрографами Врангель узнал, что с начала 50-х годов XIX века научных исследований в море французские военные суда не производили, а современный сокращенный бюджет вряд ли позволит французскому флоту в ближай-

---

³ Там же. Л. 60–61 об.

шем будущем следовать славному примеру Дюмон-Дюрвиля и других мореплавателей – исследователей Мирового океана.

В инструментальной палате Морского министерства Врангель обнаружил лишь устаревшие или несовершенные приборы для измерения глубин моря и температуры воды. Только один из приборов был сконструирован Баллестрини в 1870 г. Он был основан на применении электричества, но являлся очень сложным, особенно лить, состоявший из “прямых проволок, окруженных гуттаперчей”.

Французские военные суда обыкновенно снабжались термометрами Жансена (*thermomètre plongeur*), шарик которого был окружен пеньковой кистью, и батотермометрами с клапанами. И те, и другие предназначались для наблюдений “поверхностной воды”.

Глубоководных батотермометров у французов не было, но заведующий коллекцией инструментов инженер-гидрограф Гаспари указал Врангелю на “оптика-художника” Бодина, который недавно изобрел термометры – “максимум и минимум” для больших глубин. Этот прибор был испытан в артезианском колодце под давлением 90 атм. Семь приборов, подвергшихся испытанию, показали хорошие результаты.

Врангель обнаружил, что термометр-максимум сходен с термометром Вальфердина, а термометр-минимум подобен прибору Сикса, но оба имели существенные улучшения. Он заказал один прибор и собирался, в случае успешных испытаний, предложить Морскому министерству приобрести этот прибор в качестве образца.

В период посещений Морского депо Врангель познакомился с методами испытания хронометров и компасов перед их приобретением французским Морским министерством. В своем донесении А.П. Епанчину 6 июня 1872 г. он отмечал, что компасной обсерватории, подобной русской и английской, во Франции нет⁴.

В Англии: быть или не быть на “Челленджере”?

Вскоре Врангель был уже в Лондоне. Здесь он многое узнал об исследованиях англичан в Атлантическом океане в 1860-х гг. В ходе этих работ появилась еще одна причина для глубоководных исследований, так как в 1860 г. во время плавания английского парохода “Бульдог” (“*Bulldog*”) впервые были добыты пря-

---

⁴ Там же. Л. 65–68.

мые доказательства обитаемости дна океана: с глубины 1680 сажень (около 4000 м) участники экспедиции подняли несколько живых морских звезд.

В 1868 г. английские ученые профессор Ч.У. Томсон и доктор У.Б. Карпентер обратили внимание Королевского общества на необходимость систематического исследования подводной фауны океанов. В том же году на пароходе “Лайтнинг” (“Lightning”) они совершили экспедицию в Атлантический океан, в районы к западу и северу от Шотландии.

В 1869–1870 гг. англичане продолжали работы на судне “Покьюпайн” (“Porcupine”), а в следующем году – на судне “Шиэвота” (“Shirewater”). При этом были начаты исследования в Средиземном море⁵.

Проведение ежегодных экспедиций наглядно показало, насколько успешными могут быть исследования “при хорошем снаряжении и искусном управлении” специально назначенным судном. Это привело англичан к убеждению в необходимости организации кругосветной научной экспедиции.

В качестве экспедиционного судна был выбран 18-пушечный деревянный корвет “Челленджер” (“Challenger”) водоизмещением 2306 т и машиной мощностью 400 “номинальных сил”, который мог брать на борт запас угля на один месяц. Корвет был специально переоборудован для экспедиционных работ и оснащен новейшими инструментами. Экипаж его насчитывал 250 человек-добровольцев, а командиром был назначен капитан 1 ранга Дж. Нэрс – опытный моряк, участвовавший в арктическом плавании и в экспедиции, производившей опись в Красном море; в 1871 г. он командовал судном “Шиэвота”. Начальником кругосветной экспедиции стал профессор Ч.У. Томсон. Кроме него, в научный состав вошли еще пять ученых.

Выбор офицеров был поручен главному гидрографу Адмиралтейства адмиралу Д.Г. Ричардсу – “с отстранением всякого постороннего вмешательства”. Лишь весьма высокопоставленным лицам удалось добиться назначения в состав экипажа “Челленджера” лорда Кэмпбелла, брат которого был женат на дочери королевы Виктории. Около 120 человек, желавших участвовать в уникальном плавании, получили отказ⁶.

Среди тех, кто очень хотел оказаться на “Челленджере”, был и лейтенант Ф.Ф. Врангель. Прибыв в Лондон в середине июня

---

⁵ Врангель Ф. Экспедиция корвета CHALLENGER // Морской сборник. Т.СХХVII. 1873, № 7, неофиц. отд. С. 25–31.

⁶ Там же. С. 45–47.

1872 г., лейтенант Врангель узнал о том, что корвет “Челленджер” готовится к отправлению в кругосветное плавание. Командир корвета сообщил русскому офицеру, что начальная часть пути судна пройдет от Лиссабона через Атлантический океан к о. Св. Фомы (Сан-Томас). Ученый Дж. Глейшер посоветовал ему присоединиться “на время” к экспедиции. Нэрс и офицеры корвета готовы были принять Врангеля на борт судна на 1–2 месяца при соблюдении двух условий: соответствующего пожелания Морского министерства России и разрешения английского Адмиралтейства.

Поскольку агент Морского министерства (военно-морской атташе) лейтенант П.С. Муханов в Лондоне отсутствовал, Врангель не знал, как ему следует поступить, чтобы получить разрешение на свое плавание на “Челленджере”. В конечном счете, он решил обратиться к человеку, который его хорошо знал и мог реально помочь. 6 июля 1872 г. Врангель написал письмо капитану 1 ранга А. П. Епанчину с просьбой “исходатайствовать” ему разрешение управляющего Морским министерством отправиться в плавание на английском судне. Врангель, в частности, писал: *«Я глубоко убежден, что месяц на фрегате “Challenger” будет полезнее, чем год на берегу, и что после участия в так отлично и всесторонне организованной экспедиции я приобрету сведения, которыми могу быть полезным впоследствии... Если б мое желание могло быть исполнено, я бы сопровождал экспедицию в самой интересной части: чрез Атлантический океан к Вест-Индии, где течения, глубины и распределение температуры представляют особенный интерес»*⁷.

После плавания на “Челленджере” он планировал на почтовом пароходе с о. Св. Фомы отправиться в Соединенные Штаты – “собрать там необходимые сведения”, а затем вернуться в Европу.

А.П. Епанчин выполнил просьбу Ф.Ф. Врангеля: после его доклада товарищ управляющего Морским министерством вице-адмирал С.С. Лесовский посчитал “весьма полезным” предоставить возможность способному офицеру участвовать в экспедиции англичан. 30 июля 1872 г. С.С. Лесовский обратился к товарищу министра иностранных дел России В.И. Вестману с просьбой «исходатайствовать через нашего посла в Лондоне для лейтенанта Б[арона] Врангеля дозволение Английского правительства совершить на фрегате “Challenger” ... переход до берегов Америки...»⁸.

⁷ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 3308. Л. 3 об.–4.

⁸ Там же. Лл. 5–5 об.

Почти одновременно управляющий Морским министерством адмирал Н.К. Краббе направил Александру II в Ливадию доклад о планах отправления Врангеля на “Челленджере”. 12 августа 1872 г. этот доклад был прислан обратно в Петербург с резолюцией императора: “Согласен”⁹.

Казалось бы, Врангелю повезло: его мечта могла осуществиться. Но этого не произошло. Впрочем, об этом Врангель узнал позднее. Пока вопрос о его плавании на “Челленджере” решался в России, Врангель осматривал главные порты Южной Англии и пользовался “морскими купавнями” для завершения лечения.

Затем Врангель побывал в Брайтоне, на съезде английских естествоиспытателей, который завершил свою работу только 22 августа 1872 г. *“Собрание это, независимо от общенаучного интереса, представлялось особенно поучительным в отношении к исследованию Океана, так как много вопросов, связанных с распространением температуры и органической жизни, составляли предмет прений и различные аппараты для определения глубин и температуры, были представлены на рассмотрение общества”*, – сообщал Врангель Епанчину в своем донесении от 23 августа 1872 г.¹⁰

В Брайтоне Врангель встретился с некоторыми членами предстоящей экспедиции на “Челленджере”, от которых узнал о некоторых изменениях в ее планах. Оказалось, что только в начале октября особая комиссия Королевского общества должна была утвердить подробный план “крейсерства” корвета “Челленджер”, а отправление в плавание намечалось только в ноябре 1872 г. Врангель сообщал Епанчину, что если “Челленджер” вначале отправится в Тихий океан, то он не сможет “сопровождать его”. *“Если же экспедиция зайдет в Вест-Индию, то я надеюсь получить разрешение сопутствовать ей, даже без официального со стороны нашего Министерства заявления”*, – писал Врангель¹¹.

Он собирался в начале сентября 1872 г. попасть на прием к Главному гидрографу английского Адмиралтейства контр-адмиралу Д.Г. Ричардсу, чтобы решить окончательно вопрос с возможностью его плавания на “Челленджере”. В случае успеха Врангель до отправления в экспедицию намеревался в течение месяца посетить Голландию, Данию и Швецию, а после возвра-

---

⁹ Там же. Л. 6.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 13. Л. 91.

¹¹ Там же. Л. 92.

щения в Англию заняться магнитными и метеорологическими наблюдениями под руководством Глейшера¹².

Однако возвращения адмирала Ричардса из отпуска Врангель так и не смог дожидаться. Тогда он обратился к его помощнику капитану Ф. Эвансу с просьбой выяснить, считает ли он возможным участие Врангеля в плавании “Челленджера”. Вскоре Эванс сообщил Врангелю ответ адмирала Ричардса, суть которого заключалась в следующем: вероятно, пройдет два или три месяца плавания, пока фрегат “Челленджер” достигнет Вост-Индии; если при таких обстоятельствах русского офицера устроит носовая каюта, то английское Адмиралтейство доставит ему “every comfort in their power” (любой комфорт, возможный в их силах. – В.С.).

Из этого ответа Врангель заключил, что вопрос его участия в экспедиции на “Челленджере” решается, и ему остается только ждать результата. Врангель немедленно отправился в русское посольство, чтобы узнать, нет ли на его имя бумаг, извещающих о разрешении участвовать в экспедиции, но получил отрицательный ответ. На всякий случай Врангель оставил в посольстве свой адрес.

В Голландии, Дании, Норвегии и Германии

В сентябре 1872 г., покинув Англию, Врангель посетил Брюссельскую обсерваторию, а затем через Амстердам приехал в Утрехт. Там он встретил самый любезный прием со стороны директора Метеорологического института профессора Бюйс-Балло и особенно начальника морской части, господина Корнелиссена. В течение трех дней Корнелиссен был гидом Врангеля. Он объяснял русскому офицеру методы обработки богатого научного материала, доставлявшегося голландскими моряками, передал ему главные труды, изданные институтом, бланки для наблюдений и вычислений, а также познакомил с наблюдениями температур и глубин, имевшимися в архиве и еще не опубликованными¹³.

6 сентября 1872 г. Врангель оставил Утрехт и поехал через Любек в Копенгаген, где он провел четыре дня. Врангель осмотрел небольшую, но “отлично устроенную” морскую школу, директор которой капитан Корстенес некогда находился на русской службе. Датский метеорологический институт был учрежден лишь недавно, и потому Врангель нашел в нем “не много замеча-

---

¹² Там же. Л. 93.

¹³ Там же. Лл. 96–98.

тельного”. Помощник директора господин Поль показал Врангелю инструменты и приборы и объяснил способ “предвещения бурь”, который отличался от метода, принятого в Утрехте. Наблюдений за температурой воды в океане в институте было немного, но к концу 1872 г. датские пароходы, совершающие рейсы в Исландию, предполагалось снабдить инструментами для выполнения гидрометеорологических наблюдений.

Из Копенгагена через Мальмэ Врангель поехал в Христианию (ныне – Осло), где находился в течение трех дней. Директор норвежского метеорологического института профессор Х. Мон, известный Врангелю своими замечательными трудами о температуре Гольфстрима, сообщил ему все необходимые сведения о способах производства наблюдений и свои суждения по вопросам, связанным с физическими исследованиями моря.

Узнав от Мона, что шведских ученых, занимающихся морскими исследованиями, в это время не было в Стокгольме, Врангель решил не тратить трех дней на поездку в Швецию и отправился в обратный путь. Через Копенгаген он приехал 19 сентября в Киль. Там он осмотрел морскую школу и побывал у доктора Мейера, начальника “ученой экспедиции”, занимавшейся в 1871 г. исследованиями Балтийского моря, а в 1872 г. – Немецкого (Северного) моря.

Мейер показал Врангелю все инструменты, которые использовались при выполнении исследований, объяснил их достоинства и недостатки, методы сличения и проверки. Особенно замечательным, по мнению Врангеля, был прибор, изобретенный профессором химии в Киле Иогансенем “для добывания воды с глубины, одновременно с газами при действительном давлении”.

22 сентября Врангель вновь поехал в Утрехт, где пробыл семь дней, занимаясь в обсерватории магнитными наблюдениями и знакомясь с устройством метеорологического института, особенно его морского отделения. Капитан Корнелиссен, как и ранее, оказывал Врангелю “самую любезную помощь”¹⁴.

Путешествуя по европейским странам, Врангель продолжал думать о своей “любимой идее” – экспедиции на “Челленджере”. 29 сентября 1872 г. Врангель отправил из Утрехта письмо капитану 1 ранга Н.Н. Тыртову, в котором спрашивал, что известно о его предполагаемой экспедиции на “Челленджере” и как на это дело смотрит А.Н. Епанчин, ждатель ли ему официального извещения или нет¹⁵.

---

¹⁴ Там же. Лл. 116–118.

¹⁵ Там же. Л. 158 об.

Крах “любимой идеи”

Пока Врангель ездил по европейским странам, в Петербурге ситуация для него развивалась неблагоприятно. Во второй половине сентября 1872 г. товарищ министра иностранных дел В.И. Вестман сообщил в Морское министерство мнение русского посла в Лондоне графа Ф.И. Бруннова. Многоопытный дипломат (Бруннов находился в Англии в период с 1840 по 1854 гг. и с 1858 по 1874 гг.) считал, что обращаться в английское Адмиралтейство с просьбой об отправлении Врангеля на “Челленджер” “было бы несколько неудобно”, поскольку впоследствии лорды Адмиралтейства могли попросить русское правительство об услуге такого же рода, причем “в таких местах и таких обстоятельствах, где присутствие английского морского офицера было бы крайне нежелательным”. Кроме того, Ф.И. Бруннов указал на то, что Врангель обратился со своей просьбой “не совсем правильным путем – помимо нашего морского агента в Англии”. 19 сентября 1872 г. ответ В.И. Вестмана был доложен управляющему Морским министерством, и адмирал Н.К. Краббе “ввиду отзыва графа Бруннова” приказал дальнейшую переписку по делу отправки Врангеля в английскую экспедицию прекратить и уведомить об этом начальника Морского училища¹⁶.

Узнав о решении управляющего Морским министерством, А.П. Епанчин распорядился сообщить о нем Врангелю. 22 сентября 1872 г. капитан 1 ранга Н.Н. Тыртов отправил письмо в Лондон.

Только 4 октября 1872 г. Врангель вернулся в столицу Британской империи и вновь поселился в “Provence Hotel”.

5 октября Врангель посетил русскую миссию и получил два письма от Н.Н. Тыртова. В одном из них он прочел неприятное для себя известие, которое поставило крест на его “любимой идее”. В тот же день Врангель поспешил поблагодарить Н.Н. Тыртова “за быстрое уведомление”. *«Как мне не прискорбно отказаться от надежды сопровождать “Challenger”, но я доволен, что положение мое выяснилось, и буду действовать сообразно с этим»*, – отмечал Врангель¹⁷.

Далее он сообщал о том, что теперь ему придется “ехать прямо в Соединенные Штаты”, но перед этим Врангель хотел видеть “снаряжение английской экспедиции” и в течение нескольких

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 3308. Лл. 7–8.

¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 13. Л. 121.

недель пройти “отличную практическую школу” магнитных и метеорологических наблюдений в Гринвиче, под руководством Глейшера, как это сделали ранее офицеры М.А. Рыкачев и Л.П. Елагин. Врангель считал, что знакомство профессора Глейшера с научными вопросами, касающимися его занятий, и “всегдашняя готовность помочь Русским [людям] словом и делом, дают его советам двойную ценность”¹⁸.

Встретившись позднее с капитаном Нэрсом, Врангель узнал, что каюта для него на “Челленджере” приготовлена и что Адмиралтейство ожидает запрос от русского правительства. Врангель поблагодарил командира английского фрегата за оказанную любезность и сообщил, что запроса не будет.

После этого Врангель посчитал своим долгом сообщить военно-морскому агенту П.С. Муханову “с полной откровенностью” все обстоятельства дела с “Челленджером” ему неизвестные, но получил ответ, что посол граф Бруннов не изменил своего мнения и что он должен отказаться от своего плана.

В этот период Врангель находился в Гринвичской обсерватории, где с разрешения астронома Дж. Эри (которому он был представлен директором Пулковской обсерватории О.В. Струве, находившимся в Гринвиче) в течение трех недель занимался магнитными и метеорологическими наблюдениями.

27 октября 1872 г. Врангель переехал в Лондон, где несколько дней посещал магнитную обсерваторию в Кью (пригороде Лондона), знакомясь с методами наблюдений и соответствующими инструментами.

5 ноября Врангель вернулся в Гринвич, а через несколько дней отправился в Ширнес, где полным ходом шла подготовка “Челленджера” к плаванию. Врангель внимательно следил за подготовкой судна и, между прочим, присутствовал при испытаниях термометров, предназначенных для наблюдений в период плавания “Челленджера”¹⁹.

В декабре 1872 г. “Челленджер” покинул Англию. О подготовке его к плаванию и задачах экспедиции в “Морском сборнике” была помещена обширная статья “Экспедиция корвета CHALLENGER”. Автором этой статьи был лейтенант Ф.Ф. Врангель²⁰.

---

¹⁸ Там же. Л. 121 об.–122.

¹⁹ Там же. Лл. 184–184 об., 209–209 об.

²⁰ Врангель Ф. Экспедиция корвета CHALLENGER // Морской сборник. Т. СХХVII. 1873, № 7, неофиц. отд. С. 23–60.

Остается только посетовать на то, что из-за осторожной позиции русского посла в Англии графа Ф.И. Бруннова лейтенант Ф.Ф. Врангель не смог принять участия в плавании английского корвета “Челленджер” (1872–1876), которое вошло в историю как первая в мире научная океанографическая экспедиция²¹.

В Америке

25 ноября 1872 г. Врангель отправился на пароходе из Ливерпуля в Северную Америку. После “весьма бурного перехода” 6 декабря он прибыл в Бостон. На следующий день Врангель поехал в Кембридж – городок, где была сосредоточена вся научная жизнь штата Массачусетс, “ученые учреждения” которого считались передовыми в Соединенных Штатах²². Видное место среди них занимал “Adams-Museum”, основанный всего 10 лет тому назад, в котором хранились огромные коллекции по всем отраслям естественных наук и где читали лекции “постоянные”

---

²¹ В декабре 1872 г. “Челленджер” (экипаж 233 чел.) вышел из устья Темзы, обследовал северную и южную части Атлантического океана, от Капштадта (Южная Африка) прошел к Мельбурну (Австралия), оттуда через Бассов пролив в Океанию, Южно-Китайское море, затем двинулся на север в Иокотгаму (Япония). Дойдя на востоке до 150°, повернул к югу, к Гавайским островам, пересек Тихий океан и двинулся на восток. Пройдя через Магелланов пролив, вышел в Атлантический океан и в мае 1876 г. вернулся в Англию, пройдя 68900 миль. В течение экспедиции были выполнены наблюдения на 362 океанологических станциях, в 50 пунктах Тихого океана измерены глубины, превышавшие 3600 м, обнаружен желоб между Каролинскими и Марианскими островами, в то время самый глубокий из известных (8145 м), со дна Мирового океана взято множество проб, по образцам донных отложений определено, что в районе Южного полюса находится большая суша, собраны сведения по физическим и химическим характеристикам воды в морях и океанах, рельефу и геологической структуре морского дна, флоре и фауне Мирового океана, открыто 4417 новых биологических видов. Окончательный отчет экспедиции под редакцией Дж. Меррея включал 50 томов (опубликован в 1880–1895 гг.). [Ципоруха М.И., Карнеев Э.П. “Челленджер” // Морской энциклопедический словарь. Т. 3. СПб.: “Судо-строение”. 1994. С. 382].

²² Кембридж был основан в 1630 г. В 1639 г. С. Дей основал здесь первую в Северной Америке типографию, а в 1775 г. Дж. Вашингтон принял на себя командование американской армией. В настоящее время он является западным пригородом Бостона на р. Чарльз с населением около 100 тыс. чел. Крупный центр науки и образования. Здесь находятся Гарвардский университет, Массачусетский технологический институт, Рэдклиффский колледж, дом-музей Г. Лонгфелло.

профессора²³. Директором музея был профессор Ж.-Л. Агассис, который принял Врангеля “самым радушным образом”. Он познакомил русского офицера с графом Л.Ф. Пурталесом, который руководил исследованиями Гольфстрима и участвовал на пароходе “Hassiler” в экспедиции, изучавшей подводную фауну и флору у берегов Южной Америки.

Граф Пурталес был постоянным спутником Врангеля в период недельного пребывания в Бостоне. Он сообщил Врангелю все способы измерения глубин, температуры и взятия проб грунта, применявшиеся в Соединенных Штатах. Кроме того, Пурталес познакомил Врангеля с профессором Пирсом, начальником Береговой службы и начальником физического отделения Береговой службы Г.Митчеллом, занимавшимся изучением течений и приливо-отливных явлений – предметами, по которым он сообщил Врангелю много интересного.

Посетив в Кембридже обсерваторию, Врангель обнаружил там несколько “остроумных приспособлений” для производства наблюдений²⁴.

После этого Врангель отправился в Нью-Йорк, где остановился в “Grand Central Hotel” и, в первую очередь, встретился с лейтенантом Шпаковским, также находившимся в научной командировке. Затем Врангель явился к военному агенту генерал-майору Горлову и к русскому посланнику тайному советнику Офенбергу. Оба они посоветовали Врангелю не ездить в Вашингтон до 9 января (н.ст.), поскольку большинство должностных лиц, с которыми ему необходимо было встретиться, будет находиться на рождественских каникулах.

Врангель решил последовать советам дипломатов и провести в Нью-Йорке несколько дней, постаравшись осмотреть “ученые и общественные учреждения”. После этого он намеревался отправиться в Вашингтон, где собирался провести несколько недель, занимаясь в метеорологическом бюро и в Гидрографическом офисе. В дальнейшем Врангель предполагал вторично посетить Бостон и затем вернуться в Европу²⁵.

---

²³ В настоящее время Национальная историческая достопримечательность – Дом-музей Адамсов. Дом находится на Адамс-стрит в г. Куинси, на берегу Бостонского залива, в нем в разное время жили президенты США Джон Адамс (1735–1826) и Джон Куинси Адамс (1767–1848), посланник США в Великобритании Чарлз Френсис Адамс (1807–1886), писатели-сатирики Генри Адамс и Брукс Адамс (1838–1918).

²⁴ РГА ВМФ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 13. Л. 224–226.

²⁵ Там же. Лл. 226–226 об.

Обнаружить другие документы, связанные с научной командировкой Врангеля, к сожалению, не удалось. Однако, вероятно, он осуществил свои планы. Во всяком случае, известно, что из Нью-Йорка Врангель отправил в Петербург, в Императорское русское географическое общество, ящик с книгами²⁶.

В конце февраля 1873 г. Врангель уже находился в Европе. 21 февраля (5 марта) 1873 г. из Крейцнаха (Германия) он написал секретарю Географического общества К.Ф. Литке письмо, в котором просил принять ящик с книгами и хранить его в помещении общества до своего приезда (“до середины марта”)²⁷.

* * *

Несмотря на постигшие Врангеля неудачи (продолжительная болезнь, несостоявшееся плавание на корвете “Челленджер” по Атлантическому океану) в целом его заграничная научная командировка оказалась достаточно плодотворной. Он подробно познакомился с состоянием гидрографических и гидрометеорологических работ в Англии, Бельгии, Германии, Голландии, Дании, Норвегии, Соединенных Штатах и Франции, изучил неизвестные для него методы наблюдений и их обработки, приборы и инструменты, освоил выполнение магнитных и метеорологических наблюдений, познакомился с видными европейскими и американскими учеными.

Таким образом, после возвращения на родину Врангель стал одним из самых подготовленных офицеров в области исследования Мирового океана, в том числе, в сфере морской метеорологии.

---

²⁶ АРГО. Ф. 1. 1873 г. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

²⁷ Там же.

Организатор физических исследований на Черном и Азовском морях

Назначение на Черноморский флот

После возвращения из-за границы лейтенант Врангель 30 марта 1873 г. был прикомандирован к Гидрографическому департаменту Морского министерства¹. В апреле 1873 г. он встретился с капитаном 1 ранга В.И. Зарудным, начальником Гидрографической части, директором маяков и лоций Черного и Азовского морей, а также начальником Черноморской гидрографической экспедиции. Зарудный был заинтересован в том, чтобы иметь в своем подчинении такого высокообразованного офицера, каким был 29-летний Врангель. Желания капитана 1 ранга и лейтенанта совпали.

Вернувшись в Николаев, где тогда находился штаб флота, Зарудный 21 апреля 1873 г. представил доклад Главному командиру Черноморского флота и портов адмиралу Н.А. Аркасу о необходимости расширения программы исследований Черного моря. Далее Зарудный сообщил о том, что он просил ходатайства Гидрографического департамента о назначении барона Врангеля производителем гидрографических работ в Черном море².

Далее Зарудный остановился на проблеме обеспеченности экспедиции инструментами. Он отметил, что нужные инструменты изготавливаются только “немногими оптиками” Западной Европы, и “лучшие образчики” будут представлены на Венской всемирной выставке. Там же в августе 1873 г. будет проходить и метеорологический конгресс, на котором “специально будут обсуждаться, кроме вопросов метеорологических, вопросы, касающиеся физических наблюдений в море”³.

В связи с этим Зарудный считал целесообразным командировать Врангеля в Вену на один месяц⁴, выражая уверенность в том,

---

¹ РГИА. Ф. 759. Оп. 75. Д. 353. Л. 4.

² РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 7486. Л. 1.

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ Там же. Лл. 1 об, 2.

что Врангель “с большим успехом” примет участие в работе конгресса.

16 мая 1873 г. вице-адмирал Аркас направил доклад на имя временно управляющего Морским министерством с просьбой о назначении Врангеля на Черноморский флот и командировке его в Вену⁵. 26 мая 1873 г. Врангель был назначен производителем гидрографических работ Кавказской съемки Черного моря⁶.

В июне Врангель прибыл в Николаев. Там он убедился в том, что из-за отсутствия инструментов не сможет приступить к производству работ по “физическим исследованиям моря”. 5 июля 1873 г. Главный командир Черноморского флота и портов доложил об этом в Гидрографический департамент и просил уведомить его о том, когда состоится командировка Врангеля в Вену⁷.

В ожидании ответа из Петербурга Врангель решил отправиться в Одессу, чтобы наладить сотрудничество с РОПиТ, пароходы которого постоянно курсировали в Черном море, а затем проехать по ряду приморских городов (Севастополь, Ялта, Керчь и Поти) для осмотра метеорологических станций и снабжения их некоторыми инструментами. 28 июля 1873 г. помощник директора маяков и лоции Черного и Азовского морей капитан-лейтенант И.М. Диков доложил об этом вице-адмиралу Н.А. Аркасу, который разрешил такую командировку.

Врангель еще был в Николаеве, когда была получена телеграмма из Петербурга о том, что его командировка за границу разрешена еще 13 июля, подробности были изложены в письме, отправленном из Инспекторского департамента по почте⁸.

В связи с тем, что разрешение на командировку в Вену было получено, Врангелю пришлось ограничиться только поездкой в Одессу, куда он отправился с рекомендательным письмом вице-адмирала Н.А. Аркаса. Переговоры с директором РОПиТ Н.М. Чихачевым в конце августа 1873 г. оказались вполне успешными. Уже 3 сентября 1873 г. И.М. Диков отправил в главную контору РОПиТ 30 экземпляров метеорологических журналов с просьбой раздать их командирам тех судов, на которых имеются метеорологические инструменты “от Гидрографической части”, в частности, командирам пароходов “Казбек”, “Сулин”, “Инкерман”, “Прут”, шхун “Эльборус”, “Бомбары”, “Пицунда”, “Туапсе”,

---

⁵ Там же. Л. 3–5.

⁶ РГИА. Ф. 759. Оп. 75. Д. 353. Л. 4–4 об.

⁷ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 7486. Л. 10–10 об.

⁸ Там же. Лл. 11, 12.

“Ингул”, “Соук-су”, “Абин”, “Новороссийск”, “Редут-Кале”, “Келасуры”, а также плавучих маяков № 1 (у Аджигольской косы), № 2 (у Беглицкой косы) и № 4 (у Тузлинской косы)⁹.

На Метеорологическом конгрессе в Вене

Организацией Метеорологического конгресса в Вене занималась международная комиссия, в которую входили три человека: директор Центрального института метеорологии и земного магнетизма в Вене профессор К. Елинек, директор Лейпцигской обсерватории профессор К. Брунс и директор Главной физической обсерватории Петербургской Академии наук академик Г.И. Вильд. В августе 1872 г. в Лейпциге была проведена предварительная конференция, в которой участвовали 53 метеоролога, в том числе представители России – Г.И. Вильд, Г. Абих и А. Эттинген¹⁰. На конференции была выработана программа официального конгресса, который предполагалось созвать в Вене.

Программа Венского конгресса включала ряд вопросов по следующим семи отделам:

1. Инструменты.
2. Производство и вычисление наблюдений.
3. Телеграммы погоды.
4. Морская метеорология.
5. Организация.
6. Публикация наблюдений.
7. Выполнение решений конгресса.

Заседания конгресса, в котором участвовал академик Г.И. Вильд, а также сотрудник Главной физической обсерватории В.П. Кёппен, начались 21 августа 1873 г.¹¹

В этот день Врангель завершил свою миссию в Одессе и отправился в Вену. Ему были выданы 300 руб. для приобретения в Вене термометров, ареометров и барометров. Остальные средства для закупки инструментов – 1000 руб. – были переведены в Вену в сентябре 1873 г. по телеграфу через коммерческий банк¹².

---

⁹ Там же. Лл. 21, 22.

¹⁰ *Бедрицкий А.И., Борисенков Е.П., Коровченко А.С., Пасецкий В.М.* Очерки по истории гидрометеорологической службы России. Т. 1. СПб.: Гидрометиздат. 1997. С. 312.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 7486. Л. 61.

¹² Там же. Лл. 14, 17, 20, 24.

Вечером 25 августа 1873 г. Врангель прибыл в Вену. Место проведения конгресса ему не было известно. Только в понедельник, 27 августа, Врангелю удалось найти представителя России на конгрессе – академика Г.И. Вильда. Он-то и ввел Врангеля в курс дела.

28 августа Вильд представил делегатам конгресса российский моряка, после чего Врангель присутствовал на всех общих собраниях, происходивших ежедневно. Кроме того, он был приглашен к участию в трех комиссиях: морской комиссии, комиссии по телеграфии и комиссии по организации¹³.

Несмотря на то, что Врангель прибыл на конгресс с недельным опозданием, оказалось, что “только половина вопросов по инструментам была разработана”. Поэтому все остальные разделы пришлось обсуждать в очень короткий – недельный срок (до 3 сентября 1873 г.). Из-за этого работа делегатов проходила весьма интенсивно: им приходилось заседать с раннего утра и до вечера то в общих собраниях, то в отдельных комиссиях.

Несмотря на такую “неутомимую деятельность”, времени для обсуждения важных вопросов оставалось слишком мало. В связи с этим, для того, чтобы избежать “поспешных решений, могущих повредить авторитету конгресса”, был избран постоянный международный комитет¹⁴. Членом Постоянного комитета был избран и представитель России – академик Г.И. Вильд¹⁵.

Вернувшись в Николаев, лейтенант Врангель 29 сентября 1873 г. представил подробный отчет о своей командировке. Он, в частности, следующим образом охарактеризовал решения конгресса по каждому отделу программы:

“По вопросам первого отдела, происходил весьма полезный и интересный обмен идей и практических замечаний; но вообще конгресс решениями своими, не стеснил личной свободы относительно выбора инструментов, выразив однако некоторые фундаментальные требования, удовлетворение которых должно служить необходимым условием для годности наблюдений. По II отделу конгресс принял ряд резолюций, которые приведут к большему единообразию в периодах наблюдений, в принятых единицах и т.п.

Это единообразие не мало облегчит сравнение и употребление в дело метеорологических данных различных стран.

---

¹³ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 7486. Лл. 61, 62.

¹⁴ Там же. Лл. 62 об, 63.

¹⁵ Бедрицкий А.И., Борисенков Е.П., Коровченко А.С., Пасецкий В.М. Указ. соч. С. 314.

По III отделу конгресс выразил только мнение, подробно мотивированное, о несомненной пользе телеграмм погоды, в особенности для надобностей мореплавания, и о пользе расширения системы предвещения бурь.

По IV отделу конгресс не постановил решения, но признал необходимость созвания отдельного съезда, из представителей морских государств, с участием моряков по профессии. Решение весьма мудрое, так как большинство членов Венского конгресса состояло из лиц, незнакомых с условиями и потребностями морской жизни.

По отделу организации конгресс заявил о необходимости, иметь по меньшей мере одно центральное учреждение в каждой стране. Относительно инспекции станций, поручил Международному комитету разработку инструкций, указал на необходимость иметь нормальные инструменты на центральных обсерваториях. Комитет рекомендовал, между прочим, нормальные инструменты из обсерватории в Кев, которая имеет запас старых калиброванных трубок и не наливает их до истечения 15-летнего срока.

Относительно публикации [наблюдений] конгресс решил, что следует различать два рода публикаций: одни общие, в форме и содержания коих желательно достигнуть единообразия; в других специальных публикациях, центральным же учреждениям предоставляется полная свобода. По недостатку времени конгресс не утвердил формы международных публикаций, поручив это постоянной комиссии.

Выполнение решений поручается каждому делегату в круге его деятельности. Могущие встретиться недоразумения должны быть устраняемы комиссией.

Вне программы было одно весьма важное решение конгресса, вызванное предложением представителя Соединенных Штатов Северной Америки, генерал[ом] Майером: конгресс высказался единогласно в пользу производства, хотя одного наблюдения в сутки, сделанного в тот же физический момент в возможно большем числе станций. Частным соглашением Академик Вильд обязался ввести наблюдения в некоторых русских станциях в 7^ч 35^м утра Вашингтонского времени, так как в этот момент уже производятся наблюдения во всех станциях Северной Америки, а это время наблюдений удобно для России, соответствуя у нас дневным часам (для Николаева, например в 3^ч 55^м п[о]. п[олудни]). Тот же час принят и многими другими Европейскими Государствами, примеру которых последуют и остальные.

Таким образом, мы будем иметь ежедневную картину синхронического состояния атмосферы во всем Северном полушарии¹⁶.

Кроме официальных заседаний, метеорологи имели в продолжении двух недель, случай познакомиться в частных беседах друг с другом, и эти частные совещания были не менее плодотворны официальных. Некоторые важные соглашения о взаимной помощи соседних государств, состоялись именно на этих частных совещаниях. Я уже упомянул о производстве одновременных наблюдений. Соглашение относительно удобного часа, периода и способа обмена наблюдений, состоялось между представителями России и Америки вне конгресса. Частным же образом приморские государства Северной Европы, согласились относительно расширения обмениваемых телеграмм. То же самое сделали представители Италии, Австрийский и Турецкий, стран, прилегающих к Средиземному бассейну; условились обмениваться ежедневными телеграммами, содержащими наблюдения с некоторых наиболее важных станций, они надеялись привлечь к этой частной конвенции Францию (не приславшей, к всеобщему сожалению, делегата на конгресс) и расположенные у Черного моря Русские станции.

Относительно последнего пункта я взял на себя, обещать им содействие с нашей стороны, как только будет организовано проектированное центральное учреждение в Николаеве¹⁷.

Во второй части отчета Врангель подробно остановился на приобретении метеорологических инструментов, но мы этот вопрос рассмотрим отдельно...

Только через два месяца, 1 декабря 1873 г., с отчетом ознакомился адмирал Н.А. Аркас. Он признал его весьма интересным, распорядился снять копию, послать ее в Гидрографический департамент и повторил просьбу о “необходимости скорейшего устройства в Николаеве магнито-метеорологической обсерватории, приложив при этом проект и смету”¹⁸.

В Гидрографическом департаменте копия отчета Врангеля была получена в феврале 1874 г.

---

¹⁶ Первоначально в одновременных ежедневных метеорологических наблюдениях принимало участие более 50 станций, в том числе, 25 метеорологических станций России. Наблюдения продолжались 14 лет – в 1874–1887 гг. В конце этого периода в наблюдениях участвовало более 40 российских станций [Бедрицкий А.И., Борисенков Е.П., Коровченко А.С., Пасецкий В.М. Указ. соч. С. 314].

¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 7486. Л. 63 об – 66 об.

¹⁸ Там же. Л. 60.

Приобретение метеорологических инструментов

Еще 11 мая 1873 г. из Гидрографического департамента было направлено в Киль генеральному консулу Л. Шредеру прошение с просьбой закупить у оптика Штегера (в документах, написанных Врангелем, именуется Стегером. – В.С.) инструменты для производства метеорологических наблюдений в Черном море (очевидно, эту просьбу инициировал Врангель, еще находившийся в Петербурге).

Шредер выполнил эту просьбу. 12 (24) июля 1873 г. он сообщил в департамент о том, что некоторые из инструментов уже присланы Стегером, “весьма тщательно уложены в трех ящиках” и отправлены на датском винтовом пароходе “Вера” в Кронштадт¹⁹. К письму Шредера был приложен счет механика и оптика Стегера на общую сумму 360 талеров²⁰.

Только 5 октября 1873 г. инструменты, присланные из Кили, были отправлены в Николаев через посредство Общества “Перевозчик”²¹.

Сколько времени длилась доставка ящиков с инструментами в Николаев, неизвестно. Однако, когда члены приемной комиссии вскрыли ящики, проверили и осмотрели инструменты, они были весьма огорчены, поскольку состояние присланных ареометров оказалось плачевным. В акте приемной комиссии отмечалось, что “из всех присланных инструментов целым остался один каучуковый водочерпательный прибор Якобсона”²².

5 декабря 1873 г. капитан 1 ранга В.И. Зарудный подписал письмо в главную контору РОПиТ. В нем сообщалось, что для Гидрографической экспедиции в разных городах Западной Европы были заказаны “весьма ценные инструменты”, которые могут подвергнуться порче при доставке их по железным дорогам. Зарудный просил о содействии в деле безопасной доставки инструментов в Николаев. Он сообщал, что часть инструментов заказана в Киле, откуда их легко можно доставить морем в Лондон. Зарудный просил Главное правление РОПиТ организовать доставку инструментов из Лондона в Николаев через посредство агента Общества Н.Н. Савича на срочных пароходах РОПиТ²³.

---

¹⁹ Там же. Лл. 31–32.

²⁰ Там же. Л. 32.

²¹ Там же. Л. 30.

²² Там же. Л. 33, 34.

²³ Там же. Л. 35, 35 об.

Очевидно, автором этого письма был лейтенант Врангель, поскольку именно он в период своей заграничной командировки занимался подбором метеорологических инструментов.

Еще во время Венского конгресса Врангель постарался узнать мнение делегатов, знакомых с морской метеорологией, о различных приборах, а затем там же, на Всемирной выставке, познакомился с экспонатами “по научно-морской части”. Однако, по мнению Врангеля, выставка не представляла “полной картины состояния искусства и науки в различных странах”. Он отмечал впоследствии, что участие государств во Всемирной выставке было “весьма неравно”: в то время, как одни страны представили богатые коллекции, другие не выставили практически ничего. Врангель, в частности, обнаружил на выставке продукцию лишь одного малоизвестного Т. Пилличера из Лондона, в то время, как многие известные “оптики” Англии (Казелл, Негретти и др.) в Вену со своими приборами не приехали.

В высшей степени интересным для Врангеля оказался австрийский научно-морской отдел. Так называемая “Адриатическая комиссия” (Adria-Commission) представила результаты своих работ по исследованию Адриатического моря в виде карт рельефа дна, ветров, температур, солености и т.д., а также инструменты, с помощью которых производились эти работы. Примерно такого же содержания была экспозиция комиссии для исследования Немецкого и Балтийского морей. Выставки этих комиссий Врангель счел “образцовыми по наглядности и полноте”.

Во французском отделе Врангель обнаружил “изящные работы” парижских механиков и оптиков, в частности, богатую коллекцию компасов. Из метеорологических приборов Врангелю особенно понравились термометры и прекрасные анероиды, изготовленные фирмой Нодэ.

Швейцария представила самопишущие метеорологические приборы, произведенные фабриками Хиппа (г. Невшатель) и Хазлерли (г. Берн), которые поставляли их почти во все страны Восточной Европы.

В отделах других государств Врангель не заметил ничего выдающегося, хотя и там было представлено немало “хорошо исполненных инструментов”.

По установленным правилам продажа предметов на выставке разрешалась, но с тем ограничением, “чтобы они не были вынуты из витрин до закрытия выставки”. Предметы “венского происхождения” можно было приобрести в соответствующих магазинах. На это Врангель израсходовал 300 руб., выданные в Николаеве.

Остальные инструменты следовало заказывать “на месте изделия”. Для этого Врангель использовал 1000 руб., ассигнованных Гидрографическим департаментом. В своем рапорте он сообщил о результатах своих поисков лучших приборов “для определения различных элементов метеорологии и физики моря”²⁴.

Барометры. Врангель приобрел и лично привез в Николаев четыре синхронных ртутных барометра работы венского оптика Капеллера, который пользовался “европейской известностью”. Для некоторых станций 3-го класса Врангель выписал четыре анероида парижского механика Нодэ, которые впоследствии были исследованы в центральной обсерватории в Вене.

Термометры. Поскольку в обыкновенных термометрах в Николаеве недостатка не было, Врангель приобрел два хороших нормальных термометра у Капеллера и два нормальных термометра заказал: один у Бодина в Париже, другой в Кью (через посредство директора лондонского метеорологического бюро).

Гигрометры. Обыкновенные гигрометры (Соссюра и Августа) в Николаеве имелись. Поэтому Врангель заказал нормальный инструмент – гигрометр Ренью.

“Maximum и minimum”. *“Хорошего инструмента для наибольшей и наименьшей температур еще нет. Наиболее удобными для пересылки, мне кажутся приборы Сикса, которые выписаны из Лондона от оптика Казелла”*, – сообщал Врангель в рапорте²⁵.

Анемометры. Самым практичным и простым в использовании анемометром для обыкновенных станций Венский конгресс признал флюгер Вильда, который всегда можно было получить в Главной физической обсерватории Петербургской академии наук. То же самое было и с *дождемерами*.

Большие трудности были у Врангеля при выборе инструментов для физических исследований моря. Однако он выяснил, что для определения *температуры поверхности воды “с пользой”* может служить обыкновенный термометр, “с бумажною шкалою в стекле, разделенной на $\frac{1}{5}^\circ$ и заделанный в деревянную болванку для предохранения от толчков”²⁶. Этим термометром можно было легко определить температуру воды, достав ее ведром из-за борта.

На постоянных станциях (плавучих маяках, брандвахтах и т.п.) для *определения температуры воды на глубине* Врангель считал целесообразным использовать термометры, применявшиеся на

---

²⁴ Там же. Л. 67–69.

²⁵ Там же. Л. 70, 70 об.

²⁶ Там же. Л. 70 об.

станциях в Немецком и Балтийском морях. Каждый такой термометр постоянно оставался на дне с буйком, привязанным к нему для обозначения места, и вынимался только во время наблюдения для отсчета. Врангель заказал дюжину таких термометров.

Единственным надежным инструментом для измерения температуры воды на больших глубинах специалисты всех морских наций считали термометр maximum и minimum Миллер–Казелла, и Врангель выписал 12 таких термометров.

Другим инструментом, который давал возможность не только определять наибольшую и наименьшую температуру, но и величину ее на данной глубине, был, по мнению Врангеля, “остроумный прибор Сименса”. Такой прибор был на английском корвете “Челленджер” в научной экспедиции (1872–1876). В своем рапорте Врангель дал описание термометра Сименса²⁷.

Из приборов для добывания воды Врангелю понравился прибор доктора Якобсона из коллекции германской “ученой экспедиции”. Врангель считал результаты, полученные с помощью этого прибора, замечательными и потому заказал один экземпляр такого водочерпателя.

Для определения плотности воды на судне Врангель считал лучшими ареометры, сделанные в Киле оптиком Стегером. Он заказал в Киле одну серию нормальных ареометров и несколько экземпляров других.

Что касается приборов для измерения течений, то несколько их было выставлено в австрийском отделе выставки. Они были сходны с вертушкой Вольтмана, но их устройство не удовлетворило Врангеля. По его мнению, вертушка конструкции С.М. Сантнанеева была лучше представленных на выставке. “Вообще можно сказать, что хорошего инструмента для определения подводных течений еще не существует”, – отмечал Врангель в своем отчете²⁸.

Из вспомогательных приборов он заказал один аппарат для испытаний барометров и анероидов под разным давлением конструкции профессора Оснаша, находившийся на выставке.

По приблизительному расчету Врангеля общая стоимость заказанных предметов равнялась ассигнованной сумме, которую он не позволил себе превысить. В то же время Врангель отмечал, что весьма многие предметы еще было бы полезно и желательно иметь для нужд Черноморской гидрографической экспедиции²⁹.

---

²⁷ Там же. Л. 71 об., 72.

²⁸ Там же. Л. 73.

²⁹ Там же. Л. 73 об.

Весной 1874 г. Врангель вновь был направлен за границу с целью приобретения метеорологических инструментов³⁰. 22 апреля 1874 г. ему в Аахен было переведено из Николаева 1000 рублей³¹.

Тогда же, весной 1874 г. Врангель получил приятные известия по служебной линии: 3 марта он был назначен начальником партии съёмки северного берега Черного моря, а 31 марта “за отлично-усердную службу” награжден орденом Св. Станислава 3-й степени³².

В феврале 1875 г. Врангель получил еще 823 руб. 87 коп. для приобретения и пересылки из-за границы анемометров. В апреле 1875 г. он приобрел три самопишущих анемометра Казелла и 50 футов цепей к ним. Окончательно за деньги, полученные для приобретения метеорологических инструментов, Врангель отчитался только в январе 1876 г.³³

Физические исследования в Черном и Азовском морях (1873–1875 гг.)

Осенью 1873 г. лейтенант Врангель приступил к физическим исследованиям Черного и Азовского морей. Он совершил трехнедельное плавание на транспорте “Ингул” вдоль побережья моря от Одессы до Таганрогского залива и вдоль Кавказского берега до Сухум-Кале. В 50-и местах Врангель произвел измерения температуры и удельного веса воды на различных глубинах, причем в шести местах – на глубинах около 500 м, удаленных от берега не более, чем на 40 миль. Врангель выполнял исследования с помощью металлического ареометра работы механика Стегера. Он считал произведенные наблюдения весьма интересными как в научном, так и в практическом отношении. В частности, в Керченском проливе Врангель обнаружил резкие скачки плотности и температуры воды, последующие наблюдения над которыми позволяли выяснить “весьма интересное и сложное явление обмена вод двух смежных бассейнов...”³⁴

Летом 1874 г. Врангель продолжил физические исследования в Черном и Азовском морях, в том числе и с помощью инстру-

³⁰ Там же. Л. 87.

³¹ Там же. Л. 84.

³² РГИА. Ф. 759. Оп. 75. Д. 353. Л. 4 об.

³³ Там же. Л. 89–91.

³⁴ Врангель Ф. Несколько определений плотности и температуры воды в Черном и Азовском морях // Морской сборник. Т. СХLI. 1874. № 3, неофиц. отд. С. 53–57.

ментов, полученных из-за границы. По его указаниям на Аджигольском плавучем маяке и Очаковской плавучей брандвахте ежедневно производили наблюдения над течениями, температурой и плотностью воды. Такие же наблюдения выполняли офицеры промерной партии Черноморской гидрографической экспедиции в промежутках между своими основными занятиями.

На всех военных судах Черноморского флота были организованы метеорологические наблюдения, измерялась температура на поверхности воды. На некоторых судах определялась плотность воды и собирались пробы воды, которые отправлялись для анализа в Тифлис (“г-ну Струве”³⁵) и Харьковский университет.

Аналогичные наблюдения выполнялись на некоторых пароходах РОПиТ с помощью инструментов, выданных из Гидрографической части.

Сам Врангель 22, 23 и 28 августа 1874 г. произвел наблюдения за распределением температуры и плотности воды в различных частях Березанского лимана.

19 сентября были выполнены одновременные наблюдения над течением, температурой и плотностью воды на поверхности и на некоторых глубинах в 13 точках Днепровского лимана. В этих наблюдениях принимали участие пять шлюпок промерной партии, пароход “Инкерман” и три его шлюпки, шхуна “Пицунда” и три ее шлюпки. Наблюдения проводили с 7. 00 до 12. 00 и с 13. 30 до 17. 00 через каждые полчаса.

Наблюдения за течениями в Керченском проливе были организованы еще поздней осенью 1873 г. на плавмаяках.

В 1874 г. в ряде случаев определялась температура воды низших слоев моря. Так, например, 6 июля в 40 милях к западу от мыса Константиновский выполняли наблюдения на горизонтах 5, 100 и 200 саженей, а 2 октября – в 25 милях к юго-юго-западу от мыса Херсонес на горизонтах 60, 170 и 250 саженей.

Сведения о физических наблюдениях, произведенных в Черном и Азовском морях в 1874 г., были помещены в годовом отчете Черноморской гидрографической экспедиции и опубликованы в “Морском сборнике”, а также – в виде отдельного оттиска³⁶. Там же было помещено составленное Врангелем прибавление к

---

³⁵ Струве Генрих Васильевич (1822–1908) – химик, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1876), сын академика В.Я. Струве, брат О.В. Струве. В 1849–1867 гг. работал в лаборатории Горного департамента в Петербурге. С 1869 г. до конца жизни проживал в Тифлисе, где являлся экспертом по судебной химии.

³⁶ Врангель Ф. О физических исследованиях в Черном и Азовском морях за 1874 год // Морской сборник. Т. CLI. 1875. № 12, неофиц. отд. С. 9–29.

инструкции для плавучих маяков, в котором указывалось, что в определенные часы (четыре раза в день), кроме обычных метеорологических наблюдений, следовало выполнять измерение температуры воды на дне, плотность воды на поверхности воды и на дне, а также течение на поверхности³⁷.

В 1875 г. Врангель, произведенный в капитан-лейтенанты³⁸, продолжал заниматься физическими исследованиями в Черном и Азовском морях. В 1876 г. Врангель находился в заграничной командировке³⁹, и эти исследования проходили без его участия.

Введенная Врангелем организация исследований получила достаточно высокую оценку со стороны помощника директора Главной физической обсерватории Петербургской академии наук капитан-лейтенанта М.А. Рыкачева, осмотревшего метеорологические станции на юге страны летом 1876 г.⁴⁰

Затем началась Русско-турецкая война, и физические исследования были прекращены, а в последующие годы не проводились. В отчете директора Гидрографического департамента за 1879 г. отмечалось: “Программа занятий по физическому исследованию Черного и Азовского морей значительно сократилась вследствие получения начальником партии капитан-лейтенантом Врангелем нового назначения”⁴¹.

---

³⁷ Прибавление к инструкции для плавучих маяков // Там же. С. 30–31.

³⁸ РГИА. Ф. 759. Оп. 75. Д. 353. Л. 4 об.

³⁹ Там же. Л. 6.

⁴⁰ Отчет по Главной физической обсерватории за 1875 и 1876 годы // Записки АН. Т. XXX. 1877. Приложение № 7. С. 155.

⁴¹ Болгурцев Б.Н., Грибанов О.Л., Корякин В.И. и др. История Гидрографической службы Российского флота. Т. 1. СПб.: изд. ГУНиО МО РФ. 1996. С. 400.

На Лондонской выставке научных предметов

Инициатива комиссии О.В. Струве

В 1876 г. англичане решили устроить международную выставку приборов и принадлежностей, относящихся к изучению физических, математических и естественных наук. Для организации выставки был учрежден комитет во главе с герцогом Ричмондским и сформированы пять специальных комиссий.

В России для участия в Лондонской выставке научных предметов была учреждена комиссия от Министерства народного просвещения, в состав которой вошли несколько академиков и профессоров. Председателем этой комиссии был директор Главной николаевской астрономической обсерватории академик О.В. Струве. В середине марта 1876 г. комиссия, по предложению Струве, единогласно избрала Ф.Ф. Врангеля своим поверенным на выставке при условии, что его начальство и он сам согласятся на командировку в Лондон.

После этого Струве лично встретился с Врангелем, находившимся в Петербурге, и сообщил ему о решении комиссии. Врангель, естественно, увидел несомненную пользу от командировки в Лондон для своих служебных занятий и потому выразил готовность взяться за выполнение поручения комиссии¹.

После согласования предстоящей командировки Врангеля с Главным командиром Черноморского флота и портов директор Гидрографического департамента 24 марта 1876 г. подписал соответствующий доклад управляющему Морским министерством, который 5 апреля доложил о предстоящей командировке офицера-гидрографа Александру П. Император выразил свое согласие².

Вскоре Врангель отправился в Лондон, где находился в течение шести месяцев³.

---

¹ РГА ВМФ. Ф. 402. Оп. 2. Д. 941. Лл 1–2 об.

² Там же. Л. 6.

³ РГИА. Ф. 759. Оп. 75. Д. 353. Л. 6.

На Лондонской выставке

Открытие выставки состоялось 15(3) мая 1876 г. “без всяких формальностей”. Два дня ранее выставку осмотрела королева Виктория.

К началу выставки организаторами был издан каталог, содержащий более 450 названий экспонатов. В июле 1876 г. был опубликован более полный каталог. В нем было указано более 5000 экспонатов Лондонской выставки, размещенных в отдельном здании при Южно-Кенсингтонском музее.

Несомненно, Врангелю было интересно осматривать экспонаты всех отделов выставки (всего их было 21). В первую очередь его интересовали предметы для морского дела: мореходные инструменты, приборы для выполнения научных исследований и т.п. Так, например, в отделе “Арифметика” его заинтересовала линейка для приведения наблюденной высоты барометра к нормальной температуре, в отделе “Кинематика, статика и динамика” – гироскопы, в физическом отделе – приборы для определения плотности жидкостей. В отделе “Теплота”, среди прочих предметов, были представлены термометры – старинные и современные – для различных целей. Весьма любопытными оказались экспонаты отдела “Астрономия” – старинные астролябии, отражательные и диоптрические пассажные инструменты, призматический круг, экваториал, рефракторы и рефлекторы.

В метеорологическом отделе были представлены коллекции метеорологических приборов для судов и метеорологических станций (английских и русских), барометры, термометры для измерения температуры почвы, интеграторы (приборы, показывающие сумму изменений атмосферной температуры в течение известного времени), самопишущие барометры и термометры, интегратор действия ветра Эттингена, озонметры, планы метеорологических обсерваторий, метеорологические карты и т.п.

В отделе “География” были представлены инструменты для геодезических съемок, гидрологические приборы, морские карты Гидрографического департамента в Париже. Здесь же были представлены и экспонаты из России: две карты, изготовленные в Военно-топографическом депо Военного министерства России, а также медные доски с топографической картой западной части Европейской России (507 листов в масштабе 1 : 12 600) и специальной картой Европейской России (145 листов в масштабе 1 : 420 000), карта Закаспийского края масштаба 1 : 840 000⁴.

---

⁴ Петрушевский Ф. Указ. соч. С. 48–58.

На Лондонской выставке Врангель имел возможность общаться с выдающимися специалистами в различных сферах науки. Одним из них был сэр У. Томсон⁵. Последний, в частности, “с обычной своею любезностью” объяснил Врангелю устройство своего нового компаса и при этом “с величайшей похвалой” отозвался об исследованиях по теории девиации лейтенанта российского флота И.П. де-Колонга⁶.

Статьи Врангеля о Лондонской выставке

Свои впечатления от увиденного на выставке Врангель изложил в двух статьях, опубликованных в “Морском сборнике” в 1876–1877 гг.

Первая статья была посвящена гудомеру Сименса⁷. Врангель отмечал, что основной принцип его прибора не является новым: *“в сущности, это не что иное, как весьма чувствительные пружинные весы. Стальные спирали поддерживают на весу массу ртути; при изменении притяжения земли вес ртути изменяется, упругость же пружин от силы тяжести не зависит. Главная*

---

⁵ Томсон Уильям (с 1892 г. за научные заслуги – лорд Кельвин) (1824–1907) – английский физик, член (1851) и президент (1890–1905) Лондонского королевского общества, иностранный член-корреспондент (1877) и иностранный почетный член (1896) Петербургской АН.

⁶ Колонг (де Колонг) Иван Петрович (1839–1901) – генерал-майор (1893), член-корреспондент Петербургской АН (1896). Окончил Морской корпус (1858), Офицерский класс (1864). Являлся помощником начальника Кронштадтской компасной обсерватории (1864–1869). С 1870 г. преподавал компасное дело и навигацию в Академическом курсе морских наук. В 1889 г. являлся заведующим компасным делом Главного гидрографического управления и фактически возглавлял компасное дело в русском флоте. С 1898 г. – помощник начальника Главного гидрографического управления Морского министерства. В 1882 г. за работы по теории девиации получил Ломоносовскую премию Петербургской АН, был награжден золотым жетоном в виде магнитного компаса с 32 бриллиантами. Автор трудов “О новом приборе для уничтожения девиации компасов” (1879), “Новые приемы уничтожения девиации компасов”, “Теория девиации компасов”(1884–1885).

⁷ Сименс Эрнст Вернер (1818–1892) – немецкий инженер-электротехник и изобретатель, основатель фирм “Сименс и Гальске” и “Сименс-Шуккерт”, член Берлинской академии (1874). Изобрел динамомашину, разработал теорию подводного кабеля, построил на берлинской выставке (1879) первую электрическую дорогу. Фирма “Сименс и Гальске” соорудила телеграф в России, построила в Петербурге фабрику, от которой (с 1898 г.) ведет свою историю завод “Электросила”.

заслуга состоит в применении этого принципа, к новой задаче и в устранении источников погрешностей”⁸.

Врангель привел не только описание глубомера Сименса, но и сообщил читателям результаты его применения на пароходе “Фарадей” в 1875 г. при прокладке телеграфной линии между Европой и Америкой, сравнив их с данными 29 промеров в специальной таблице.

*“...Нужно надеяться, что более обильный ряд наблюдений в скором времени подтвердит результат первых опытов и доставит неопровержимое доказательство того, что глубомер Сименса представляет действительное решение задачи, считавшейся невозможной, а именно: измерения глубин моря во всякий момент, без затраты времени и труда, производством простого отсчета. Громадная польза такого прибора для мореплавания и для науки очевидна”, – отмечал Врангель*⁹.

Понимая, что из-за самой сущности способа нельзя рассчитывать на абсолютно точное измерение глубин глубомером Сименса, Врангель, тем не менее, рисовал перед читателями самые радужные перспективы. Он писал, что *“...если успех глубомера оправдается, то с его изобретением открывается новая эпоха в гидрографии. Он даст возможность открывать в океане местности с отличительной глубиной, укажет приближение к банке или к берегу. В морях, глубины которых хорошо исследованы, глубомер дает мореплавателю непосредственную возможность для приближенного определения места в пасмурную погоду. Несомненно, что если при дальнейшем употреблении этого прибора в различных морях, вполне выяснится зависимость его показаний от изменения глубины моря и широты места, то глубомер сделается одним из самых полезных и необходимых спутников мореплавателя”*¹⁰.

Во второй статье, опубликованной через полгода, Врангель охарактеризовал мореходные инструменты, представленные на Лондонской выставке.

В начале статьи Врангель остановился на способах измерения глубин и, в частности, на приборе У. Томсона, имевшем вместо пенькового троса “замечательно тонкую стальную проволоку” (как фортепианная струна). Этот прибор Томсон испытывал

---

⁸ Врангель Ф. Глубомер Сименса // Морской сборник. Т. CLVII. 1876. № 11, неофиц. отд. С. 108.

⁹ Там же. С. 110–112.

¹⁰ Там же. С. 113.

сам в 1872 г. в Бискайском заливе на своей яхте. Характеризуя приборы для исследования приливов и отливов, Врангель вновь отметил исследования У. Томсона и, в частности, его способ, предложенный в 1867 г.

Из самопишущих уровнемеров Врангель указал на прибор, построенный в Альтоне по чертежам немецкого инженера Рейца. Здесь же он отметил уровнемер Сименса.

Затем Врангель сообщил читателям журнала о самопишущем приборе, изготовленном в мастерской мореходных инструментов порта Николаев по проекту И.М. Дикова и его самого. Прибор предназначался для установки на берегу реки Ингул (приток Южного Буга) и уже был испытан в мастерской. Он состоял из медного колеса (с коммутатором), укрепленного над трубой с поплавком, находящейся в удобном для наблюдений месте на берегу моря. Пишущий аппарат с часовым механизмом помещался в жилище наблюдателя и соединялся с колесом посредством изолированных проводников. Врангель поместил далее подробное описание этого прибора.

Несколько страниц в статье Врангеля занимают сведения о морских термометрах. Он, в частности, остановился на преимуществах и недостатках лучшего прибора того времени – термометра Миллер-Казелла, дал описание термометра, изготовленного Дж. Дитрихсоном из Христиании, рассказал о весьма остроумном термометре, изобретенном в 1874 г. известным лондонским оптиком Негретти.

Из приборов для определения плотности воды Врангель назвал лучшим прибор оптика Стегера из Киля¹¹.

Компас, запатентованный сэром У. Томсоном, Врангель назвал замечательным по новизне идеи и несомненным достоинствам¹². Здесь же Врангель указал на полезность изобретенного директором высшей мореходной школы в Триесте профессором Пауггером дромоскопа – вычислительной машины, которая по “известной формуле тангенса” вычисляла девиацию компаса на основании коэффициентов девиации.

Наконец, в последнем, седьмом параграфе своей статьи Врангель описал улучшенный двойной секстан (improved double sextant) офицера королевского флота Джорджа. *“В сущности, это 2 небольших секстана, наложенных друг на друга; каждый может быть употреблен независимо от другого. Они соединяются*

---

¹¹ Врангель Ф. Мореходные инструменты на Лондонской выставке научных инструментов // Морской сборник. Т. CLX. 1877. № 5, неофиц. отд. С. 23–47.

¹² Там же. С. 49.

так, что постоянное зеркало верхнего секстана находится несколько выше и параллельно с зеркалом нижнего секстана”, – писал Врангель¹³.

Данная статья Врангеля была снабжена чертежами, которые помогали читателю лучше понять описываемые приборы и инструменты. В XIX в. “Морской сборник” был весьма популярным журналом, особенно среди моряков и ученых. Они внимательно знакомились с его содержанием и использовали материалы, опубликованные в журнале, в своей деятельности. Так, в частности, делал и И.П. де-Колонг. *“Мне было особенно отрадно услышать от Ивана Петровича, по возвращении моем в Россию, что именно из моего отчета он впервые узнал о компасе Томсона; оценив сразу всю важность этого нововведения, он тотчас применил его и извлек из него все те практические выгоды, которые теоретически истекали из его опытов”*, – вспоминал Врангель через 25 лет после Лондонской выставки¹⁴.

---

¹³ Там же. С. 51–53.

¹⁴ Врангель Ф. Памяти Ивана Петровича Клапье-де-Колонга. СПб., 1902. С. 6.

Морские дальномеры Врангеля

Разработка нового метода определения расстояний

Вернувшись из Лондона, капитан-лейтенант Врангель отправился к месту службы – на Черноморский флот. В 1877 г. началась русско-турецкая война. В период с 27 мая 1877 г. по 27 мая 1878 г. он находился в Очакове, на винтовой шхуне “Бомборы”, являясь флаг-офицером при начальнике отряда судов¹.

В задачу отряда входила береговая оборона Очаковской дистанции. Врангелю была поручена работа по определению расстояний для стрельбы с судов обороны. Ознакомившись с существовавшими способами и приборами, он пришел к выводу о том, что на судах русского флота не было дальномерных средств, удовлетворявших современным условиям.

Врангель решил разработать свой проект дальномера и новый прием определения расстояний. На эту работу он затратил несколько месяцев. 12 декабря 1877 г. Врангель подал рапорт на имя главного командира Черноморского флота и портов с приложением проекта “способа определения расстояния в море” и просьбой ходатайствовать о разрешении заказать “один угломерный инструмент секстанного устройства, для измерения угловой величины мачт неприятеля”. При этом он указал, что механик Пулковской обсерватории В.Ф. Гербст² берется изготовить первый прибор по его, Врангеля, указаниям за 250 руб., а цена изготовления последующих приборов будет значительно меньше.

---

¹ РГИА. Ф. 759. Оп. 75. Д. 353. Л. 6.

² Гербст Василий Федорович (Herbst Wilhelm Johann, 1842–1908) – русский оптико-механик. в 1867–1885 гг. работал в Пулковской обсерватории. Он сконструировал и изготовил много астрономических и геодезических инструментов, принимал активное участие в астрономических наблюдениях Обсерватории. С 1874 г. состоял членом Астрономического Общества (Astronomische Gesellschaft), был награжден медалями Московской политехнической выставки (1872) и Международного конгресса географов в Париже (1875).

Суть предложенного Врангелем способа определения расстояний заключалась в следующем: с помощью угломерного инструмента “секстанного устройства” измерить высоту рангоута неприятельского судна (или высоту его дымовой трубы), после чего определить до него расстояние³.

Адмирал Аркас поддержал просьбу Врангеля⁴. Ходатайство главного командира Черноморского флота и портов от 16 декабря 1877 г. было удовлетворено: менее, чем через два месяца дальномер был изготовлен за 300 руб., доставлен в Николаев, где 22 февраля 1878 г. его освидетельствовала комиссия⁵.

Примерно в это же время Врангель находился в Петербурге, где по собственной инициативе заказал у механика Гербста четыре экземпляра дальномеров своей конструкции с тем, чтобы снабдить ими пароходы Добровольного флота, которые предполагалось отправить в крейсерство. Однако впоследствии суда получили другое назначение, и Врангель оставил изготовленные инструменты у Гербста до своего очередного прибытия в столицу⁶.

Исследование дальномеров в Очакове

В апреле 1878 г. Врангель в Очакове произвел в три этапа исследование первого дальномеров, изготовленного механиком Гербстом.

Сначала Врангель определял расстояние с неподвижной точки до судна, стоящего на якоре. Для этого он производил наблюдения, находясь на батарее № 1, до парохода “Аккерман” и до тендера “Березань”⁷.

Далее Врангель выполнил наблюдения с неподвижной точки до движущегося судна. В качестве целей были избраны пароход РОПиТ “Таврида”, проходивший полным ходом по фарватеру, и коммерческий пароход, шедший средним ходом. Одновременно производились засечки индикатором Петрушевского и прибором Врангеля (в последнем случае измерялась угловая величина дымовой трубы “Тавриды” и угол между клотиком фок-мачты и ватерлинией коммерческого парохода).

---

³ Угломерный инструмент капитан-лейтенанта барона Врангеля для определения расстояний при стрельбе в море // Морской сборник. Т. CLXXX. 1880. № 9, прил. С. 1, 2.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 8009. Лл. 94, 95.

⁵ Там же. Лл. 96–98.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 421. Оп. 2. Д. 215. Лл. 295–295 об.

⁷ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 8009. Л. 100, 102, 102 об.

Эти наблюдения показали, что при расстояниях, доходивших до 20-и кабельтовых (3700 м), ошибки редко достигали 40 сажень (73 м). Как отмечал Врангель, такой хороший результат не был достигнут ни одним из существующих морских дальномеров⁸.

Наиболее сложным оказался третий этап испытаний. Находясь на пароходе “Родимый”, который шел средним ходом от тендера “Березань” к шхуне “Новороссийск” (и обратно), расстояния до этих судов определялись дальномером Врангеля. В другой раз Врангель прошел по фарватеру полным ходом на пароходе “Аргонавт”, определяя без помощников расстояния в тех же самых точках.

Поместив в своей записке таблицу сравнительных наблюдений, Врангель сделал общий вывод о том, что с помощью его дальмера можно, при некотором навыке, определять расстояния “с большою быстротою, удобством и достаточною точностью”.

Процесс производства наблюдений Врангель описал так: *“Отсчет производится непосредственно на барабане микрометрического винта, так что в тот момент, когда один наблюдатель сводит оба изображения и измеряет угол, другой отсчитывает и сейчас же приискивает в таблице соответствующее число”*⁹. Далее Врангель отмечал, что если линейная величина базиса (например, дымовой трубы) известна, то “приискивание в таблице делается без всяких интерполяций”, и потому весь процесс определения расстояний занимает всего несколько секунд времени.

Врангель констатировал, что размеры и оптическая сила трубы, вес и расположение частей инструмента, оказались “вообще удовлетворительными, за исключением некоторых мелочей”, о которых он сообщил механику Гербсту¹⁰.

31 мая 1878 г. адмирал Аркас направил в Ученое отделение Морского технического комитета докладную записку Врангеля с приложенными к ней сведениями о результатах определения расстояний дальномером¹¹.

---

⁸ Там же. Лл. 103, 103 об.

⁹ Там же. Л. 104–105 об.

¹⁰ Там же. Лл. 101, 105 об., 106.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 8009. Л. 110.

Таблицы для определения расстояний на море

22 мая 1878 г. Врангель в своем рапорте в Гидрографическую часть поставил вопрос о необходимости издания составленных им таблиц, при помощи которых определяется расстояние по линейной величине рангоута или трубы и угловой величине того же предмета, измеряемой дальномером. По сведениям Врангеля, на издание таблиц тиражом 500 экземпляров в типографии “Николаевского вестника” потребуется около 175 рублей¹².

В том же году таблицы в виде брошюры были изданы в Николаеве, в типографии Н.В. Рюмина¹³.

Чей дальномер лучше?

Следует отметить, что над созданием дальномера работали и другие флотские офицеры, например, подпоручик Жамбов. 16 августа 1878 г. член-делопроизводитель Морского технического комитета генерал-майор Н.Н. Тресковский направил проекты Врангеля и Жамбова в Николаевскую главную астрономическую обсерваторию (Пулково) с просьбой, чтобы ее директор академик О.В. Струве сообщил свой отзыв. Уже через неделю Струве прислал отзыв, в котором, в частности, отмечал следующее:

“1. Устроенный по указаниям капитан-лейтенанта барона Врангеля снаряд позволяет в несколько секунд измерять небольшие углы с весьма высокою точностью. Поэтому он несомненно может служить превосходным дальномером во всех тех случаях, когда базис дан самим предметом, расстояние которого желательно определить, как напр. высотой мачт или дымовых труб над ватерлинией, а также если определенный предмет в известный момент будет находиться на знакомом расстоянии. Отсюда следует, что угломер барона Врангеля, хотя сам по себе не общеприменим, но во многих случаях может оказать важнейшие услуги как быстро работающий дальномер...”

2. ...Верность геометрических соображений, на которых основан дальномер г. Жамбова, не подлежит сомнению, но едва

---

¹² Там же. Л. 107–109 об.

¹³ Врангель Ф. Таблицы для определения расстояния по линейной и угловой величине предмета. Николаев. 1878.

ли этот дальномер может быть полезен на практике при измерении нескольких больших расстояний”¹⁴.

Таким образом, разработка Врангеля оказалась удачнее его коллеги-изобретателя Жамбова.

Следует отметить, что тогда же, в августе 1878 г., командир поповки¹⁵ “Вице-адмирал Попов” капитан-лейтенант К.Р. Бистром прислал адмиралу Аркасу рапорт с отзывом о дальномере Врангеля, который изобретатель прислал ему для испытаний. “...Из всех известных мне судовых дальномеров я считаю дальномер барона Врангеля единственным удобным для употребления на судах флота как по практическому удобству его употребления, так и по поразительной точности его показаний, которая превосходит во много раз точность всех известных мне судовых дальномеров...”, – писал Бистром¹⁶.

Через месяц в Петербурге было закончено рассмотрение записки Врангеля о произведенных испытаниях его дальномера. 19 сентября 1878 г. адмирал С.И. Зеленой сообщил адмиралу Н.А. Аркасу, что “...Ученое отделение находит, что полученные ... результаты вообще настолько удовлетворительны, что дальнейшие испытания этого инструмента весьма желательны”. Зеленой просил Аркаса отправить дальномер в Петербург, к механику Гербсту, для исправления замеченных недостатков и затем вновь испытать его на учебном артиллерийском судне с участием Врангеля по той же программе¹⁷. В заключение адмирал Зеленой сообщал, что расходы по исправлению дальномера будут оплачены из сумм Ученого отделения Морского технического комитета¹⁸.

28 сентября 1878 г. адмирал Аркас направил капитан-лейтенанту Врангелю письмо, в котором сообщал о решении Ученого отделения и разрешал представить ему (Аркасу) непосредственно подробные соображения для оказания с его стороны “полного содействия”¹⁹.

---

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 421. Оп. 2. Д. 215. Лл. 282–284 об.

¹⁵ “Поповка” – круглое судно, монитор с плоским дном конструкции адмирала А.А.Попова. К началу русско-турецкой войны 1877–1878 гг. “поповки” “Новгород” и “Вице-адмирал Попов” были включены в состав приморской обороны Одессы, где находились всю войну, совершив единственный поход в устье р. Дунай.

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 8009. Лл. 111, 111 об.

¹⁷ Там же. Л. 113.

¹⁸ Там же. Л. 114.

¹⁹ Там же. Лл. 115–116.

Таким образом, Врангель получил своего рода карт-бланш на продолжение работ по усовершенствованию дальномера.

Дальномеры, изготовленные механиком В.Ф. Гербстом

В декабре 1878 г. Врангель прибыл Петербург. Соединенное собрание ученого отделения Морского технического комитета и комитета морских учебных заведений рассмотрело записку Врангеля в его присутствии. Собрание признало полезным заказать механику Гербсту инструмент, предложенный Врангелем. Причем, было решено также после изготовления инструмента послать его на Черноморский флот с тем, “чтобы результаты испытаний этого инструмента на якоре и в ходу, при измеренных заранее расстояниях, были доставлены на рассмотрение Ученого отделения”²⁰.

Однако четыре дальномера уже были изготовлены Гербстом. 4 марта 1879 г. Врангель сообщил об этом в Артиллерийское отделение Морского технического комитета. Он отметил в рапорте, что изготовленные приборы, не пригодившиеся на судах Добровольного флота, лично им проверены и найдены вполне соответствующими требованиям “быстрого и точного измерения угловой величины рангоута или трубы судна”. Врангель просил Артиллерийское отделение принять эти приборы для испытаний на судах “артиллерийского отряда” и уплатить ему стоимость их изготовления – 1400 руб.²¹

14 марта 1879 г. состоялось заседание Артиллерийского отделения Морского технического комитета под председательством контр-адмирала С.П. Шварца. В журнале заседания было, в частности, отмечено: *“Дальномер Врангеля есть секстан, специально приспособленный для измерения малых земных углов и служит для измерения угловой величины – рангоута или дымовой трубы неприятельского судна. Зная высоту того же предмета над ватерлинией корабля, из таблицы получается расстояние, соответствующее измеренному углу”*²². Участники заседания пришли к выводу о том, что “отражательный дальномер” Врангеля может быть весьма полезен, решили ходатайствовать о

---

²⁰ Угломерный инструмент капитан-лейтенанта барона Врангеля для определения расстояний при стрельбе в море // Морской сборник. Т. CLXXX. 1880. № 9, прил. С. 3.

²¹ РГА ВМФ. Ф. 421. Оп. 2. Д. 215. Л. 295, 295 об., 334.

²² РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 5570. Л. 2, 3.

приобретении уже изготовленных инструментов и их испытании на судах Балтийского и Черноморского флотов²³.

Журнал заседания был представлен управляющему Морским министерством адмиралу С.С. Лесовскому, который согласился с предложениями и распорядился показать ему инструмент Врангеля 15 марта 1879 г.²⁴

Лесовский пригласил сделать это и генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича. Врангель лично доложил генерал-адмиралу принцип своего способа определения расстояний, представил угломер и таблицы. Великий князь “благосклонно” выслушал доклад Врангеля, после чего сказал Лесовскому: *“Надо дать Врангелю средства изготовить его приборы и испытать их летом на Артиллерийском отряде, при участии самого Врангеля”*²⁵.

Лесовский приказал оплатить расходы на приобретение дальномеров Врангеля и решить вопрос с их испытанием на судах Черноморского и Балтийского флотов²⁶.

В течение апреля-мая 1879 г. механик Гербст произвел необходимые исправления в дальномерах Врангеля, в частности, реконструировал счетные механизмы. После этого один из дальномеров был отправлен в Николаев, два – на суда Практической эскадры Балтийского моря, а четвертый – передан на склад²⁷.

Дальномеры, изготовленные механиком Г.К. Брауэром

В то время, когда механик В.Ф. Гербст устранял недостатки в дальномерах “секстанного типа”, другой механик – Г.К. Брауэр²⁸ – занимался изготовлением морских дальномеров с вертикальным базисом по проекту Врангеля. Что же это были за приборы? Об этом мы можем узнать из докладной записки Врангеля от 24 апреля 1879 г., которую он подал на имя управляющего Морским министерством:

---

²³ Там же. Л. 4 об.

²⁴ Там же. Л. 2.

²⁵ Там же. Л. 16.

²⁶ РГА ВМФ. Ф. 421. Оп. 2. Д. 215. Л. 328.

²⁷ Там же. Лл. 329–331.

²⁸ Брауэр Георг Константинович (1816–1882) – русский оптико-механик. С 1845 г. заведовал Механическими мастерскими Пулковской обсерватории. В 1866 г. основал в Петербурге собственную мастерскую и покинул Пулковскую обсерваторию. Утонул в Финском заливе.

“Согласно приказанию Вашего Высокопревосходительства имею честь изложить соображения о конструкции и приблизительной стоимости двух морских дальномеров с вертикальным базисом, подготовляемых механиком Брауэром.

Единственное различие обоих инструментов заключается в том, что один дальномер имеет базис в 10 фут, другой – в 7 фут длины. В обоих случаях базисом служит железная труба с внутренним поперечником $3/4$ дюйма. К верхнему концу базиса наглухо прикреплена прямоугольная призма, закрывающая трубу сверху. У нижнего конца помещается другая призма, вращающаяся около горизонтальной оси, проходящей чрез середину гипотенузы призмы.

Против подвижной призмы, к базису прикреплена зрительная труба перпендикулярно к направлению базиса. Диаметр объектива трубы вдвое больше высоты нижней призмы, так что, когда труба наведена на предмет, в поле зрения ее одновременно будет находиться как прямовидимое, так и дважды отраженное изображение предмета. Наблюдение состоит в том, чтобы, действуя микрометрическим винтом, поворотить нижнюю призму настолько, чтобы произвести совпадение прямовидимого изображения с отраженным. По отсчету на барабане винта из таблички, прикрепленной к инструменту, непосредственно находят расстояние.

Для уменьшения влияния температуры и случайных толчков, базис заключен в чухол (так в тексте. – В.С.) и пространство между базисом и чухлом наполнено упругим изолятором. Весь прибор подвешен в кардановском кольце на треножке.

Необходимость одновременного испытания двух однородных приборов с различными размерами базиса, обуславливается тем обстоятельством, что при этом способе определения расстояния успех зависит как от точности, так и от удобства наблюдения. Чем больше базис, тем точность больше, но тем, с другой стороны, уменьшается удобство его употребления. Размеры, на которых следует основываться, может решить только опыт, основанный на сравнении, при равности прочих условий, двух дальномеров, отличающихся только размерами базиса.

По приблизительным соображениям механика Брауэра, стоимость обоих приборов со штативами будет около 1000 руб. серебром. Механик уже приступил к изготовлению приборов, и я надеюсь, что они будут готовы по прошествии четырех недель, так как самая конструкция не представляет никакой сложности, а оптические части, заказанные три неде-

ли тому назад у Мерца в Мюнхене, должны прибыть в скором времени”²⁹.

Уже через несколько дней было принято положительное решение по докладной записке Врангеля. В мае 1879 г. было решено один из этих дальномеров передать для испытаний на корабль “Пётр Великий”, а другой – на канонерскую лодку “Щит”³⁰.

Испытания дальномеров в 1879 г.

После месячного пребывания в Николаеве 11 июня 1879 г. Врангель прибыл в Петербург для производства испытаний “над предложенным им способом определения расстояний” на судах Балтийского флота. Два базисных дальномера, заказанных механику Брауэру, еще не были готовы. Поэтому Врангель 22 июня поехал в Ревель для испытания угломерного инструмента, переделанного Брауэром из прибора, изготовленного Гербстом в 1877 г.

30 июня 1879 г. Врангель, однако, вернулся в Петербург и вновь побывал у Брауэра. Несмотря на все усилия последнего, только в конце июля 1879 г. “все главные части базисных приборов” были готовы, а из Мюнхена, от оптика Мерца, получены оптические части. Оставалось выполнить центрирование, шлифовку и полировку частей. Эта работа не требовала присутствия Врангеля, поэтому он вторично отправился в Ревель, на суда Учебно-артиллерийского отряда, для ознакомления некоторых офицеров отряда с употреблением отражательных инструментов, секундомера и составленных им таблиц³¹.

В составе практической эскадры было 14 судов, в том числе и броненосная батарея “Не тронь меня”. Находясь в Ревеле, батарея в период с 26 по 30 июля 1879 г. два раза ходила к острову Карлус для производства стрельб. Однако погода была штилевой, и обе стрельбы выполнялись “на тихой воде”. В этих “тепличных” условиях проводились испытания и дальномер Врангеля “в присутствии самого изобретателя”. В “Историческом журнале практической эскадры” о дальномере Врангеля было сказано, в частности, следующее: “*большой ряд наблюдений, произведенных комиссией, показал, что при точно известной линейной высоте он дает расстояние с точностью до нескольких сажен и, обратно, при известном исходном расстоянии он*

²⁹ Там же. Лл. 336–337.

³⁰ Там же. Л. 335.

³¹ РГА ВМФ. Ф. 421. Оп. 2. Д. 215. Л. 393–393 об.

*дает высоту предмета со среднюю точностью до 1/2 фута и таким образом представляет самый точный из инструментов этого рода*³².

Следует отметить, что в период той же кампании 1879 г. проводились испытания и другого дальномера – изобретенного профессором Ф.Н. Шведовым. Однако он был признан непригодным для использования не только на судах, но и на берегу³³.

Пробыв некоторое время на судах Практической эскадры, Врангель снова приехал в Петербург “в надежде ускорить изготовление базисного прибора”, чтобы обеспечить его испытания в кампанию 1879 г.³⁴

Телеграммой начальника Практической эскадры контр-адмирала Ф.Я. Брюммера Врангель был вызван в Гельсингфорс для испытаний дальномеров, куда и прибыл 16 августа 1879 г.³⁵

В период с 19 по 23 августа 1879 г. состоялся второй этап испытаний дальномеров. На этот раз их проводили у северных берегов Финского залива – в Свеаборге, Гельсингфорсе и ряде других мест. В испытаниях дальномеров, изготовленных Гербстом и Брауэром, принимали участие капитан-лейтенанты А.С. Кротков (заведующий Артиллерийским офицерским классом, член Артиллерийского отделения Морского технического комитета, впоследствии – генерал-лейтенант) и Врангель, лейтенанты А.И. Пароменский (впоследствии – генерал-лейтенант по Адмиралтейству) и В.В. Линдестрем (впоследствии – вице-адмирал), мичман Г.К. Ланевский-Волк (впоследствии – генерал-лейтенант по Адмиралтейству)³⁶. Полученные данные заносили в специальные таблицы, куда записывались и выполненные расчеты.

28 августа 1879 г. Врангель вернулся в Петербург, однако базисный прибор все еще не был готов. Лишь 4 сентября Врангель приступил к проверке оптической части базисного прибора № 1, а 5 сентября оба новых прибора были готовы. Врангель воспользовался винтовой лодкой “Опыт”, предоставленной начальником Минного отряда, для предварительного испытания базисного прибора. Испытания проводили 5–6 сентября на переходе из Петербурга в Кронштадт и обратно, а также на Кронштадтском рейде при участии директора морской обсерватории В.Е. Фуса.

---

³² Исторический журнал практической эскадры судов Балтийского флота под начальством контр-адмирала Брюммера в кампанию 1879 года // Морской сборник. Т. CLXXVIII. 1880. № 6, приб. С. 77–78.

³³ Там же. С. 78.

³⁴ РГА ВМФ. Ф. 421. Оп. 2. Д. 215. Л. 394 об.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л. 361.

Утром 7 сентября лодка стояла на якоре на малом Кронштадтском рейде, практически напротив почтовых ворот. С этой точки под наблюдением находились различные пункты, нанесенные на карту. Ошибки в углах, за исключением двух случаев, были весьма незначительными и составляли 6".

После произведенных испытаний Врангелю стало ясно, что на больших судах может быть использован 15-футовый базисный прибор, на малых – 10-футовый.

10 сентября 1879 г. Врангель представил в Артиллерийское отделение Морского технического комитета рапорт, в котором указал: при испытаниях дальномеров секстанного устройства оказалось, что при пасмурной погоде неудобно наблюдать с окуляром большого увеличения. По этой причине он заказал механику Гербсту запасные окуляры малого увеличения к четырем инструментам. Врангель просил уплатить Гербсту стоимость этих окуляров³⁷.

Осенью того же года в Петербург были присланы результаты сравнительных испытаний дальномеров вице-адмирала С.П. Шварца и капитан-лейтенанта Врангеля, произведенные на Черном море. Члены особой комиссии под руководством капитан-лейтенанта И.М. Зацаренного пришли к заключению, что результаты определения расстояний с помощью дальномера Врангеля оказались удовлетворительными, а с помощью дальномера Шварца – неудовлетворительные (из 16 определений – 12 имели линейные ошибки). К таблице измеренных расстояний прилагалась обширная объяснительная записка³⁸.

11 сентября 1879 г. Врангель был назначен воспитателем к младшему сыну великой княгини Екатерины Михайловны герцогу Михаилу Мекленбург-Стрелицкому". Однако он не оставил своих "дальномерных трудов".

---

³⁷ Там же. Л. 368.

³⁸ Там же. Лл. 375–389.

Усовершенствование дальномеров в 1880–1885 гг.

Испытания 1880 года

В августе 1880 г. Врангель испытывал переделанные дальномеры на пароходе “Фонтанка” и двухбашенной лодке “Чародейка” при производстве стрельбы боевыми зарядами. Эти испытания убедили его “в совершенной удовлетворительности приборов”¹.

21 августа 1880 г. Врангель подал в Артиллерийское отделение Морского технического комитета рапорт, в котором просил отправить 100 экземпляров “Таблиц для определения расстояния” в Кронштадт для раздачи их офицерам. Однако было отправлено только 25 брошюр².

Тогда же (21 августа) Врангель подал докладную записку с просьбой о назначении комиссии для испытания предлагаемого им способа определения расстояния в море с целью выяснить: 1) представляет ли он существенное преимущество сравнительно с имеющимися дальномерами, и 2) удовлетворяет ли он в достаточной степени требованиям практики, чтобы сделать желательным введение его на судах флота. К докладной записке Врангель приложил проект программы испытаний своего способа определения расстояний в море³.

Решение о проведении испытаний было принято. Председателем комиссии был назначен генерал-майор Ёлкин. 10 сентября 1880 г. Ёлкин сообщил Врангелю о составе комиссии, доставке в Кронштадт дальномеров и угломеров и программе испытаний.

Испытания проводились 17 и 18 сентября. Они оказались в целом успешными. Через три месяца Врангель представил Ёлкину рапорт и приложил две записки: “Теоретические соображения, лежащие в основе моего способа определения расстояния” и “Предположения о мероприятиях, которые, по моему убеждению, необходимы для успешного применения этого способа к

---

¹ РГИА. Ф. 759. Оп. 75. Д. 353. Л. 4 об.

² РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 5570. Л 17.

³ Там же. Лл. 408–410.

практике и для дальнейшего его развития”. В последней Врангель отмечал следующее: *“Испытания, производившиеся 17 и 18 сентября с.г., вероятно, убедили членов комиссии в том, что предлагаемый мною способ дает результаты настолько точные, и пользование им настолько удобно, что судно, снабженное этими приборами, будет иметь серьезное преимущество в бою, сравнительно к другим, не имеющим этих приборов”*⁴.

Врангель указал, что обработка многих наблюдений показала, что вероятность ошибки каждого отдельного определения составляет менее 3% от расстояния. По его мнению, следовало немедленно приступить к изданию таблиц по новому образцу и заказать два новых базисных прибора с рядом изменений. Кроме того, Врангель считал желательным заказать два новых угломера “с большею оптической силою”. *“Для изготовления достаточного числа приборов, и для подготовки лиц, умеющих пользоваться ими, нужно время, никто не может предвидеть момента, когда наши боевые силы могут подвергнуться новому испытанию, а тогда уже поздно думать о нововведениях и улучшениях”*, – отмечал в заключение Врангель⁵.

Материальная компенсация за труды по изобретению дальномера

27 января 1881 г. главный командир Кронштадтского порта отправил в Артиллерийское отделение Морского технического комитета отчет комиссии о результатах испытания способа определения расстояний, предложенного капитан-лейтенантом Врангелем⁶.

Узнав о положительном мнении комиссии о своем дальномере, Врангель 18 февраля 1881 г. подал докладную записку на имя управляющего Морским министерством с изложением общего хода работ по изобретению и испытанию дальномеров его конструкции и просил выплатить ему весьма значительную материальную компенсацию⁷.

4 мая 1881 г. Александр III разрешил выдать Врангелю 3400 руб. серебром “в возмещение издержек” по проектированию и испытанию судовых дальномеров⁸.

---

⁴ Там же. Л. 412–416.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 421. Оп. 2. Д. 215. Л. 416, 417.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 5570. Л. 20.

⁷ Там же. Лл. 23, 24.

⁸ Там же.

Уже через три недели председатель Артиллерийского отделения Морского технического комитета вице-адмирал С.П. Шварц представил управляющему Морским министерством доклад, в котором указал, что с одобрения генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича решено сделать некоторые изменения и переделки в уже имеющихся угломерах и базисных дальномерам Врангеля и, кроме того, изготовить вновь по одному из таких инструментов со всеми усовершенствованиями, на необходимость которых указал опыт. Шварц представил также записку Врангеля, в которой были приведены данные о сумме, которую изобретатель просил вернуть ему за выполненные ранее (в 1879–1881 гг.) работы – 1265 руб., и о потребной сумме для изготовления новых инструментов – 1650 руб.⁹ Положительное решение управляющим Морским министерством было принято.

Однако Врангелю пришлось письменно объяснять директору канцелярии Морского министерства причины некоторых расходов, несогласованных предварительно с Артиллерийским отделением Морского технического комитета¹⁰.

Испытания в кампанию 1881 года

Испытания базисного прибора Врангеля в кампанию 1881 г. проходили в Учебном артиллерийском отряде, главным образом на плавучей батарее, которой командовал капитан 1 ранга Я.И. Куприянов. В своем отзыве о дальномере он отмечал, что “громоздкость базисного прибора” сразу же обратила на себя внимание. Однако впоследствии оказалось, что несмотря на значительный вес и большую длину прибора, обращаться с ним удобно. Кроме того, “солидность веса и размеров”, по мнению Куприянова, делали прибор нечувствительным к тряске, стрельбе, ходу машины, т.е., придавали ему такие морские качества, которыми не обладал ни один превосходный береговой дальномер.

Куприянов считал неудобством то, что штатив прибора сделан из железа (это будет “вредно влиять” на главный компас) и занимает значительное место на палубе. Другим недостатком Куприянов считал небольшую дальность определения исходного расстояния (10 кабельтовых). Он отметил, что “базисный прибор, удовлетворяющий условиям боя настоящего времени”, должен определять базу на дистанциях не менее 20 кабельтовых.

---

⁹ Там же. Л. 26–28.

¹⁰ Там же. Л. 30 об.

“Достижение этой возможности я считаю на столько важною, что ради ее можно согласиться на значительное удлинение базисного прибора, с тем однако условием, чтобы он сохранил бы настоящие свои качества по отношению к удобству обращения и неизменяемости формы”, – отмечал Куприянов в конце своего рапорта от 12 января 1882 г., представленного в Артиллерийское отделение Морского технического комитета¹¹.

Испытания на корабле “Пётр Великий”

2 марта 1882 г., следуя по льду из Петербурга в Кронштадт, утонул механик Г.К. Брауэр. Это была тяжелая потеря для Врангеля, поскольку именно Брауэр в последние годы изготавливал дальнометры его конструкции.

Однако были у Врангеля и радостные дни. Составленные им “Таблицы для определения расстояния по линейной и угловой величине предмета” были по распоряжению Морского министерства опубликованы в 1882 г. В брошюре объемом в 79 стр. Врангель поместил также таблицу для перевода минут в секунды и таблицу для определения расстояния по скорости распространения звука¹².

В конце июня 1882 г. в Учебный артиллерийский отряд были направлены 10 экземпляров новых таблиц, а на корабль “Пётр Великий” – три экземпляра таблиц¹³. Именно на этом корабле были проведены очередные испытания дальнометра Врангеля.

Накануне ухода корабля за границу Врангель доставил на него из мастерской Брауэра базисный прибор и отражательный угломер.

В период плавания отражательный угломер проверялся каждый раз перед наблюдениями. По отзыву автора отчета об испытаниях мичмана Мордвинова, угломер “по своей легкости представлял весьма удобное и верное определение расстояний при известной высоте”. После наблюдений на базисном приборе Мордвинов пришел к заключению, что его ножки следует ставить на резиновые прокладки для уменьшения влияния сотрясения на положение точки нуля. Для более легкого вращения базисного прибора Мордвинов предложил делать ролики не цилиндрическими, а имеющими вид усеченного конуса.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 421. Оп. 2. Д. 322. Л. 1–2.

¹² Врангель Ф. Таблицы для определения расстояния по линейной и угловой величине предмета. СПб., 1882.

¹³ РГА ВМФ. Ф. 421. Оп. 2. Д. 322. Л. 10, 12.

Во время смотровой стрельбы определение расстояний производилось отражательным угломером, при этом результаты были весьма хорошими, поскольку снаряды ложились у самого щита.

Испытаниями базисного прибора и отражательного угломера занимались многие офицеры корабля, как это было предписано начальником отряда судов в греческих водах. Все это мичман Мордвинов изложил в своем отчете 12 октября 1882 г.¹⁴

Статья в “Морском сборнике”

В начале 1883 г. Врангель опубликовал в двух книжках “Морского сборника” статью “Определение расстояний для стрельбы в море”, в которой впервые печатно изложил свои результаты. При этом он преследовал двоякую цель: во-первых, познакомить со своими работами лиц, интересующихся этим вопросом и не присутствовавших на его выступлениях в Техническом училище морского ведомства и Артиллерийском классе в Кронштадте, а также в Техническом обществе в Санкт-Петербурге; во-вторых, вызвать печатное, а потому более обстоятельное обсуждение данных¹⁵.

Врангель считал, что в одиночном бою, при значении крейсерства для русского флота, дальномер может принести наибольшую пользу и “даже совершенно изменить условия успеха боя”, поскольку “нет быстрых перемен цели, меньше дыма, движение свободнее”. Врангель отмечал, что во всех случаях “дальномер как бы увеличивает число орудий, во столько раз, во сколько раз он увеличивает меткость стрельбы, а так как исход морского боя зависит от того, который из сражающихся раньше нанесет противнику известную сумму вреда, то, очевидно, что во многих случаях дальномер может иметь решающее значение”¹⁶.

В своей статье Врангель высказал интересные мысли, связанные не только с внедрением дальномеров на кораблях, но и с развитием Военно-морского флота в России. В известной степени они сохраняют свою актуальность и в наше время¹⁷.

Значительная часть статьи посвящена разбору теоретической задачи определения расстояний в море¹⁸. Далее Врангель

---

¹⁴ Там же. Л. 14, 15.

¹⁵ Врангель Ф. Определение расстояний для стрельбы в море // Морской сборник. Т. СХСIV. 1883. № 1, неофиц. отд. С. 34, 35.

¹⁶ Там же. С. 37.

¹⁷ Там же. С. 35, 36.

¹⁸ Там же. С. 39, 40, 45.

дает описание изобретенного им дальномера по состоянию на 1882 год:

“Базисный дальномер (...) состоит из железной трубы в 12 футов длины, к верхнему концу которой прикреплена неподвижная прямоугольная равнобедренная призма, нижний катет которой перпендикулярен к оси трубы. В расстоянии 8 дюймов от нижнего конца базисной трубы, внутри ее, находится вторая призма, прикрепленная к оси, перпендикулярной к линии базиса. С этой осью скреплена алидада, верхний конец которой снабжен верньером, скользящим по дуге, скрепленной с базисною трубою. В нижний конец алидады упирается с одной стороны сильная пружина, с другой стороны микрометрический винт, помощью которого производится вращение оси алидады, а вместе с тем и призмы, на нее насаженной. Гипотенузы обеих призм параллельны между собою и составляют 45° с базисом. Против нижней призмы сделана в базисной трубе круглая вырезка, диаметр которой равен двойной высоте призмы. Астрономическая труба прикреплена к базису так, что ось трубы перпендикулярна к вертикальному катету нижней призмы. Железная базисная труба, вместе с оптической и измерительной частями прибора вмещается в долбленную деревянную трубу, которая служит как бы футляром базиса и предохраняет ее от толчков, от тепловых лучей, дождя и т.п. На эту деревянную трубу надето несколько выше ее центра тяжести кардановское кольцо, которое вращается на роульсах в наружном кольце, снабженном тремя железными ножками. Нижние концы этих ножек вставлены в железные башмаки, которые прикрепляются с помощью болтов к гнездам в палубе. Таким образом, кольцо с ножками составляет штатив, в котором базисный дальномер может свободно вращаться и наклоняться до углов градусов в 20 от вертикального положения”¹⁹.

Затем Врангель сообщает читателям, в чем заключается способ наблюдений его дальномером:

“Наблюдение состоит в том, что зрительная труба, а вместе с нею и весь прибор, наводится на предмет, до которого желают определить расстояние, например, на неприятельское судно. Так как нижняя призма закрывает лишь одну правую половину объектива трубы, то лучи, падающие на левую половину, дадут прямовидимое изображение предмета. Лучи, падающие от того же предмета на верхнюю призму, отразятся (внутренним отражением) от гипотенузы по направлению базиса;

---

¹⁹ Там же. С. 49, 50.

встретив в другом конце его нижнюю призму, снова отразятся по направлению трубы, соберутся правой половиною объектива и дадут дважды отраженное изображение. Если предмет на бесконечно дальнем расстоянии от прибора и если гипотенузы обеих призм параллельны между собою, то оба изображения сольются. По мере же приближения предмета отраженное и прямовидимое изображения разойдутся. Чтобы свести их, нужно поворотить нижнюю призму на угол, равный половине угла, заключенного между лучем, идущим от предмета к верхней призме, и лучем, направленным от того же предмета к центру объектива. Понятно, что при постоянстве длины базиса, каждому расстоянию будет соответствовать определенный угол, так что по величине угла, на который пришлось поворотить призму для того, чтобы совместить изображения, можно судить о расстоянии.

Если бы труба была обыкновенного устройства, то каждая половина объектива дала бы изображение всех точек, находящихся в поле зрения трубы и вследствие совпадения светлых точек одного изображения, с темными точками другого, мы получили бы оба изображения неясными, с менее яркими контрастами света и тени, чем в самом предмете. Такое уменьшение яркости составляет главное затруднение для точного измерения углов между земными предметами в отражательных инструментах. Между тем, от наблюдателя базисным прибором требуется (вследствие малости базиса), особая точность. Чтобы уничтожить причину этой неясности изображений, я разделил трубу на две половины помощью медной, закопченной с обеих сторон диафрагмы, которая проходит по середине трубы от объектива почти до фокуса, и плоскость которой параллельна боковой грани нижней призмы...

Сделав наблюдение {...}, производят отсчет по барабану микрометрического винта²⁰. Нониус²¹, которым снабжена алидада, должен служить лишь для контроля”²².

---

²⁰ На испытаниях в 1880 г. отсчет производился по нониусу, так как неосновательное исследование винта заставило меня усомниться в его надежности. Более тщательные наблюдения, произведенные на учебном артиллерийском отряде в 1881 г., показали, что микрометрические винты дальномеров вполне удовлетворяют своему назначению, а что деления лимба и нониуса были неудачны (прим. Ф.Ф. Врангеля).

²¹ Нониус (верньер) – вспомогательная шкала, при помощи которой отсчитывают доли делений основной шкалы измерительного прибора.

²² Там же. С. 50–52.

Далее Врангель отмечал, что опыты показали: даже малоопытный наблюдатель может определять расстояние его дальномером с высокой точностью²³.

Врангель отметил и главные недостатки своих дальномеров. Первым из них он назвал то, что базисная труба сделана из железа, и потому ее нежелательно ставить вблизи компаса. Чтобы устранить этот недостаток, Врангель собирался впоследствии базисную трубу сделать из меди.

Другим недостатком было неудобство определения и поверки постоянства точки нуля.

Наконец, Врангель считал, что следует увеличить оптическую силу прибора, от чего главным образом и зависит точность наблюдений²⁴.

Далее Врангель перешел к **угломерам**. Он отметил, что из опытов известно следующее: для здорового нормального глаза, при нормальном освещении предмета, предел возможной точности восприятия составляет около 1'. Врангель указал, что если принять это число за норму, то для того, чтобы измерить угол с точностью 10'', следует увеличить видимое угловое расстояние между точками предмета в шесть раз, т.е., использовать зрительную трубку с окуляром, имеющим шестикратное увеличение.

Далее Врангель дал характеристики каждому из трех типов наиболее употребляемых инструментов для измерения малых земных углов: диоптрам с раздвижными нитями, трубам с раздвижным объективом (или окуляром) и отражательным инструментам (наиболее популярными из которых были секстан и призматический круг)²⁵.

Испытания инструмента Репсольда

Только в мае 1884 г. Ученое отделение Морского технического комитета решило приобрести у капитан-лейтенанта Ф.Ф. Врангеля инструменты “для измерения весьма малых углов”, изготовленные гамбургским механиком Репсольдом, за 449 руб. 50 коп. Управляющий Морским министерством утвердил это решение.

Затем предполагалось передать его (вместе с новым окуляром) на суда Учебно-артиллерийского отряда “для сравнительного испытания с микрометром Люжолья”²⁶.

²³ Там же. С. 52, 53.

²⁴ Там же. С. 56.

²⁵ Там же. С. 34–40.

²⁶ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 5570. Л. 35–35 об.

Такие испытания состоялись тем же летом. Их проводил преподаватель Артиллерийского офицерского класса лейтенант Куприянов 3-й. В своем отчете Куприянов остановился как на положительных, так и на отрицательных качествах “угломера с разрезным объективом работы Репсольда”. По результатам двухмесячных испытаний было констатировано, что прибор Репсольда отличается хорошими оптическими качествами и аккуратным исполнением деталей. Погрешность индекса менялась незначительно – от 70'' до 88'', хотя прибор многократно поднимали на марс (это не обходилось без толчков), а его полуобъективы часто протирали после артиллерийской стрельбы. Куприянов отметил, что все это указывает на “прочность прибора”, которой не отличались прежние отражательные угломеры Врангеля.

В то же время Куприянов указывал, что вновь сделанный окуляр с меньшим увеличением не устранил недостаток прибора, который был замечен еще в 1880 г. Он (недостаток) состоял в том, что “у непривычного наблюдателя бледнеет и даже совсем исчезает то одно, то другое изображение” и потому требуется определенная сноровка (“два-три дня практики”) для того, чтобы смотреть в окуляр так, чтобы оба изображения были одинаково яркими²⁷.

В конце своего отчета Куприянов поместил таблицу с результатами сравнения инструмента, который испытывали, с “большим кругом Пистора и Мартинса”²⁸.

В начале 1885 г. председатель Артиллерийского отделения Морского технического комитета генерал-лейтенант Ф.В. Пестич направил начальникам отрядов судов Тихого океана и Средиземного моря по 10 экземпляров таблиц капитан-лейтенанта Врангеля и лейтенанта Куприянова для определения расстояний. При этом Пестич разъяснял, что “таблицы эти следует употреблять не только при дальномерам Врангеля и микрометрам Люжоля, но и при обыкновенном судовом секстане”²⁹.

В том же году Пестич направил Главному командиру Кронштадтского порта просьбу передать два угломера Врангеля из Учебно-артиллерийского отряда на суда Практической эскадры Балтийского флота³⁰.

Эти данные свидетельствуют о том, что дальномеры конструкции Ф.Ф. Врангеля нашли практическое применение на кораблях Русского флота.

---

²⁷ РГА ВМФ. Ф. 421. Оп. 2. Д. 446. Л. 1–4.

²⁸ Там же. Л. 4.

²⁹ Там же. Л. 5, 5 об.

³⁰ Там же. Л. 21, 21 об.

Место службы – Михайловский дворец

У младшего сына императора Павла I, великого князя Михаила Павловича (1798–1849), от брака с великой княгиней Еленой Павловной (1806–1873) было пять дочерей. Но лишь одна из них, Екатерина (1827–1894), прожила достаточно долго.

В 1851 г. великая княгиня Екатерина Михайловна вышла замуж за герцога Георга-Августа-Эрнеста-Адольфа-Карла-Людвига (Георгия Георгиевича) Мекленбург-Стрелицкого (1824–1876), зачисленного на российскую службу (но сохранившего статус иностранного принца и члена владетельного дома).

Супруги поселились в Михайловском дворце, где жили родители великой княгини. В течение 12 лет у великокняжеской четы родилось 5 детей, но двое из них умерли в младенчестве. Последнего ребенка супруги назвали Михаилом.

Помимо воспитания детей, великая княгиня много времени уделяла благотворительности, устраивала музыкальные вечера и концерты (она являлась председателем Императорского русского музыкального общества, учрежденного по инициативе ее матери).

В 1876 г. великая княгиня овдовела. Ее муж, генерал от артиллерии, генерал-адъютант, скончался от болезни почек на 52-м году жизни.

Старшие дети герцога были уже достаточно взрослыми. Младшему, Михаилу, было всего 13 лет. Он воспитывался в семье, был красивым, любознательным мальчиком, имел способности к музыке и языкам.

Когда Михаилу исполнилось 16 лет, для него потребовался не просто очередной воспитатель, а человек и высокообразованный, и опытный. Им стал капитан-лейтенант Фердинанд Врангель. Приказ о его назначении воспитателем к младшему сыну “Ея Императорского Высочества Великой Княгини Екатерины Михайловны, герцогу Карлу Михаилу Мекленбург-Стрелицкому” был подписан 11 сентября 1879 г.¹

¹ РГИА. Ф. 759. Оп. 75. Д. 353. Л. 4 об.

Подробности воспитательной деятельности Врангеля в Михайловском дворце, которой он занимался в течение четырех лет, неизвестны. В петербургских архивах удалось разыскать лишь один документ, свидетельствующий о пребывании Врангеля в семье Мекленбург-Стрелицких. Он связан с коронацией императора Александра III, которая происходила в Москве. Врангель находился в “белокаменной” в составе Двора великой княгини Екатерины Михайловны. Обряд Священного коронования Их Величеств состоялся в воскресенье, 15 мая 1883 г., в Успенском соборе Московского Кремля.

Осенью 1883 г. император Александр III подписал Указ об учреждении “в память Священного коронования тёмно-бронзовой медали для ношения на груди на Александровской ленте”. Этой медалью награждались не только царские сановники и другие высокопоставленные чины, но и чины Министерства императорского двора, бывшей Коронационной комиссии, а также придворные служители, которые участвовали “в каких-либо действиях по устройству и обеспечению порядка при торжествах Коронации”².

16 января 1884 г. список лиц, находившихся в Москве при великой княгине Екатерине Михайловне и ее детях “во время Священного Коронования”, был представлен в канцелярию императорского двора³. В том же году капитан-лейтенанту Ф.Ф. Врангелю была пожалована темно-бронзовая медаль на Александровской ленте.

Летом 1883 г. Михаилу Мекленбург-Стрелицкому исполнилось 20 лет, и воспитательная миссия Врангеля в Михайловском дворце подошла к завершению. Надо полагать, что его усилия по воспитанию принца оказали известное влияние на формирование личности Михаила. Кроме того, воспитательная деятельность Врангеля не осталась незамеченной и “сильными мира сего”: 15 мая 1883 г. он был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени.

Вскоре оказался востребованным и накопленный Врангелем педагогический опыт: он был назначен инспектором воспитанников Императорского Александровского лицея с 6 августа 1883 г. “с зачислением по Флоту”⁴. Несомненно, это назначение состоялось при участии великой княгини Екатерины Михайловны, хорошо знавшей директора лицея Н.Н. Гартмана.

---

² РГИА. Ф. 472. Оп. 413/1933. Д. 103. Л. 1–1 об.

³ Там же. Л. 141, 144.

⁴ РГИА. Ф. 759. Оп. 75. Д. 353. Л. 4 об.

Что касается Михаила Мекленбург-Стрелицкого, то он в дальнейшем окончил Страсбургский университет и посвятил себя военной карьере. В 1904 г. Михаил Георгиевич стал командиром 1-й артиллерийской бригады, затем 1-го артиллерийского корпуса, был произведен в чин генерал-майора. С 1911 г. М.Г. Мекленбург-Стрелицкий состоял в распоряжении военного министра. Однако российское подданство он получил только 25 июля 1914 г.

Генерал Мекленбург-Стрелицкий был тонким ценителем искусства, собирал художественные редкости, в том числе документные, связанные с историей русской и мировой музыкальной культуры, неоднократно участвовал в художественных выставках.

Михаил Георгиевич был холост и после смерти брата Георгия (1909 г.) заботился о его вдове – графине Н.Ф. Карловой и ее детях. В 1919 г. все они покинули Россию и поселились в замке Мекленбург-Стрелицких в Ремплине, между городами Тетеров и Мальхин (Германия). В сентябре 1928 г. Михаил Георгиевич усыновил племянника, 30-летнего графа Георгия Карлова, передав ему свой титул. В 1934 г. М.Г. Мекленбург-Стрелицкий скончался и был похоронен в Ремплине.

В 1940 г. замок был подожжен нацистами, считавшими Мекленбург-Стрелицких русскими, и сгорел со всеми коллекциями этого знатного рода⁵.

---

⁵ Попова Г.А. Особняк графини Карловой... С. 31, 44, 53, 54, 73, 74, 108, 113, 123.

Инспектор воспитанников Императорского Александровского лицея

Новое назначение

Торжественное открытие Лицея, получившего наименование Царскосельский, состоялось 19 октября 1811 г. в Царском Селе. Его первыми воспитанниками были А.С. Пушкин, А.М. Горчаков, А.А. Дельвиг, Ф.Ф. Матюшкин, М.А. Корф.

В 1844 г., в связи с увеличением числа воспитанников, Лицей был переведен в Петербург, в здание Александринского сиротского дома на Каменноостровском проспекте и переименован в Александровский. В 1877 г., по инициативе директора Лицея Н.Н. Гартмана, была внедрена система 6-классного обучения с продолжительностью обучения в каждом классе в течение года (вместо полутора лет при 4-классном обучении). В 1882 г. стараниями Н.Н. Гартмана был учрежден приготовительный класс¹.

Служба в Императорском Александровском лицее, несомненно, весьма отдалила Врангеля от моря, от исследовательской деятельности. Но в то же время она была весьма престижной. Обдумав все “за” и “против”, Врангель изъявил согласие на новое назначение. 18 августа 1883 г. был подписан приказ по морскому ведомству № 11 о новом назначении капитан-лейтенанта барона Ф.Ф. Врангеля².

Высочайший приказ по ведомству учреждений императрицы Марии № 91 о назначении Врангеля инспектором воспитанников Лицея с 6 августа 1883 г., с зачислением по флоту, был подписан только 27 августа³.

Александровский лицей в конце XIX века

Территория Лицея занимала 5 десятин и “выходила” на три улицы. На 1-м этаже здания Лицея находились квартиры директора и инспектора воспитанников, а также “профессорская”.

---

¹ Столетний юбилей ИА, бывшего Царскосельского, лицея. Октябрь 1911 г.–январь 1912 г. / Сост. А.А. Рубец. СПб., 1912. С. 57–59.

² Правительственный вестник. 23 августа 1883 г., № 186.

³ РГИА. Ф. 759. Оп. 75. Д. 353. Л. 4 об.

На 2-м этаже располагались I и II классы и Пушкинский зал. В “боковых” частях 3-го этажа помещались III и IV классы, физический кабинет, а посередине – церковь. V и VI классы находились на 4-м этаже. Прислуга занимала подвальное помещение.

Посередине каждого классного помещения находился коридор, по лицевой стороне которого размещались аудитория и рекреационный зал, по другой – спальная, умывальная, гардеробная и курительная (на старшем курсе) комнаты и “ватерклозет”.

К главному зданию сзади, перпендикулярно, примыкал 2-этажный дом с жилым подвалом. Большую часть 1-го этажа занимал лазарет, меньшую – библиотека и кабинет инспектора классов.

Второй этаж занимал большой столовый зал, игравший в торжественных случаях роль актового зала. Этот зал был смежным с Пушкинским залом.

Приготовительный класс Лицея занимал отдельное двухэтажное здание, выходящее фасадом на Большую Монетную улицу. Сырой, душный и тесный подвал этого здания занимали служащие в Лицее. На 1-м этаже находилась квартира главного воспитателя, столовый зал (он же и гимнастический). На 2-м этаже были рекреационный зал и три классных комнаты.

В здании приготовительного класса был и свой лазарет.

Все помещения Лицея отапливались печами и освещались керосиновыми лампами.

Обязанности и контингент

Обязанности инспектора в Лицее, в соответствии с “Высочайшим повелением” от 17 декабря 1866 г., были разделены следующим образом. Учебной частью заведовал инспектор классов, назначавшийся из профессоров Лицея, с дополнительным вознаграждением в размере 1500 руб. в год. Помощником директора по административной и хозяйственной частям являлся инспектор воспитанников. Ему полагалось жалованье в размере 1500 руб., столовые деньги – 750 руб., разъездные – 450 руб. (всего – 2700 руб. в год) и квартира “в натуре” (по должности воспитателя герцога М.Г. Мекленбург-Стрелицкого капитан-лейтенант Ф.Ф. Врангель получал из сумм Двора великой княгини содержание в размере 4000 руб. в год⁴). При этом оба инспектора по должности являлись непременными членами Совета Лицея, а инспектор воспитанников, кроме того, являлся и членом Хозяйственного правления Лицея⁵.

⁴ ЦГИА СПб.Ф. 11. Оп. 1. Д. 3528. Л. 49.

⁵ Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1886 год. СПб., 1886. С. 36.

Уже в августе 1883 г. Врангель приступил к исполнению новых обязанностей и вскоре подробно познакомился как с “заведованием”, так и с “личным составом”.

По штату численность воспитанников Лицея составляла 180 человек (фактически – меньше), обучавшихся в I–VI классах. В приготовительном классе обучалось более 30 человек. VI, V и IV классы составляли младший (гимназический) курс, III, II и I классы – старший (университетский) курс Лицея.

Часть воспитанников (50 человек) обучалась за счет казны (“казеннокоштные”), другие (всего 5 человек) освобождались от платы за обучение (“неплатящие”), за обучение остальных платили родители или опекуны (“своекоштные”)⁶.

Лицейисты носили форменное обмундирование. Воспитанники I (выпускного) класса носили шпагу.

Возрастной диапазон воспитанников составлял от 11 до 23 лет и требовал, естественно, разных методов в процессе воспитательной работы. Таким образом, “хозяйство” Врангелю досталось хлопотное.

В подчинении у Врангеля находились классные (из числа преподавателей) и дежурные воспитатели. В приготовительном классе был главный воспитатель – статский советник А.Э. Лемм. Для решения вопросов, связанных с разбором дисциплинарных проступков, созывалась воспитательская конференция под председательством директора Лицея.

Вместе с воспитанниками Врангелю нередко приходилось принимать участие в различных мероприятиях. Так, 28 апреля 1889 г. Врангель с лицейстами участвовал в похоронной процессии графа Д.А. Толстого, министра внутренних дел, шефа жандармов и президента Петербургской Академии наук⁷.

Следует отметить, что после первого года службы в Лицее Врангель получил и небольшую педагогическую нагрузку. 1 сентября 1884 г. Совет Лицея назначил его преподавателем космографии, “с оставлением в должности инспектора”⁸. У Врангеля был один урок в неделю в IV классе Лицея⁹.

---

⁶ Там же. С. 20.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3528. Л. 104.

⁸ РГИА. Ф. 759. Оп. 75. Д. 353. Л. 5а.

⁹ Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1886 год. СПб., 1886. С. 22–23, 30.

Педагогические принципы Врангеля

Полностью войдя в курс дел в течение первого года службы в Лицее, Врангель решил откорректировать инструкцию для дежурных воспитателей, состоявшую из 100 параграфов¹⁰, и внес некоторые изменения в нее. В частности, в учебные дни должны были следить за поведением лицеистов три дежурных воспитателя (вместо пяти), а в воскресные дни – один воспитатель (вместо двух). Изменения коснулись и распорядка дня воспитанников. В итоге инструкция “похудела” на 17 параграфов (4 страницы)¹¹.

Несколько позже Врангель пришел к выводу о том, что воспитатели по-разному относятся к воспитанникам, нередко подходя слишком формально к исполнению обязанностей. В связи с этим он постарался изложить свое видение педагогических принципов и приемов в “Объяснительной записке к инструкции господам воспитателям Императорского Александровского лицея”, отпечатанной по решению Совета Лицея.

Врангель считал, что педагогические задачи воспитателей Лицея, как закрытого учебного заведения, усложняются тем, что “невозможно обращаться одинаково с мальчиками, сидящими на школьной скамье, и с юношами, кончающими университетский курс”. Конечно, внешнее отличие воспитанников старшего курса от младшего курса существовало: более позднее “отхождение ко сну”, более позднее возвращение из отпуска (увольнения), разрешение курить табак. Однако Врангель полагал, что целесообразно установить принципиальное различие в отношении к старшим и младшим лицеистам, которое бы подготовило “переход от полной зависимости воспитанника младшего курса к полной самостоятельности молодого человека, окончившего курс Лицея”¹².

Эту разницу Врангель видел в следующем. Воспитанники младшего курса, по его мнению, должны находиться под постоянным надзором воспитателя. Старшие лицеисты тяготеют слишком плотной опекой, которая, по мысли Врангеля, “отражается вредно на развитии их характера, не давая достаточного простора инициативе и чувству ответственности за свои действия”¹³. Поэтому систему предупредительных мер, пригодную на младшем курсе, Врангель считал неприемлемой для старшего курса.

---

¹⁰ [Никольский В.] Инструкция дежурным воспитателям Императорского Александровского лицея. СПб., 1879.

¹¹ [Врангель Ф.] Инструкция дежурным воспитателям Императорского Александровского лицея. СПб., 1884.

¹² Там же. С. 1, 2.

¹³ Там же. С. 2.

“Наша задача состоит в том, чтобы подготовить молодых людей к жизни, то есть развить их силу воли и укрепить их нравственные понятия настолько, чтобы они избегали дурных поступков, несмотря на возможность их совершения. Этой цели мы вполне достигнуть не можем, но стремиться к ней должны и сообразно с этим создать условия для развития воли и характера”, – отмечал Врангель¹⁴.

Фердинанд Фердинандович считал, что воспитаннику старшего курса должны быть определены рамки, в пределах которых ему предоставляется столько свободы, сколько совместимо с общими требованиями порядка и приличий. Поэтому воспитатель старшего курса должен был, по мнению Врангеля, следить за соблюдением этих правил и в случае их нарушений использовать свою власть или сообщать инспектору. При этом требования, касающиеся внешнего вида старших лицейстов, должны быть “малочисленны, определены и неизменны”.

Врангель разделял воспитание на внешнее и внутреннее (нравственное).

Основными требованиями внешнего воспитания он считал следующее.

1. Безусловно строгое соблюдение определенных часов дневного распорядка. Это имеет прямое педагогическое значение, так как приучает молодых людей к “известному усилию воли”. Воспитатель должен, по мнению Врангеля, сообщать ему имена опоздавших из отпуска, не пришедших по звонку в класс и не вставших вовремя (утром). При этом Врангель отмечал, что воспитатель старшего курса не должен лично будить воспитанников и не несет ответственности за их “неисправность”, а только обязан проверить их.

2. Неизменно вежливое и почтительное обращение со старшими. Эта привычка, как справедливо отмечал Врангель, характеризует “благовоспитанность человека”. Большинство воспитанников эту благовоспитанность приобрели еще в семье. Однако, если в ком-либо время от времени проявляется “поползновение к дерзости или непослушанию”, то такого лицейста при первом же случае следует, по мнению Врангеля, подвергнуть строгому наказанию¹⁵.

Далее Врангель подробно остановился на методике применения взысканий. Он считал, что наказания не должны накладываться слишком часто, поскольку к ним привыкают. Однако вся-

---

¹⁴ Там же. С. 3.

¹⁵ Там же. С. 3–4.

кое наказание, по его мнению, должно быть настолько чувствительным, чтобы воспитанники его боялись. Врангель считал, что взыскания за одинаковый проступок следует накладывать дифференцированно, так как “для иного воспитанника словесное замечание более чувствительно, чем для другого неделя карцера”. Поэтому воспитатель должен соразмерять меру наказания с данным проступком и с данной личностью. Врангель считал, что воспитатель при этом не должен бояться нареканий в несправедливости, руководствуясь лишь “чувством любви ко всем воспитанникам и сердечным участием к личности каждого из них”. Такой подход, по мнению Врангеля, менее удобен, чем “кажущаяся справедливость безразличного формализма”, который не должен практиковаться в закрытом учебном заведении, где воспитатель должен знать каждого воспитанника, считал Врангель¹⁶.

Задачу нравственного воспитания Врангель считал более трудной, поскольку “деятельность даже самого искусного педагога весьма часто оказывается бессильною побороть недостатки природного характера и загладить ошибки предшествовавшего воспитания”. Врангель считал, что регламентировать эту деятельность педагогического дела невозможно, но все-таки посчитал нелишним высказать несколько соображений. По его мнению, первым и основным свойством благородного человека являются правдивость и честность. Поэтому Врангель считал, что все усилия педагогов и воспитателей Лицея должны быть направлены на искоренение у воспитанников лжи и обмана развитием чувства чести и собственного достоинства.

Он считал, что все усилия воспитателей должны быть направлены на то, чтобы изжить из нравственного кодекса лицеистов правило “начальству лгать не совестно”, поскольку многолетняя привычка достигать своих личных целей посредством лжи, допускаемой общественным мнением товарищей, притупляет у воспитанников чувство справедливости.

По мнению Врангеля, именно общественное мнение товарищей и корпоративное понятие о нравственности составляют один из важнейших воспитательных факторов в закрытом учебном заведении, которые могут постепенно меняться, но имеют в каждом заведении свой, исторически сложившийся характер. Те понятия, которые отрицательно влияют на нравственность воспитанников, следует, по мере возможности, исправлять. Однако Врангель предостерегал, что “не следует побуждать отдельных

---

¹⁶ Там же. С. 4, 5.

личностей к тому, чтобы они содействовали наперекор установившимся понятиям товарищества”¹⁷.

Далее Врангель остановился на взаимоотношениях лицеистов старших и младших классов и роли воспитателей в конфликтных ситуациях между учащимися. Он считал, что воспитатель должен избегать вмешательства во взаимоотношения лицеистов, так как молодые люди должны приучаться решать свои проблемы без постороннего вмешательства. Причем, даже в случаях, когда сильные притесняли слабых, Врангель считал необходимым избегать наказания, а стараться использовать нравственное воздействие на притеснителей. Он усматривал главную беду не в том, что слабый перенес физическое страдание, а в том, что сильный злоупотребил своим физическим превосходством¹⁸.

Врангель не без оснований полагал, что во взаимоотношениях между собой старшие классы должны иметь несомненное преимущество по отношению к младшим. При этом если воспитанник старшего класса заслужил нарекания, то его следовало высказать ему наедине. Если же лицеист старшего курса, особенно I класса, жаловался на дерзкое поведение воспитанника младших классов, то в такой ситуации вмешательство воспитателя в пользу авторитета старших Врангель считал вполне уместным, хотя и отмечал, что обычно обе стороны бывают не правы.

Особое внимание Врангель уделил характеристике лицеистов выпускного класса. Он справедливо отмечал, что с одной стороны в воспитанниках I класса “как бы сводится итог всей педагогической работы училища”, с другой – через их посредство легче всего можно влиять на “дух заведения”. Поскольку выпускники по степени умственного развития стоят ближе других к воспитательскому персоналу, то они быстрее могут проникнуться его взглядами и стремлениями. В то же время товарищеские отношения и близкое знакомство с бытом младших классов позволяют им влиять на других воспитанников нередко более, чем это делают непосредственно воспитатели.

Врангель отметил далее, что во всех известных ему “интернатах Европы” и кадетских корпусах России эта особенность старшекурсников используется для педагогических целей (часть надзора за младшими возлагается на старших воспитанников). Такая же система существовала ранее и в Императорском Александровском лицее, но была отменена по распоряжению начальства “вследствие значительных злоупотреблений со стороны I-го

---

¹⁷ Там же. С. 6.

¹⁸ Там же. С. 7.

класса”. Более того, было ограничено общение между старшими и младшими воспитанниками. Врангель писал, что с разрешения директора Лицея в настоящее время эти ограничения частично отменены: воспитанникам старших классов не возбраняется “в рекреационное время” посещать, с разрешения воспитателя, младшие классы (несомненно, это было сделано по инициативе Врангеля).

“Личные сношения воспитанников разных классов могут действовать к некоторому оживлению внутренней лицейской жизни и восстановлению нравственной связи между различными классами... С этой же точки зрения я считаю полезным поддерживать всякого рода коллегиальные предприятия лицеев: беседы, чтения, прения, общие игры и т.п.”, – так формулировал свою позицию Врангель¹⁹.

Если же воспитанники старшего курса при этом проявляют ребячество, то никакой беды в этом Врангель не видел, так как считал, что состариться они успеют, а “преждевременная серьезность и благоразумие не суть еще признаки правильного развития”. Он был уверен в том, что “беззаботно проведенная юность” сохраняет молодым людям душевные силы для жизненной борьбы в “период возмужалости и практической общественной деятельности”.

В конце этого параграфа (§ 12) Врангель сформулировал очередной принцип воспитания: *«Вообще заботы и интересы каждого человека должны по возможности соответствовать кругу его деятельности и для ученика (гимназического ли курса или университетского) желательно и полезно, чтобы центр тяжести его интересов лежал бы в его учебных занятиях, в товарищеской и школьной жизни, а не в разных “злобах дня”, с которыми он успеет познакомиться тогда, когда вступит в общество полноправных членов его»*²⁰.

Врангель считал, что молодой человек должен вынести из школы “известный запас знаний, правильно развитый ум и волю, выработанную на привычке исполнять свои ежедневные обязанности”. Он справедливо отмечал также, что чем отраднее и богаче воспоминания, которые остаются у выпускника Лицея, тем “свежее и светлее” будет его отношение к жизни. Он считал необходимым поддерживать в воспитанниках привязанность к Лицею и корпоративный дух среди выпускников (*esprit de corps*).

---

¹⁹ Там же. С. 9.

²⁰ Там же.

В заключение своей записки Врангель остановился на проблеме сохранения лицейских традиций. Он считал, что даже если эти традиции иногда выражаются в “пустых внешностях”, они придают свой “оживляющий колорит заведению”, а также развивают в воспитанниках привычку уважать обычаи и обряды и не нарушать их по “личному произволу”. Такая “умственная привычка”, перенесенная в сферу общественной жизни, по убеждению Врангеля, “порождает тот здоровый консерватизм, который стремится к возможному сохранению внешних форм учреждений, изменяя лишь дух их, сообразно с потребностями времени”²¹.

Таковы были педагогические принципы Врангеля, которые он хотел внедрить в сознание своих коллег, занимавшихся сложным делом воспитания молодых людей, которым предстояло в будущем занять весьма значительные посты в системе государственной власти царской России. Воспитательскую концепцию Врангеля можно охарактеризовать в двух словах как “просвещенный консерватизм”, имеющий ясно выраженную “охранительную” (эволюционную, а не революционную) позицию.

Практическая деятельность Врангеля

Практические дела Врангеля не расходились с принципами, изложенными в записке для воспитателей. Подтверждение этому можно найти в книге, выпущенной по инициативе и материалам воспитанников XL курса Лицея (1884 г.) по случаю 25-летия выпуска:

«За год с небольшим до разъезда нашего из Лицея, то есть в бытность XL курса во 2-м классе, назначен был инспектором воспитанников барон Фердинанд Фердинандович Врангель. К этому времени характеры наши уже определились, положение курса, как отпетого – тоже. Казалось, совершенно бесследно должно было пройти для нас это новое лицо. Между тем, за один год Фердинанд Фердинандович приобрел наши горячие симпатии. К опальному курсу он отнесся доверчиво, без предвзятой мысли; был настоящим бароном. “Благородным Фердинандом” звали мы его не в насмешку. Его помощи обязан курс тем, что удалось устроить читальню для старших классов, что наладилась литературно-музыкальные вечера, что стали издаваться ученические журналы. В одном из них появлялись статьи, солидно и метко, но корректно полемизировавшие с

---

²¹ Там же. С. 10.

увлечением одного юного ювенала. Позднее узнали, что эти статьи принадлежали барону.

Время это полушутя называли эпохой “благих начинаний”. Таким оно и было. Нужды нет, что одну из сооруженных по подписке эстрад впоследствии сожгли в камине, что после одного из вечеров на том месте, откуда слышались речи и стихотворения на художественные и гражданские темы, исполнен был с одушевлением и выдающимся успехом французский национальный танец, что не мало было неудач и разочарований – все же много хорошего было сделано, и чрез 25 лет отрадно вспоминать о первых шагах барона Ф.Ф. Врангеля в Лицее»²².

Следует отметить, что педагогические способности и организаторский талант Врангеля директор Лицея Н.Н. Гартман оценил довольно быстро и не хотел расставаться с ним. Это видно из следующего случая.

Через год службы в должности инспектора воспитанников Лицея начальник Морского училища контр-адмирал Д.С. Арсеньев предложил Врангелю место инспектора классов. Предложение было заманчивым не только потому, что Морское училище было тем учебным заведением, которое Врангель окончил около четверти века назад, но и потому, что инспектор классов училища имел большее содержание (должностной оклад составлял 1500 руб., столовые деньги – 2000 руб. в год). Об этом предложении Врангель доложил Н.Н. Гартману, отметив, что он не хотел бы покидать Лицей, однако из-за большего содержания инспектора классов Морского училища и имевшей место дороговизне, которая не позволяла достойно жить на средства, получаемые по должности инспектора воспитанников Лицея, Врангель готов был принять предложение Арсеньева.

Однако Н.Н. Гартман посчитал “весьма важным” удержать Врангеля на службе в Лицее. В октябре 1884 г. он обратился в Главное управление ведомства учреждений императрицы Марии с просьбой выплачивать Врангелю по 650 руб. в год прибавочного содержания из остаточных сумм, “для уравнивания с содержанием предлагаемого места в Морском училище”.

Не сразу, но все же этот вопрос был решен положительно, и Врангель получал дополнительное вознаграждение в течение 1885–1890 годов²³.

---

²² Императорский Александровский лицей. XI курс. 1884–1909. СПб., 1909. С. 36.

²³ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3528. Л. 152–162.

Врангель о реформе Императорского Александровского лицея

Практически одновременно с составлением объяснительной записки воспитателям Врангель подготовил и другую записку (она датирована 24 января 1885 г.) – об особенностях Лицея как учебного заведения, в том числе и в воспитательном отношении. Поводом послужили предполагавшиеся в Лицее реформы (в частности, переходом его из Ведомства учреждений императрицы Марии в Министерство народного просвещения).

Врангель отметил следующие особенности Лицея, составляющие “драгоценное достояние его славного прошлого и верный залог его будущего процветания”: нахождение под непосредственным покровительством императора (Врангель считал это самой важной привилегией); управление посредством Совета и под руководством попечителя; наличие статуса закрытого учебного заведения, доступного лишь для сыновей лиц с “известным общественным положением” и происхождением; соединение в курсе Лицея старших классов общеобразовательного (гимназического) курса с трехгодичным высшим (университетским) курсом.

Врангель считал необходимым сохранить эти особенности Лицея, который в этом случае “не перестанет выполнять своей особой, выдающейся роли в общей системе высшего образования государственных деятелей”²⁴.

Главным недостатком гимназий и университетов России Врангель считал не недостаток знаний, приобретаемых молодыми людьми, а отсутствие какого-либо “воспитательного влияния”. Врангель отметил, что за границей (во Франции, Англии и Америке) многие лучшие учебные заведения имеют характер интернатов (колледжей) с соответствующей системой воспитания или студенческие корпорации (в Германии и Скандинавии), в которых “воспитывают студентов в известных понятиях чести и порядочности и в искусстве жить и обращаться с людьми”. В то же время в российских университетах, по мнению Врангеля, не существовало организации, оказывающей воспитательное значение. Он констатировал, что *“молодые люди предоставляются в самую критическую пору своей жизни на произвол судьбы, вступая в хаотическую массу студенчества, которое не имеет ни определенных традиций, ни установившихся нравственных воззрений, ни каких-либо форм проявления товарищества,*

---

²⁴ Врангель Ф. О реформе Императорского Александровского лицея. СПб., 1885. С. 1–2.

налагающего на юношей известные нравственные требования и стеснения”. Врангель считал, что в этих требованиях и стеснениях, “обуздывающих проявление своеволия,” и состоит сущность воспитания²⁵.

В связи с этим Врангель считал крайне необходимым по возможности укрепить такое учебное заведение как Лицей, имеющий не только “выработанный опытом воспитательный аппарат”, но и “педагогическую силу, которую создать нельзя и влияние которой может быть неопределимо” – “обаяние имени Лицея”.

“Юноша, любящий Лицей и дорожающий его славою, не может быть заражён нигилизмом, суть которого и состоит в отрицании всяких традиций”, – считал Врангель²⁶.

Далее Врангель остановился на возрасте воспитанников и традициях товарищества. Он считал, что в Лицей должны поступать юноши в возрасте от 13 до 16 лет. *“Это тот именно возраст, в котором зарождаются самые крепкие узы товарищества и дружбы, такие узы, которых не в состоянии расторгнуть ни время, ни различие взглядов и понятий”*, – писал Врангель²⁷.

Далее Врангель весьма деликатно подчеркнул необходимость принадлежности воспитанников Лицея к одному и тому же общественному слою, т.е., потомственному дворянству. Он писал, что *“право поступления в число воспитанников такого заведения не может быть поставлено в зависимость **единственно** от научной подготовки и умственного развития, но должно быть обусловлено также и принадлежностью к известному, более или менее однородному слою общества. Эта однородность всегда существовала в Лицее и должна быть сохранена”*²⁸.

Предполагая, что в случае перехода из Ведомства учреждений императрицы Марии в Министерство народного просвещения Лицей утратит присущую ему самобытность и элитарность, Врангель отметил: *“Учебное заведение, не подходящее к типу огромного большинства образовательных заведений России, не может быть управляемо на основании общих правил”*²⁹.

В заключение Врангель констатировал, что сохранение особенностей Лицея, которые он перечислил, не могут служить препятствием для тех реформ, в которых Лицей “бесспорно нуждается”.

²⁵ Там же. С. 3.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 3, 4.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

Записка Врангеля была опубликована по распоряжению директора Лицея. Нам неизвестно, в какой степени она повлияла на планы реформирования Лицея. Однако Лицей и далее оставался в составе Ведомства учреждений императрицы Марии.

Врангель о комплекте воспитанников

Будучи человеком военным и потому стремясь в каждом деле установить определенный порядок, Врангель на заседании Совета 13 декабря 1890 г. предложил, “ввиду постоянно возрастающего количества лиц, поступающих в Лицей”, установить комплект воспитанников в каждом классе. Мотивы этого предложения и необходимые расчеты Врангель изложил в специальной записке “Об определении комплекта воспитанников в VI, V, IV и III классах Лицея и в подготовительном классе”³⁰.

Врангель предложил установить следующий комплект воспитанников:

- в каждом отделении подготовительного класса – по 25 чел.;
- в VI, V и IV классах – по 30 чел.;
- в III классе – 35 чел.

Кроме того, все экзамены для поступления в III класс Врангель предложил производить осенью, чтобы была возможность для поступления кандидатам, имеющим аттестаты зрелости, полученные в гимназиях. Выпускники гимназий, по его мысли, должны сдавать экзамены по русскому языку, истории и иностранному языку (французскому, английскому и немецкому). Остальных кандидатов следовало экзаменовывать по всем предметам младшего курса Лицея³¹.

В представленном на этом же заседании Совета проекте правил для поступления в Императорский Александровский лицей были установлены нормы приема, предложенные Врангелем, за исключением подготовительного класса, в котором Совет определил лимит (“не более 25 воспитанников”) только для старшего отделения. Что касается предложений Врангеля о поступлении в Лицей выпускников гимназий, то п. 19 Правил предусматривал следующее: *“Освобождающееся ежегодно число казенных вакансий делится на две равные части, из коих одна предоставляется отличнейшим ученикам Первой, Второй и Ларинской гимназий, удовлетворяющим общим условиям происхождения (ст. 1), а другая – детям военных генералов и гражданских чинов, не ниже четвертого класса”*. П. 4 Правил приема устана-

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 454. Л. 57–57 об., 63.

³¹ Там же. Л. 64.

вливал, что прием воспитанников в III класс производится в августе. Таким образом, и “гимназические предложения” Врангеля были приняты³².

О мерах по борьбе с прогулами

В начале 1891/1892 учебного года Врангель выступил с новой инициативой. 24 сентября 1891 г. он представил Совету Лицея свои “предположения относительно точного определения степени влияния неисправного посещения лекций воспитанниками старшего курса на получаемые ими отметки за поведение”.

Совет, обсудив “предположения” Врангеля и принимая во внимание, что определенная зависимость отметок за поведение от качества “манкировок” (пропусков. – *В.С.*) должна принести большую пользу, уменьшив количество случаев уклонения воспитанников старшего курса от лекций под предлогом болезни, особенно в период репетиций, принял следующие правила:

1) два раза в год каждому воспитаннику старшего курса выставляется полугодовая отметка за поведение, выводимая как средняя из месячных отметок;

2) для определения прав воспитанников при выпуске из Лицея учитываются только полугодовые отметки за три старших класса;

3) “манкировки”, не превышающие 30 лекций в полугодие, при постановке отметок за поведение в расчет не принимаются;

4) отметки за поведение снижаются: на 1 балл – в случае пропусков от 30 до 60 лекций в полугодие; на 2 балла и т.д. за каждые 30, сверх того, пропущенных лекций;

5) пропуски занятий вследствие “тяжких болезней” или других причин, признанных Советом уважительными, не влекут за собой отрицательных последствий³³.

Таким образом, предложения Врангеля были приняты практически без изменений.

Благотворительная лекция

Летом 1891 г. Россию поразило тяжкое бедствие: от неурожая пострадали 13 губерний, т.е. пространство, на котором проживало около 28 млн человек³⁴.

³² Там же. Л. 58, 60 об.

³³ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 454. Л. 99–100.

³⁴ Раевский М.Н. Неурожай 1891 года в связи с общей характеристикой нашей хлебной производительности, а также вывоза хлебов за границу за предыдущие годы // Известия ИРГО. Т. XXVIII. 1892. Вып. I. С. 2, 6.

В связи с этим бедствием в России были приняты неотложные чрезвычайные меры как правительством, так и общественностью. В частности, по всей стране прошли благотворительные акции, сборы от которых были направлены в качестве помощи пострадавшим от неурожая. Императорский Александровский лицей также не остался в стороне.

8 ноября 1891 г., в 8 часов вечера, в актовом зале Лицея собралось “многочисленное блестящее общество”: профессора, преподаватели, директор Лицея тайный советник Н.Н. Гартман, бывшие питомцы, воспитанники Лицея, их родители и родственники. В 8.30 прибыл попечитель Лицея генерал-лейтенант граф Н.А. Протасов-Бахметев³⁵.

Ф.Ф. Врангель прочитал лекцию “Колебания климата”, в которой познакомил слушателей с главнейшими результатами недавно изданного “замечательного исследования” профессора Бернского университета Эд. Брюкнера “Klima-Schwankunges seit 1700” (“Колебания климата с 1700 года”). При этом Врангель указал, что материалом для книги Брюкнера послужила, в частности, монография М.П. Филиппова “Об изменениях уровня Каспийского моря”, опубликованная в 1890 г. в “Известиях Императорского Русского географического общества”. Кроме того, Врангель отметил важность трудов таких русских метеорологов как А.И. Воейков и М.А. Рыкачев³⁶.

Завершая свою лекцию, Врангель, в частности, отметил следующее: “...не имея возможности **устранить** колебания климата, надо стремиться к тому, чтобы быть по возможности **независимым** от них, надо улучшать и видоизменять культуру таким образом, чтобы неизбежно повторяющиеся засухи не влекли бы за собою разорение многомиллионного населения.

Но этот путь, хотя и неизбежный, и верный, но долгий путь.

В данную же минуту наш долг помочь по мере сил наших этим жертвам колебания климата, нашим несчастным братьям, физический труд которых дает нам возможность наслаждаться искусствами и заниматься наукой. Докажем же на деле, что от этих занятий не черствеет сердце, не глохнет христианское чувство любви к ближнему!”³⁷.

Заключительные слова лектора присутствовавшие в зале встретили продолжительными аплодисментами. Отчет о благо-

---

³⁵ ЦГИА СПб. Ф.11. Оп. 1. Д. 3528. Л. 276.

³⁶ Врангель Ф.Ф. Колебания климата. СПб., 1891. С. 4, 7, 8.

³⁷ Там же. С. 18.

творительной акции Лицея, сбор от которой в пользу пострадавших от неурожая составил около 350 руб., был опубликован в одной из столичных газет³⁸.

В том же году была опубликована брошюра с текстом лекции³⁹.

Взаимоотношения с морским ведомством

В начале 1885 г. Врангель, 10 лет являвшийся капитан-лейтенантом, был произведен в следующий чин – капитана 2 ранга⁴⁰.

Через год, в январе 1886 г. Врангель был приглашен конференцией Николаевской морской академии читать лекции по гидрологии и метеорологии⁴¹. В числе слушателей гидрографического отделения, которым Врангель читал лекции и у которых принимал экзамены, были, в частности, лейтенанты М.Е. Жданко (впоследствии генерал Корпуса гидрографов, начальник Главного гидрографического управления) и Ф.К. Дриженко (впоследствии генерал Корпуса гидрографов, помощник начальника Главного гидрографического управления), а также мичман Б.Б. Голицын (впоследствии академик, один из основоположников сейсмологии)⁴².

Врангель достаточно быстро проявил себя с наилучшей стороны, и уже 20 сентября 1886 г. приказом по морскому ведомству № 108 был назначен членом Конференции академии⁴³.

Ранее, в августе 1886 г., Врангель обратился с рапортом на имя директора Лицея с просьбой ходатайствовать о переименовании в соответствующий гражданский чин, “состоящим по морскому ведомству”. *“Издание... правила о морском цензе лишают меня возможности на дальнейшее производство в морских чинах, а между тем мне дорого было бы воспользоваться Монаршею Милостью и сохранить связь с Морским ведомством, в котором я состою преподавателем и членом конференции Николаевской морской академии”*, – писал Врангель⁴⁴.

Переписка по этому вопросу продолжалась полгода. Наконец, после ходатайства попечителя Лицея статс-секретаря тайного

³⁸ ЦГИА СПб. Ф.11. Оп. 1. Д. 3528. Л. 276.

³⁹ Врангель Ф. Колебания климата. Лекции в Императорском Александровском лицее. СПб., 1891.

⁴⁰ РГИА. Ф. 759. Оп. 75. Д. 353. Л. 5а.

⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3528. Л. 73.

⁴² Там же. Л. 233.

⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3528. Л. 81 об.

⁴⁴ Там же. Л. 79 об.

советника И.Н. Дурново, император Александр III своим указом от 12 марта 1887 г. произвел Врангеля в чин коллежского советника, с оставлением в занимаемой должности и с зачислением по Морскому министерству⁴⁵. Следует отметить, что чин коллежского советника соответствовал флотскому званию “капитан 1 ранга”.

Если период 1886–1887 гг. во взаимоотношениях Врангеля с флотским руководством можно назвать “этапом борьбы за чин”, то последующий полугодовой период вполне заслуживает названия “этап борьбы за орден”.

Желая представить Врангеля к награждению орденом Св. Владимира 3-й степени, Н.Н. Гартман 15 июня 1887 г. обратился в Главный морской штаб с запросом, не встречается ли “препятствий” к награждению. В ответе указывалось, что это награждение невозможно потому, что *“этот чиновник (Врангель. – В.С.) не имеет ни ордена Св. Владимира 4^й степ., ни ордена Св. Анны 2^й степ., а также и потому, что по Морскому ведомству к ордену Св. Владимира 3^й степени представляются только лица, состоящие в чине капитана 1го ранга или полковника, не менее 5 лет, или же в чине статского советника”*⁴⁶.

На аналогичный запрос начальник Николаевской морской академии вице-адмирал Д.С. Арсеньев сообщил, что “препятствий” к награждению не имеет⁴⁷.

9 октября 1887 г. Н.Н. Гартман вторично обратился в Главный морской штаб. На этот раз тон его письма был более строгим. *“...Имея в виду, что ... орден Св. Владимира всех степеней [жалуется] не за военный подвиг, изъимается из общей постепенности орденов и что представление к награде Барона Врангеля орденом Св. Владимира 3^й степени предполагается сделать по ведомству Учреждений Императрицы Марии, где он занимает должность пятого класса, соответствующую чину статского советника.*

*...Не лишним считаю присовокупить, что занимающий в Императорском Александровском лицее равную по разряду должность инспектора классов статский советник Коркунов, служащий одновременно и по Военному ведомству, награжден в 1886 г. орденом Св. Владимира 3^й степени, не имея предварительно ни одного ордена и состоя на государственной службе 16-ю годами меньше Барона Врангеля”, – писал Гартман*⁴⁸.

⁴⁵ Там же. Л. 87–88.

⁴⁶ Там же. Л. 95.

⁴⁷ Там же. Л. 96.

⁴⁸ Там же. Л. 97–98.

17 октября 1887 г. из Адмиралтейства был направлен ответ, из которого следовало, что Главный морской штаб “не желал бы возбуждать препятствий” против награждения Врангеля орденом⁴⁹. 1 января 1888 г. указом императора Александра III барону Врангелю был пожалован орден Св. Владимира 3 степени⁵⁰.

4 октября 1890 г. “Высочайшим повелением” Врангель был произведен в чин статского советника по ведомству учреждений императрицы Марии, со старшинством со дня вступления в должность инспектора воспитанников. При этом он был оставлен “состоящим по Морскому министерству”, чем в морском ведомстве остались недовольны⁵¹.

12 ноября 1891 г. директор Лицея сообщил в Главный морской штаб о том, что предполагает ходатайствовать о “Всемилоостивейшем награждении” Врангеля “за отлично-усердную службу” в Лицее чином действительного статского советника и запрашивал о том, нет ли “препятствия” против этого. На этот раз никаких возражений не последовало⁵².

“Высочайшим приказом” по ведомству императрицы Марии от 1 января 1892 г., № 1, барон Врангель “за отличие” был произведен в действительные статские советники⁵³. Это был чин IV класса, который соответствовал чину контр-адмирала в российском флоте.

---

⁴⁹ Там же. Л. 98 об.

⁵⁰ Там же. Л. 103.

⁵¹ Там же. Л. 111–111 об.

⁵² Там же. Л. 122–123.

⁵³ Там же. Л. 126.

Директор Александровского лицея

Вступая в должность директора...

28 февраля 1892 г. директор Императорского Александровского лицея Н.Н. Гартман скоропостижно скончался. Уже в день смерти Гартмана попечитель лицея граф Н.А. Протасов-Бахметев предписал барону Ф.Ф. Врангелю вступить в исполнение обязанностей директора лицея¹.

На место скончавшегося Н.Н. Гартмана следовало срочно найти преемника. Уже 2 марта 1892 г. император Александр III выразил “словесное одобрение” на назначение барона Врангеля директором Александровского лицея. После переписки Главного управления Собственной Е.И.В. Канцелярии по учреждениям императрицы Марии с морским ведомством, где Врангель одновременно состоял на службе, был подписан императорский указ о назначении Врангеля. Это произошло 21 марта 1892 г.²

Нам неизвестен механизм назначения Врангеля на должность директора Лицея. Возможно, к этому делу “приложила руку” влиятельная великая княгиня Екатерина Михайловна. Не исключено также, что это заслуга графа Протасова-Бахметева.

Очередное заседание Совета Лицея под председательством нового директора состоялось 31 марта 1892 г. В начале заседания Врангель выступил с речью, в которой отметил заслуги покойного Н.Н. Гартмана³. Затем он объявил о том, что новым инспектором воспитанников Лицея назначен действительный статский советник З.Б. Вулих, “известный преподаватель математики”^{4, 5}.

¹ РГИА. Ф. 759. Оп. 75. Д. 353. Л. 1 об.

² Там же.

³ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 454. Л. 116–117.

⁴ З.Б. Вулих (?–1897) преподавал математику детям императора Александра III: великим князьям Георгию Александровичу и Михаилу Александровичу, великим князьям Ксении Александровне и Ольге Александровне, а также великому князю Александру Михайловичу, герцогам Георгию Георгиевичу, Михаилу Георгиевичу и герцогине Елене Георгиевне Мекленбург-Стрелицким [“Наставникам, хранившим юность нашу...”]. Памятная книжка чинов Императорского Александровского (бывшего Царскосельского) лицея, с 1811 по 1911 г. СПб., 1911. С. 248]. Очевидно, в семье Мекленбург-Стрелицких Ф.Ф. Врангель и познакомился с ним.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 454 а. Л. 118.

По предложению Ф.Ф. Врангеля, Совет постановил: ходатайствовать об увеличении платы за годовой час преподавателю математики А.В. Юдину (125 руб. вместо 100 руб.), принимая во внимание его многолетнюю плодотворную деятельность.

Совет также, по предложению директора, решил изменить правила для поступающих в III класс по аттестату зрелости (т.е., выпускников гимназий). Было решено проходные баллы определять из 4-х слагаемых оценок: за “русское сочинение”, за всеобщую историю, за русскую историю, арифметическое среднее из баллов по трем “новым языкам” – французскому, немецкому и английскому (его в гимназиях не преподавали).

Далее Врангель предложил изменить и оценку познания по “новым языкам”. Совет постановил: ставить отметки отдельно за устный и письменный ответ; если обе они удовлетворительны, то брать за окончательный балл среднее арифметическое, “отдавая, во избежание дробей, перевес за письменный ответ”⁶.

На Совете были рассмотрены и другие текущие вопросы, но в целом в повестке заседания доминировали проблемы, поднятые Ф.Ф. Врангелем. Он продемонстрировал коллегам активный, деловой стиль руководства.

Жетон выпускника Лицея

Одним из первых административных дел, которым пришлось заниматься Врангелю на посту директора Императорского Александровского лицея, было учреждение жетона выпускника Лицея.

Первые жетоны для выпускников Лицея были неофициальными. 15 марта 1885 г., в день прощания с Лицеом, XLII курс поднес всем выпускавшимся товарищам старшего, XLI курса, памятные жетоны. Каждый жетон представлял собой серебряную пластинку ромбической формы с усиком. На лицевой стороне в три строки было написано: “XLI / 15 марта / И.А.Л⁷.” На оборотной стороне надпись была в две строки: “XLII / 1885”.

На следующий год, 21 марта 1886 г., воспитанники II класса также преподнесли выпускникам серебряные чеканные жетоны. Затем, до 1894 г., курсовых жетонов не было⁸. Однако это не означало, что идея выпускных жетонов была забыта.

⁶ Там же. Л. 118–119.

⁷ И.А. Л. – аббревиатура названия учебного заведения (Императорский Александровский лицей).

⁸ Памятные жетоны Императорского Александровского лицея. 1911. С. 3–5.

1 мая 1890 г. один из старейших выпускников Лицея, сенатор П.И. Саломон, которого воспитанники старшего класса Лицея избрали в качестве посредника, обратился с письмом к Н.Н. Гартману о необходимости решения “неоднократно возбуждавшегося предположения” об учреждении особого знака для выпускников. В приложенном к письму конверте находилось семь вариантов рисунков выпускного знака. Саломон отмечал, что большинство опрошенных выпускников одобряет рисунок с литером В (лицейский герб с медальоном), однако и он вызывал сомнение тем, что “эмалировка и выделка струн лиры с просветом” потребует весьма тонкой и поэтому не дешёвой работы. П.И. Саломон полагал, что для упрощения и удешевления знака следует в рисунок внести некоторые изменения. Он отмечал также, что знак может быть серебряным с позолотой лицевой стороны. На оборотной стороне медальона должны быть указаны год выпуска, № курса и фамилия выпускника⁹.

По неизвестной нам причине Н.Н. Гартман оставил письмо П.И. Саломона без движения. Однако Врангель, став директором, вновь вернулся к вопросу учреждения знака (жетона) выпускника Императорского Александровского лицея, тем более, что воспитанники I класса представили ему новый проект жетона – лира на подвеске с лентой “для общей пользы” и двумя зелеными лавровыми венками посередине. Уже 2 апреля 1892 г. Врангель направил прошение попечителю Лицея с просьбой “повергнуть жетон этот на Высочайшее Его Императорского Величества благовоззрение”¹⁰. 7 мая 1892 г. Александр III утвердил образец жетона¹¹.

Следует отметить, что в конце XIX в., помимо жетона, появился и нагрудный знак выпускника Лицея. 22 июля 1898 г., когда директором лицея был уже генерал-лейтенант Ф.А. Фельдман, император Николай II утвердил “Описание нагрудного знака для воспитанников, окончивших в Императорском Александровском лицее полный курс наук по первым двум разрядам”¹².

---

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 460 а. Лл. 1–8.

¹⁰ Там же. Л. 9.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 12–12 об.

Совет Лицея

Через год после смерти Н.Н. Гартмана в Лицее случилась новая утрата: скончался заслуженный ординарный профессор, действительный статский советник Ю.Э. Янсон.

Смерть Ю.Э. Янсона повлекла за собой изменения в составе Совета Лицея. По представлению Врангеля новым членом Совета был назначен ординарный профессор, действительный статский советник Н.Л. Дювернуа. Ранее, в декабре 1892 г. инспектор классов Н.М. Коркунов подал Врангелю прошение об освобождении от должности. “Высочайшим приказом” от 14 января 1893 г. Коркунов был уволен от исполнения обязанностей инспектора с оставлением в должности преподавателя Лицея. Исправляющим должность инспектора классов был назначен инспектор воспитанников З.Б. Вулих.

Наконец, в январе 1893 г. отставку попросил и секретарь Совета С.А. Бершадский. Новым секретарем Совета Лицея был назначен Василий Гаврилович Яроцкий, ранее исполнявший обязанности секретаря конференции Военно-юридической Академии¹³.

Таким образом, в начале 1893 г. в состав Совета Лицея входили: Ф.Ф. Врангель (директор), З.Б. Вулих (инспектор классов), ординарные профессора: тайный советник Ф.Ф. Мартенс, действительный статский советник Н.Л. Дювернуа, статский советник Н.Д. Сергеевский, профессор Н.И. Кареев, главный воспитатель приготовительного класса, действительный статский советник А.Э. Лемм и секретарь Совета В.Г. Яроцкий¹⁴. Совет решал самые различные вопросы деятельности Лицея, но основными на его заседаниях были вопросы организации учебного процесса и успеваемости воспитанников.

Об изменении системы репетиций

Еще будучи инспектором воспитанников, Врангель впервые поднял вопрос о необходимости изменения системы репетиций (в современном понимании – зачетов). Однако тогда, в 1889 г., его предложение не было реализовано¹⁵.

---

¹³ Там же. Л. 159.

¹⁴ Там же. Л. 179.

¹⁵ *Яроцкий В.* Исторический очерк учебного и воспитательного дела в Лицее последние двенадцать лет // Памятная книжка Императорского Александровского лицея за 1898/9 учебный год. СПб., 1899. С. 21.

Вступив в должность директора Лицея, Врангель вернулся к этому вопросу. В мае 1892 г. была опубликована его “Записка о преобразовании системы репетиций в старшем курсе Императорского Александровского лицея”.

В этой записке Врангель отметил, что существующая система репетиций, при которой лекции не прекращаются, а классы делятся на несколько смен, каждая из которых готовится по своему предмету, имеет значительные неудобства¹⁶.

Директор Лицея предложил устранить неудобства следующим образом. Он считал целесообразным проводить репетиции два раза в году: осенью – с середины ноября до конца декабря и весной – с середины февраля до середины марта. При этом на репетиции по каждому юридическому и филологическому предмету Врангель считал возможным отводить от 2 до 6 дней и классы не делить на смены. В период проведения репетиций он считал необходимым прекращать лекции по остальным предметам; преподаватель же репетируемого предмета должен был приходиться в класс ежедневно, в удобное для него время, “для ознакомления с пониманием воспитанников и для облегчения их занятий”.

В последний день преподаватель должен проводить репетицию всему классу. Врангель считал, что в период репетиций курс желательно разделить на две равные части.

По мнению директора Лицея, репетиционная оценка должна выставляться с учетом степени усердия и понимания предмета, “обнаруженных во время предшествующих занятий”.

Репетиции по историческим предметам, как считал Врангель, следует проводить в конце репетиционного периода; при этом лекции по ним не прекращаются, за исключением тех дней, на которые назначены репетиции по другим предметам.

По мнению Врангеля, при таком порядке репетиций воспитанники будут иметь достаточно свободного времени для усвоения репетируемого предмета; они будут иметь возможность “указать профессору те отделы, в которых встречаются затруднения”. Для профессора же такие репетиции будут хорошим дополнением к лекционной системе, возможным только в интернате с малочисленным классом¹⁷.

По мнению директора Лицея, предлагаемая им система обеспечит прохождение и разъяснение всего курса в период репети-

---

¹⁶ Врангель Ф. Записка о преобразовании системы репетиций в старшем курсе Императорского Александровского лицея. СПб., 1892. С. 1, 2.

¹⁷ Там же. С. 3.

ций. Лекционное время при этом несколько сократится, однако время, посвящаемое профессурой Лицею, будет использоваться более плодотворно. Врангель предполагал, что после введения в действие предлагаемой системы репетиций появятся “некоторые неудобства”, но считал, что его план несет в себе “задатки успеха”. Основой для этого ему служили 9-летние наблюдения за занятиями лицеистов, которые и привели к убеждению в необходимости изменения существующего порядка репетиций¹⁸.

Свою записку Врангель представил на суд коллегам в октябре 1892 г. Ее содержание вызвало оживленное обсуждение. Первые мнения о предложении директора Лицея были довольно резкими. Однако впоследствии, путем некоторых взаимных уступок, было достигнуто большее единство по вопросу организации и проведения репетиций.

6 апреля 1893 г. Совет принял следующие изменения:

- репетиционные периоды сокращены до минимума таким образом, что промежуток между двумя последними репетициями составлял не более одного дня;

- чтение лекций в репетиционный период прекращено;
- деление на смены сохранено для удобства опросов;
- в виде опыта в III классе по энциклопедии и римскому праву введены предварительные репетиции в начале учебного года (“ради побуждения воспитанников для более раннего изучения предмета”);

- для проведения предварительных репетиций были определены две недели в октябре, во время которых чтение лекций по остальным предметам не прекращалось.

Новые правила проведения репетиций были утверждены печителем Лицея графом Н.А. Протасовым-Бахметевым.

23 ноября и 7 декабря 1893 г. Совет Лицея принял решение об отмене репетиций “второго круга” (весенних) по некоторым предметам, “усвоение которых представляет менее трудностей”.

В 1894 г. в виде опыта были отменены репетиции по ряду предметов: по церковному праву, полицейскому праву и истории философии (I класс); по истории церкви, истории русской литературы и истории западно-европейской литературы (II и III классы).

В связи с тем, что введенные в III классе предварительные репетиции принесли несомненную пользу, на заседании Совета Лицея 29 марта 1894 г. было решено ввести с 1894/1895 учебного года предварительные репетиции во II классе (по политэкономии

---

¹⁸ Там же. С. 4.

и истории русского права) и в III классе (по гражданскому и уголовному праву)¹⁹.

Таким образом, предложение Врангеля об изменении системы репетиций было также внедрено в практику учебного процесса Императорского Александровского лицея.

О преподавании истории в Лицее

На заседании Совета Лицея 16 февраля 1893 г. Врангель поднял вопрос о необходимости введения в IV классе “повторительного курса” всей истории, кроме изучаемого там вновь курса древней истории, с целью “более прочного возобновления его в памяти воспитанников перед переходом их в старший курс лицея”. Трех часов в неделю, отпущенных для преподавания истории в IV классе, по мнению директора Лицея, для повторения пройденного было недостаточно. Нужно было изыскать еще один – дополнительный час. Врангель предложил сократить курс немецкого языка (сделать 3 часа вместо 4-х), так как на преподавание французского и английского языков давалось лишь по три часа в неделю.

Однако инспектор З.Б. Вулих предложил “забрать” 1 час из курса аналитической геометрии (3 часа в неделю), которую он сам и преподавал.

В результате обсуждения Совет признал полезным введение в IV классе “повторительного курса истории” (с производством экзамена при переходе в III класс) с прибавлением 1 часа за счет уроков по аналитической геометрии.

Взявший затем слово профессор Н.И. Кареев²⁰ заявил о неудобстве принятого в Лицее общего плана преподавания всеобщей истории в младших классах. Действительно, воспитанники VI класса изучали историю средних веков, V класса – новую и русскую историю, IV класса – древнюю историю. По мнению Кареева, следовало в VI классе преподавать древнюю историю.

Некоторые члены Совета согласились с мнением Кареева, однако окончательное решение не было принято. В виду важности

---

¹⁹ Яроцкий В. Исторический очерк учебного и воспитательного дела в Лицее за последние двенадцать лет // Памятная книжка Императорского Александровского лицея за 1898/9 учебный год. СПб., 1899. С. 22–25.

²⁰ Кареев Николай Иванович (1850–1931) – русский историк, член-корреспондент Петербургской АН (1910), почетный член АН СССР (1929). Автор трудов по аграрной истории Франции 2-й половины XVIII в., истории Великой французской революции; курса по новой истории Западной Европы.

вопроса Карееву было поручено подготовить особую докладную записку, к работе над которой следовало привлечь нескольких преподавателей²¹.

На заседании Совета Лицея 6 апреля 1893 г. состоялось обсуждение записки профессора Н.И. Кареева и инспектора З.Б. Вулиха об изменении программы и порядка преподавания истории в младшем курсе и приготовительном классах. Однако Совет отложил принятие окончательного решения “в виду необходимости дальнейшего разъяснения этого вопроса”.

На этом же заседании при обсуждении вопроса о преподавании статистики Врангель предложил уменьшить число лекций по этому предмету – с 4-х до 3-х часов в неделю – с целью увеличения курса по русской истории. Если при трех часах в неделю курс русской истории простирался лишь до вступления на престол императора Павла I, то при 4-х часах его можно было довести до начала царствования императора Александра II. Это предложение было принято²².

Преподавание истории в Лицее привлекло самое пристальное внимание Врангеля, который изложил свои мысли в специальной записке, где предложил следующий план преподавания истории в Лицее:

1) во II отделении приготовительного класса – краткий курс отечественной истории (2 урока в неделю);

2) в I отделении приготовительного класса – древняя история (краткие курсы истории Востока, Греции и Рима) – 2 урока в неделю;

3) в VI классе – история средних веков и отечественная история (“до Иоанна IV”) – 4 урока;

4) в V классе – новая история (до Венского конгресса) и русская история (до смерти Александра I) – 4 урока;

5) в IV классе – I полугодие – более пространный курс древней истории; II полугодие – повторение средней, новой и русской истории (по 4 урока в неделю).

После обсуждения записки Совет практически без изменений согласился с предложенным Врангелем планом преподавания истории. Корректурa оказалась весьма незначительной: в среднем (II-м) отделении приготовительного класса было решено начать прохождение краткого курса древней истории; в IV классе преподавание курса истории Греции и Рима следовало вести по друго-

---

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 454. Лл. 159 об.–160.

²² Там же. Л. 173.

му руководству, чем в подготовительном классе – по учебнику профессора П.Г. Виноградова²³.

Так Врангель повлиял на преподавание в Императорском Александровском лицее истории – предмета, который он считал крайне важным при подготовке будущих государственных деятелей.

Следует отметить, что всеобщая история при этом преподавалась во II и III классах. Весной 1895 г., по инициативе профессора Н.И. Кареева, “в виду значения истории новейшего времени в связи с другими предметами преподавания старшего курса Лицея”, часть курса всеобщей истории из II класса была перенесена в III класс, при этом было сокращено изложение “отдаленных периодов новой истории”. Указанная мера позволила довести преподавание истории до новейшего времени (примерно до 70-х гг. XIX в.)²⁴.

Ф.Ф. Врангель и востоковедение

1895 год Врангель встречал в приподнятом настроении. Накануне он был награжден орденом Св. Станислава I степени “за лично-усердную службу”²⁵.

Высокая награда была хорошим стимулом для продолжения работы. Врангель постоянно заботился о совершенствовании учебного процесса и соответствии учебной программы требованиям современности. 9 апреля 1895 г. он составил записку, которая заслуживает того, чтобы привести ее полностью:

“В курсе Государственного права лицейстов знакомят с устройством государств европейской культуры, тогда как общественные и правовые основы азиатских государств остаются для них, вообще говоря, совершенная terra incognita.

Между тем и для будущих дипломатов, и для будущих администраторов этот пробел весьма чувствителен, в виду сношений России с соседними азиатскими государствами и при наличности многомиллионного инородческого населения восточной и азиатской России, жизнь которого в бытовом, религиозном, а частью и правовом отношениях, основаны на чуждых нашей культуре началах.

---

²³ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 454. Лл. 186, 203, 204.

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 466. Л. 5.

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3528. Лл. 233–236.

Помимо практической потребности в знакомстве с основами и устройством азиатской государственности, такие знания имеют, несомненно, и общеобразовательное значение, расширяя политический кругозор и давая новый, своеобразный материал для уразумения причин силы и успеха народов.

Вследствие этих соображений, мне представляется желательным, по возможности, восполнить этот пробел в курсе политических наук Лицея. Затруднения, ожидаемые при осуществлении этой мысли, заключаются в том, что предмет этот вообще еще мало разработан и что, в частности, у нас в России, за неимением в университетах подобной кафедры, нет и ученых, посвятивших себя специальной разработке этого предмета. Вследствие этого мне кажется, что если признать в принципе желательным введение в Лицей подобного предмета, то он должен быть поставлен в иные условия, чем другие предметы курса, а именно не следует производить экзамена из предмета, содержание которого может быть лишь намечено в общих чертах и которое точно определится лишь впоследствии, в зависимости от указания опыта и от умения и подготовки преподавателя. Выбор надлежащего преподавателя составит значительное, но, надеюсь, преодолимое препятствие при осуществлении вышеизложенной мысли.

Такого рода лекции, в пределах одного часа в неделю в I классе, не могут основываться на самостоятельных научных работах, за отсутствием у нас специалистов; они по необходимости должны будут нести скорее компилятивный характер, при чем успех будет зависеть от добросовестности преподавателя, от его общеправовой подготовки и от умения пользоваться иностранными источниками.

Предлагая на обсуждение Совета принципиальный вопрос о введении в виде опыта на I год, преподавание курса о началах общественного государственного строя Восточных государств, прилагаю текст 3^х лекций, составленных магистрантом по международному праву А.Н. Мандельштамом, который представляется мне лицом, обладающим некоторыми данными для выполнения намеченной задачи: он окончил успешно курс факультета восточных языков и факультета юридического, и основательное знание новых языков открывает ему доступ к литературам английской, французской и немецкой.

9 апреля 1895 г.

*Ф. Врангель*²⁶.

²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 466. Лл. 8–8 об.

18 апреля 1895 г., на очередном заседании Совета Лицея, Врангель огласил содержание своей записки. Совет подробно обсудил ее и постановил: ввести в виде опыта на один год преподавание “Государственного устройства главнейших восточных стран” (под каковыми подразумевать Оттоманскую Империю (Турцию. – В.С.), Персию, Китай и Японию) и установить по данному курсу экзамен.

Совет постановил также предложить магистранту А.Н. Мандельштаму представить на утверждение Совета подробную программу курса, после рассмотрения и утверждения которой допустить его, в виде опыта, на один следующий учебный год к чтению лекций (по одной в неделю)²⁷.

Вскоре А.Н. Мандельштам представил программу новой дисциплины. 16 мая 1895 г. программа была рассмотрена и утверждена Советом Лицея²⁸.

Осенью Мандельштам начал чтение своего курса. Текст трех его лекций был опубликован (170 стр.). Уже 28 ноября 1895 г. Врангель сообщил членам Совета, что воспитанник I класса Борис Татищев просит разрешения выбрать тему диссертации по курсу “Государственного устройства главнейших восточных держав”. Совет разрешил Татищеву готовить диссертацию²⁹. В следующем году Б.А. Татищев окончил Лицей с большой золотой медалью³⁰.

Таким образом, благодаря инициативе Врангеля в Лицее был введен новый предмет, который оказался весьма важным в деле подготовки будущих дипломатов и государственных деятелей России. Опыт преподавания курса “Государственного устройства главнейших восточных держав” был признан “весьма удачным”. К сожалению, дальнейшее преподавание этого предмета было прекращено из-за того, что А.Н. Мандельштам был направлен в продолжительную заграничную командировку, а затем назначен 3-м драгоманом (официальным переводчиком) при русском посольстве в Константинополе³¹.

В известной степени именно Врангель способствовал выдвижению Андрея Николаевича Мандельштама (1869–1939), который впоследствии стал известным специалистом в области международного права, опубликовал ряд таких трудов, как “Гаагские

---

²⁷ Там же. Лл. 5 об.–6.

²⁸ Там же. Л. 17.

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 460. Л. 83.

³⁰ Памятная книга Императорского Александровского лицея на 1898/9 учебный год. СПб., 1899. С. 255.

³¹ Там же. С. 7.

конференции о кодификации международного частного права” (Т. 1–2. СПб., 1900), “Русская консульская юрисдикция в Турции и ее реформа” (Ч. I. СПб., 1906), “Гаагское третейское решение 11 ноября 1912 г. и его значение для развития международного права” (СПб., 1914), “Младотурецкая держава. Историко-политический очерк” (М., 1915).

Празднования годовщин Лицея

В тот период, когда барон Врангель был директором Императорского Александровского лицея, по существовавшей издавна традиции ежегодно, 19 октября, отмечались годовщины Лицея. Проходили они, как правило, следующим образом.

19 октября в лицейской церкви в присутствии попечителя, директора, профессоров, воспитанников и бывших питомцев Лицея законоучитель протоиерей о. Смирнов совершал божественную литургию и молебствие. Во время молебствия пели лицеисты, и провозглашалось многолетие императору и императрице, наследнику цесаревичу и всему царствующему дому, провозглашалась вечная память основателю Лицея, императору Александру I.

После молебствия в актовом зале был завтрак, для которого сервировались три длинных стола. За средним помещались бывшие питомцы, за боковыми – лицеисты. За завтраком пили шампанское.

Первый тост – за здоровье Государя Императора – провозглашал граф Протасов-Бахметев (в его отсутствие это делал Врангель). Оркестр лейб-гвардии Конного полка исполнял гимн (“Боже, Царя храни”), после чего гремело восторженное “ура!” Затем граф провозглашал тост за Лицей. Врангель поднимал ответный тост – за попечителя Лицея. Следующий тост провозглашал один из воспитанников – за директора и попечителя Лицея. Затем звучал тост за бывших питомцев Лицея. Некоторые из ветеранов читали свои стихи. Не уступала и молодежь (например, в 1893 г. декламировал стихи воспитанник III класса Г.А. Колосов).

По окончании завтрака воспитанники распускались по домам³².

---

³² Санкт-Петербургские ведомости, 20 октября (1 ноября) 1892 г., 20 октября (1 ноября) 1893 г., 21 октября (2 ноября) 1895 г.

Отставка и пенсия

6 марта 1896 г. у Врангеля случился микроинсульт, и он решил оставить пост директора Лицея. В связи с предстоящим уходом в отставку Врангелю следовало позаботиться об оформлении пенсии, а вернее – о перерасчете пенсии, которая Фердинанду Фердинандовичу была установлена еще в 1893 г. в размере директорского оклада – 3750 руб. в год. Таким образом, будучи директором, он имел суммарный доход в размере 7500 рублей и служебную квартиру.

14 мая 1896 г. Врангель после болезни вновь приступил к директорским обязанностям³³, но уже ненадолго. 12 июня он подал на “Высочайшее имя” – императору Николаю II прошение об отставке³⁴.

3 августа 1896 г. граф Протасов-Бахметев представил императору Николаю II доклад о назначении пенсии Врангелю, в котором, в частности, указал, что если бы Врангель продолжил службу до 16 марта 1897 г., то мог бы иметь выслугу 30 лет и дополнительную пенсию в 750 руб. в год. Далее попечитель Лицея отметил, что Врангель не смог дослужить 8 месяцев по болезни. Во внимание к долговременной усердной службе Врангеля и отсутствию у него других средств к жизни, граф Протасов-Бахметев просил соизволения императора на назначение дополнительной пенсии в 750 руб. с 23 июля 1896 г. (с отнесением этого расхода на экономические остатки от сумм, ассигнованных на содержание Александровского лицея).

На следующий день Николай II начертал на докладе Протасова-Бахметева: “Согласен”³⁵. Таким образом, учебная пенсия Врангеля составила 4500 руб. в год.

5 августа 1896 г. Врангель подал в Собственную Е.И.В. Канцелярию по учреждениям императрицы Марии прошение о ходатайстве перед Главным морским штабом эмеритальной пенсии³⁶

³³ Там же. Л. 256.

³⁴ Там же. Лл. 23–23 об.

³⁵ Там же. Л. 25а.

³⁶ Эмеритальная касса морского ведомства была учреждена в 1859 г. для обеспечения оставивших службу чинов, а также вдов и сирот. На образование неприкосновенного капитала кассы из казны было отпущено 1400 тыс. руб. Вышедшим в отставку чинам устанавливалась пожизненная пенсия, семьям – пенсии или единовременные пособия. Пенсия назначалась лицам, прослужившим не менее 25 лет, при условии участия в кассе не менее 3 лет. Оклады пенсий были пропорциональны числу “платных лет” (сроку, в течение которого лицо перечисляло деньги в кассу) и высчитывались в процентах от полного оклада пенсий из государственного казначейства. Высший размер эмериталь-

с 23 июля, с производством ее из Главного казначейства. Вскоре Врангелю была назначена и эмеритальная пенсия в размере 794 рубля в год³⁷.

Таким образом, с 23 июля 1896 г. 52-летний Врангель имел суммарную пенсию в размере 5294 руб. в год.

* * *

Оценивая почти тринадцатилетнюю деятельность Ф.Ф. Врангеля в Императорском Александровском лицее, следует отметить, что он проявил себя как талантливый педагог, опытный и требовательный инспектор воспитанников, высококвалифицированный преподаватель и администратор, старавшийся активно воздействовать на организацию учебного процесса в целях его улучшения, в том числе за счет внедрения более совершенных учебных планов и введения новых дисциплин, столь необходимых тем, кто решил посвятить себя государственной службе – дипломатии, правосудию и пр.

Заслуживает уважения и то, что в период службы в Императорском Александровском лицее Врангель никогда не забывал о том, что он – морской офицер: продолжал научную и педагогическую деятельность в Николаевской морской академии, публиковал новые статьи по гидрографии и метеорологии и даже принял участие (в 1890 г.) в Черноморской глубомерной экспедиции (об этом пойдет речь в VIII части).

За период службы Врангеля в Императорском Александровском лицее “через его руки” прошли сотни воспитанников: 141 выпускник покинул Лицей в бытность Фердинанда Фердинандовича инспектором, 151 – когда он был директором. Более 100 выпускников 1897–1901 гг. начинали учебу в Александровском лицее в директорство Врангеля. Почти 400 человек! Большинство из них в начале XX в. занимали весьма высокие посты в государственном аппарате царской России. Вот лишь некоторые примеры.

Золотой медалист XLVI курса (вып. 1890 г.) Г.Г. Лерхе стал камергером, действительным статским советником, членом Государственной Думы 3-го созыва. В той же Думе заседали камергер А.С. Гижицкий (XLVIII курс, вып. 1892 г.), мичман флота в запасе А.А. Фёдоров (LI курс, вып. 1895 г.) и золотой медалист,

---

ной пенсии назначался за 35 лет службы и 35 “платных лет”; он составлял в начале XX в. 154,28%, а низший размер – за 25 лет службы и 3 “платных года” – составлял 29,387% от полного оклада пенсии из государственного казначейства [Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 80. С. 727–729].

³⁷ Там же. Лл. 28, 32–32 об.

камергер Д.Н. Чихачев (LIII курс, вып. 1897 г.). Коллежский советник Н.Н. Андреев (XLVII курс, вып. 1891 г.) и золотой медалист И.Н. Пустошкин (LII курс, вып. 1896 г.) были избраны членами Государственной Думы еще 1-го созыва.

В 1910 г. золотые медалисты XLV курса Д.Д. Кобеко и граф А.П. Кутайсов (вып. 1889 г.) были губернаторами: первый – тульским, второй – вольнским. Серебряный медалист XLIX курса (1893 г.) А.Н. Хвостов являлся нижегородским губернатором. Его однокурсник М.М. Веселкин служил во флоте: очень быстро стал флигель-адъютантом, а впоследствии – контр-адмиралом Свиты Е.И.В. Золотой медалист XLVII курса Н.А. Княжевич (вып. 1891 г.) в 1910 г. был командиром Крымского драгунского полка³⁸.

Несомненно, большинство из тех, кого воспитывал и учил Ф.Ф. Врангель, помнили о нем в течение всей жизни.

---

³⁸ Памятная книжка лицейстов. СПб., 1911. С. 122, 125–127, 129, 132, 134, 139, 143, 146.

Ф.Ф. Врангель и Русское географическое общество

Адмирал Ф.П. Врангель был одним из учредителей Императорского русского географического общества. Его сын, Фердинанд Фердинандович, был избран действительным членом Императорского русского географического общества через полтора года после смерти отца, 12 января 1872 г.¹ О деятельности Ф.Ф. Врангеля в Обществе в 1870–1880-е годы практически нет сведений. Известно только, что в 1875 г. он сделал единовременный взнос в кассу Общества в размере 100 руб.²

Врангель и “Метеорологический вестник”

В период прохождения VIII съезда русских естествоиспытателей и врачей в декабре 1889 г. в среде специалистов возникла мысль о необходимости проведения специального собрания с целью основания научно-популярного метеорологического журнала. Такое собрание состоялось 7 января 1890 г. в помещении Императорского русского географического общества. На нем присутствовало 40 человек, председательствовал – почетный член общества барон Ф.Р. Остен-Сакен. Участники собрания обязались внести по 25 руб. для учреждения журнала и признали себя его учредителями. Среди них были полковники К.И. Михайлов и И.Б. Шпиндлер (Главное гидрографическое управление), контр-адмирал С.О. Макаров (младший флагман Балтийского флота), профессор Д.И. Менделеев (Петербургский университет), генерал-майор А.А. Тилло (геодезист, картограф). Барон Ф.Ф. Врангель (член конференции Николаевской морской академии) также стал учредителем журнала, который был назван “Метеорологический вестник”.

---

¹ Состав Императорского русского географического общества. СПб., 1876. С. 9.

² Состав Императорского русского географического общества. СПб., 1875. С. 9.

Впоследствии число учредителей выросло до 97 человек, при этом список возглавили великий князь Константин Константинович (президент Академии наук) и великая княгиня Екатерина Михайловна.

Главной целью нового журнала являлось содействие распространению сведений по метеорологии в России и развитию “практической метеорологии”.

Врангель вошел в состав редакционного комитета “Метеорологического вестника”, первыми редакторами которого стали А.И. Воейков, М.А. Рыкачев и И.Б. Шпиндлер.

Нельзя сказать, чтобы Врангель был активным автором “Метеорологического вестника”. В 1891 г. в журнале (№ 4) он поместил небольшую рецензию на работу Е. Динклагге “*Beitrag zur Kenntniss des Klimas von Korea*”³, опубликованную в Берлине в “*Annalen der Hydrographie und maritimen Meteorologie*”⁴. В этой работе Динклагге осветил результаты метеорологических наблюдений и наблюдений за уровнем моря в корейских портах Чемульпо, Юэнсане и Фусане⁵.

Следующая небольшая заметка Врангеля – “Барометрическая зыбь” – появилась в “Метеорологическом сборнике” только через 12 лет – в 1903 г. Она была посвящена барометрическим кривым для разных станций индийской метеорологической сети⁶.

Несмотря на такую низкую авторскую “продуктивность”, связанную, очевидно, с активной работой по редактированию “Записок по гидрографии” и другой деятельностью, Врангель, тем не менее, вошел в обновленный состав редакционного комитета “Метеорологического вестника”, избранный 20 января 1906 г.⁷

Следует отметить также, что в период учреждения “Метеорологического вестника” Врангель являлся членом Метеорологической комиссии Русского географического общества, председателем которой был профессор А.И. Воейков. Однако на заседаниях комиссии Врангель присутствовал редко⁸.

---

³ К вопросу о климате Кореи.

⁴ *Annalen der Hydrographie und maritimen Meteorologie*.

⁵ Ф.В. *Beitrag zur Kenntniss des Klimas von Korea*, von E.Dinklage/*Annalen der Hydrographie und maritimen Meteorologie. Organ des hydrogr. Amtes und der Deutschen Seewarte*. Berlin. 1890. N.VIII – X. 1891. N. I // Метеорологический вестник. Т. I. 1891. № 4. С. 195.

⁶ *Врангель*. Барометрическая зыбь // Метеорологический вестник. Т. XIII. 1903. № 7. С. 213–214.

⁷ Метеорологический вестник. Т. XVI. 1906. №№ 1–2. С. 2.

⁸ Известия ИРГО. Т. XXVII. 1891. С. 147, 219.

Кроме того, 21 апреля 1892 г. Врангель был избран в состав комиссии для всестороннего обсуждения поднятого С.О. Макаровым вопроса об организации наблюдений над вскрытием и замерзанием вод в приморских городах. В состав этой комиссии вошли А.А. Тилло, И.В. Мушкетов, А.И. Воейков, М.А. Рыкачев, П.Н. Назимов, К.И. Михайлов, С.О. Макаров, Э.В. Майдель, И.Б. Шпиндлер и Ю.М. Шокальский⁹.

Участие в Черноморской глубомерной экспедиции (1890 г.)

В январе 1890 г. Совет Императорского русского географического общества, по инициативе председателя отделения математической географии А.А. Тилло, обратился к управляющему Морским министерством с ходатайством о снаряжении одного из военных судов для глубоководного исследования Черного моря. Это было связано с тем, что члены Общества сознавали: “не подобает России медлить с исследованием того моря, которое в научном отношении мы бесспорно вправе считать нашим внутренним морем”¹⁰.

Ходатайство Общества встретило “полнейшее сочувствие” со стороны управляющего Морским министерством вице-адмирала Н.М. Чихачева: в распоряжение экспедиции Общества была выделена на 1 месяц канонерская лодка “Черноморец”, а руководство глубоководными исследованиями в Черном море поручено заведующему метеорологическим отделением Главного гидрографического управления Морского министерства подполковнику И.Б. Шпиндлеру.

Совет Общества решил командировать в экспедицию доцента геологии Новороссийского университета Н.И. Андрусова и Ф.Ф. Врангеля¹¹.

В Обществе состоялось несколько совещаний по разработке общего плана работ. Однако подробная программа была разработана в Главном гидрографическом управлении.

Шпиндлер выехал в Николаев заблаговременно для подготовки экспедиции. Врангель из-за занятости в Императорском Александровском лицее прибыл в Николаев только 5 июня.

---

⁹ Журнал соединенного заседания отделений географии математической и географии физической // Известия ИРГО. Т. XXVII. 1891. С. 315.

¹⁰ Врангель Ф.Ф. Черноморская глубомерная экспедиция 1890 г. СПб., 1890. С. 3.

¹¹ Там же. С. 4.

Через два дня из Греции пришел “Черноморец” (командир капитан 2 ранга А.И. Смирнов). Судно произвело весьма благоприятное впечатление на участников экспедиции. Флотское командование пошло навстречу членам экспедиции и разрешило снять с “Черноморца” шестидюймовые орудия: вместо них были установлены вьюшки с линиями, драги, тралы и другие принадлежности. Единственное, чего не хватало на “Черноморце”, – судовой паровой лебедки, что весьма затруднило выполнение драгировок в море.

Поскольку на канонерской лодке следовало произвести некоторые исправления в машине, Врангель отправился в Одессу “для извлечений из архива” РОПиТ некоторых данных, относившихся к определению течений в Черном море.

15 июня “Черноморец” пришел в Одессу, и Врангель занял свое место на корабле, который направился в Севастополь. По пути были выполнены первые три станции на глубинах от 20 до 52 саженей.

В Севастополе “Черноморец” получил полный запас угля и провизии и утром 18 июня вышел в море. Сначала корабль направился на юг, к Константинополю (“ломаным галсом”), затем – в Феодосию, вновь в Севастополь, оттуда – в Сухум-Кале и Батум, затем в третий раз в Севастополь (“ломаным галсом”). В последнем рейсе “Черноморец” направился в юго-западную часть Черного моря, оттуда – к Варне и, наконец, вернулся в Одессу.

В общей сложности экспедиция продолжалась 26 дней (по 11 июля), в течение которых “Черноморец” прошел около 2500 миль. Было выполнено 60 промерных станций с одновременными наблюдениями температуры и плотности воды. На 13 станциях, кроме того, были произведены драгировки. Во время переходов наблюдались температура и плотность поверхностной воды, а Шпиндлер, кроме того, производил специальные гигрометрические и анеометрические наблюдения.

Порядок производства наблюдений в последующем изложении Врангеля был следующий:

“За несколько минут до прихода к намеченной станции раздавалась команда и свисток: “к промеру”, которую матросы обыкновенно произносили “к примеру”, так что мы, по их крайней мере словам, были “примерная экспедиция”. По этой команде известная группа заранее назначенных матросов становилась к глубомеру Томсона, другая – к двум вьюшкам с батометрами, наконец третья – к линю с термометрами. Машина

останавливалась, и судно приводилось в бейдевинд¹² на левый галс, так как все наши приборы были расположены для спуска их с левого борта. Глубомер стоял на полубаке, то есть в самой носовой части судна; между полубаком и мостиком (на шкафуте) были вьюшки с линиями для батометра, а линия с прикрепленной к нему серией термометров находился на мостике, откуда и опускался в воду. Как только судно теряло ход, И.Б. Шпиндлер, взявший на себя измерения глубин, пускал лот, следя внимательно за правильностью его движения и давая знать, в случае надобности, куда следовало направлять нос судна для того, чтобы удержать проволоку в вертикальном направлении. Во время промера судном управлял обыкновенно сам командир А.И. Смирнов, а за его отсутствием вахтенный начальник. Место наблюдения определялось по возможно частым наблюдениям и счислению старшим итурманским офицером К.А. Карум[ом]. В то время, как с носу бросали лот, с мостика, под моим надзором, опускали в воду сериальные термометры, так чтобы нижний пришелся на 50 сажен[ей], а верхний на 5 сажен[ей] от поверхности, а остальные в промежуточных глубинах через 5 сажен[ей]. В это же время со шкафута опускались оба батометра, один последовательно на 5, на 10, на 15, на 25 и на 50 сажен[ей], а другой на 100 и на 200 сажен[ей]. Погрузив термометры, я спускался с мостика и определял, [с] помощью стеклянного ареометра с постоянным весом, плотность образчиков воды, добываемых с малых глубин, давая тем временем термометрам принять температуру соответствующего слоя. При больших глубинах, от 1000 до 1200 сажен[ей], лот падал до дна около $\frac{1}{4}$ часа. По достижении лотом дна, проволока осторожно наматывалась на вьюшку под надзором судового офицера, а Шпиндлер, определив глубину по показаниям счетчика, сменял меня при определении плотностей, я же возвращался на мостик, чтобы вынимать сериальные термометры и, отсчитав их, снова погружал всю серию в воду, но так, чтобы нижний термометр пришелся на 70 саженях, а верхний на 25 саженях. На выбирание проволоки с больших глубин требовалось около $\frac{3}{4}$ часа и к концу этой операции вторая серия термометров была уже отсчитана и удельный вес воды определен для глубин 5, 10, 15, 25, 50, 100 и 200 сажен[ей], причем к

---

¹² Бейдевинд (англ. by the wind; гол. bij de wind; by, bij – около, при, wind – ветер) – курс парусного судна относительно ветра, когда угол между диаметральной плоскостью судна и направлением ветра составляет менее 90° (прим. автора).

батометру, опускаемому на 100 сажен[ей] и более, были привязаны 2 термометра Negretti, так что и температура всех слоев до 200 сажен[ей] включительно, бывала к этому времени измерена.

Если время позволяло, то спускали еще батометр с термометрами на глубину в 900 сажен[ей], на что требовалось столько же времени, как на все остальные наблюдения, вместе взятые. От добывания образчиков воды мы, к сожалению, отказались, так как при погружении батометра в ил, клапана его засаривались и не закрывались плотно, так что вода получалась смешанная с водою верхних слоев.

При таком разделении труда и при сноровке, которую под конец приобрели все участвовавшие в деле, мы достигли того, что полная глубоководная станция, с сериальными наблюдениями до 200 сажен[ей] включительно, требовала около $\frac{1}{4}$ часа, а с определениями удельного веса и температуры на глубине в 900 сажен[ей] или 1000 сажен[ей], около $2\frac{1}{4}$ часов.

В 13 станциях из 60 мы опускали драгу или трал..."¹³.

Результаты работы экспедиции Врангель представил в своем докладе на собрании Русского географического общества 3 октября 1890 г. На основании полученных данных Врангель сделал вывод о том, что физические условия в Черном море являются крайне неблагоприятными для поддержания органической жизни на глубине. Он считал, что исследования в Черном море следует продолжать и далее¹⁴.

Продолжение работ в 1891 г.

Весной 1891 г. Главное гидрографическое управление предложило Русскому географическому обществу вновь принять участие в исследованиях глубин Черного моря. 27 марта 1891 г. совместное заседание отделений физической географии и математической географии постановило: просить Ф.Ф. Врангеля и Н.И. Андрусова принять участие в экспедиции¹⁵.

Несомненно то, что Врангель собирался продолжить исследования в Черном море. 12 апреля 1891 г. он выступил на таком

---

¹³ Врангель Ф.Ф. Черноморская глубомерная экспедиция 1890 г. СПб., 1890. С. 7–9.

¹⁴ Там же. С. 10, 12, 13, 16, 20.

¹⁵ Журнал соединенного заседания Отделений географии физической и географии математической 27 марта 1891 г. // Известия ИРГО. Т. XXVII. 1891. С. 308.

же совместном заседании с докладом о некоторых результатах дальнейшей обработки наблюдений, произведенных на лодке “Черноморец”. Врангель считал, что “чрезвычайно интересно” проверить некоторые особенности в распределении солености и температуры воды в период будущих работ. После его сообщения между И.И. Стебницким, И.Б. Шпиндлером, С.О. Макаровым, М.А. Рыкачевым и другими лицами состоялся “живой обмен мнениями” по поводу уже выполненных и предполагаемых в 1891 г. исследований¹⁶.

Однако Врангелю не удалось отправиться на Черное море, так как в связи с отъездом Н.Н. Гартмана за границу, он летом 1891 г. исполнял обязанности директора Императорского Александровского лицея¹⁷.

11 января 1892 г. Совет Императорского русского географического общества, по представлению отделений математической и физической географии, присудил участникам экспедиции для глубоководного исследования Черного моря И.Б. Шпиндлеру и барону Ф.Ф. Врангелю малые золотые медали. Отзыв об их трудах был составлен А.И. Воейковым¹⁸.

В последующие годы Врангель продолжал заниматься обработкой материалов экспедиции. В 1899 г. в виде приложения к XX тому “Записок по гидрографии” был опубликован их совместный с И.Б. Шпиндлером труд – “Материалы по гидрологии Черного и Азовского морей”. Рецензию на эту работу А.И. Воейков опубликовал в “Метеорологическом вестнике”¹⁹.

Роль Ф.Ф. Врангеля в награждении Ф. Нансена

Рассматривая деятельность Ф.Ф. Врангеля как члена Русского географического общества, уместно отметить его роль в признании Обществом научных заслуг норвежского путешественника и ученого Ф. Нансена, руководившего в 1893–1896 гг. экспедицией на шхуне “Фрам”, которая совершила беспрецедентный дрейф во льдах Северного Ледовитого океана с востока на запад.

¹⁶ Журнал соединенного заседания Отделений Географии Физической и Географии Математической 12 апреля 1891 г. // Известия ИРГО. Т. XXVII. 1891. С. 317.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3528. Л. 118.

¹⁸ Журнал заседания Совета 11-го января 1892 года // Известия ИРГО. Т. XXVIII. 1892. С. 102–103.

¹⁹ А.В[оейков] И.Б. Шпиндлер и барон Ф.Ф. Врангель. Материалы по гидрологии Черного и Азовского морей. Приложение к XX тому “Записок по гидрографии”. СПб., 1899. 102 с. // Метеорологический вестник. 1899. № 12. С. 416–420.

Весной 1897 г. кандидатура Ф. Нансена была выдвинута на награждение Константиновской золотой медалью Русского географического общества.

8 мая 1897 г. на совместном заседании отделений физической и математической географии профессор И.В. Мушкетов сообщил, что медальная комиссия Общества постановила ходатайствовать перед Советом о награждении Константиновской медалью двух путешественников – Ф. Нансена и С. Гедина²⁰, заслуги которых, по мнению Мушкетова, были “одинаково велики”. На вопрос Мушкетова: “*Нет ли возражений?*” Врангель, как и остальные присутствующие, воздержался от замечаний, “*не желая вызывать прений, неудобных в многолюдном собрании Отделений...*”.

Однако после заседания Врангель, обменявшись мнениями с коллегами, убедился в том, что “многие сочлены” разделяют его взгляд на решение медальной комиссии. 18 мая 1897 г., находясь в Куоккале, Врангель отправил в Географическое общество письмо, в котором, в частности, отмечал следующее: “... я считаю своим правом и долгом, как члена Общества, выразить перед Советом Общества мое мнение, что такое постановление, несомненно, ослабляющее значение награды, едва ли вызвано необходимостью, так как о путешествиях Свен-Гедина еще мало известно из печатных отчетов, тогда как приговор о значении Нансена как одного из величайших путешественников всех времен произнесен уже всем цивилизованным миром.

Если о чем надо было позаботиться, то мне кажется скорее о том, как бы увеличить, а не ослабить значение запоздалой награды нашего общества Нансену.

Что касается до награждения Свен-Гедина, то нет основания сомневаться в выдающихся его заслугах, но мне кажется нет повода присуждать ему Константиновскую медаль, до появления в печати хотя бы предварительного его отчета, чем избегается необходимость честствовать его одновременно с Нансеном”²¹.

Письмо Врангеля сыграло свою роль: Совет Общества 26 мая 1897 г. утвердил присуждение Константиновской золотой медали

---

²⁰ Гедин Свен Андерс (1865–1952) – шведский путешественник. Начиная с 1885 г. совершил пять путешествий по Центральной Азии. Исследовал Тибет, Синьцзян, Монголию, Восточный Туркестан, течение реки Тарим, положение оз. Лоб-Нор, установил истоки рр. Инда и Брахмапутры (1893–1935). Открыл Гандисышань (Трансгималаи) – горную систему на юге Тибетского нагорья. Во время Второй мировой войны сотрудничал с гитлеровскими властями.

²¹ АРГО. Ф. 1. 1897. Оп. 1. Д. 7. Лл. 4–4 об.

“вне очереди почетному члену Нансену за совершенный им беспримерный подвиг, составляющий эпоху в исследовании Северного Ледовитого океана”²². С. Гедин же был удостоен медали имени П.П. Семенова “за четырехлетнее путешествие в Центральную Азию”²³.

12 марта 1898 г., по ходатайству Русского географического общества, император Николай II подписал указ о награждении Ф. Нансена орденом Св. Станислава 1 степени, а капитана “Фрама” О. Свердрупа и доктора С. Гедина – орденом Св. Анны 2-й степени²⁴.

17 апреля 1898 г. в Русском географическом обществе при участии Ф. Нансена состоялось совещание по исследованию Северного Ледовитого океана, на котором присутствовали Ф.Ф. Врангель и С.О. Макаров.

Высшая награда Русского географического общества была вручена Ф. Нансену вице-председателем Общества П.П. Семеновым 28 апреля 1898 г. в зале Петербургского дворянского собрания на торжественной встрече, организованной по случаю приезда норвежского путешественника и его супруги Евы Нансен²⁵.

Следует отметить также, что в 1897 г., когда Императорское русское географическое общество отмечало юбилей Ф.П. Литке – одного из учредителей Общества и его многолетнего вице-председателя – доклад о жизни и деятельности покойного на торжественном заседании прочитал Ф.Ф. Врангель²⁶.

...Вплоть до начала Первой мировой войны Фердинанд Фердинандович поддерживал связь с Географическим обществом: в периодически издававшихся списках членов Общества можно легко обнаружить его фамилию, а в ряде случаев указано и место проживания.

---

²² Пасецкий В.М. Фритъоф Нансен. М.: Наука, 1986. С. 229.

²³ Отчет Императорского русского географического общества за 1897 год. СПб., 1898. С. 46.

²⁴ АРГО. Ф. 1–1897. Оп. 1. Д. 7. Л. 17.

²⁵ Там же. С. 230–231.

²⁶ Врангель Ф.Ф. Граф Фёдор Петрович Литке. 17-го сентября 1797 – 8-го августа 1882. СПб., 1897 (отд. оттиск из “Известий Русского географического общества”. Т. XXXIII. 1897. С. 331–346).

Ф.Ф. Врангель и С.О. Макаров

После трагической гибели вице-адмирала С.О. Макарова на броненосце “Петропавловск” 31 марта 1904 г. барон Ф.Ф. Врангель, проживавший в это время в Кларане (Швейцария), написал статью “Памяти Степана Осиповича Макарова”, которая была опубликована в “Морском сборнике” (1904 г., № 7), а также, по распоряжению Главного морского штаба, в виде отдельного оттиска.

В молодые годы...

Очевидно первая встреча Врангеля с Макаровым состоялась летом 1867 г., когда Фердинанд являлся вольнослушателем Академического курса морских наук, а Степан был произведен в гардемарины с назначением в Балтийский флот¹. Впоследствии Макаров, вероятно, неоднократно бывал в доме семьи Врангелей в Петербурге².

В годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Врангель, и Макаров служили на Черноморском флоте. С октября 1876 г. Макаров командовал вооруженным пароходом “Великий князь Константин”, минные катера которого неоднократно атаковали турецкие корабли. Врангель посещал пароход, которым командовал Макаров³, ставший в годы войны боевым офицером, награжденным за свои подвиги золотым оружием, орденом Св. Георгия 4-й степени и произведенным в капитаны 2 ранга⁴.

Однако близкие, дружеские отношения между Врангелем и Макаровым завязались только в конце 1884 г., когда Степан Осипович сдал командование стационаром “Тамань” в Константино-

---

¹ *Потапов Ю.П.* Степан Осипович Макаров. Л.: Наука, 1982. С. 24.

² *С.О. Макаров.* Документы. Т. 1 / Под ред. А.А.Самарова. М., 1953. С. 70.

³ *Врангель Ф.* Памяти Степана Осиповича Макарова. СПб., 1904, № 7. С. 2.

⁴ *Потапов Ю.П.* Указ. соч. С. 212–213.

поле и прибыл в Петербург, чтобы обработать свои наблюдения над течениями в проливе Босфор.

По приглашению Врангеля Макаров заехал к нему посоветоваться о труде, над которым работал. Врангель снабдил Макарова необходимой научной литературой и оказал “посильную помощь в деле, ему тогда еще новом”⁵.

В том же 1885 г. Макаров опубликовал труд “Об обмене вод Черного и Средиземного морей”. Врангель получил его после возвращения из-за границы. 6 января 1886 г. он написал Макарову письмо, в котором выразил уверенность в том, что *“независимо от весьма ценного научного материала и от остроумных выводов, которые Вы сумели извлечь из них, Вы принесли Вашим трудом, кроме прямой пользы, и косвенную пользу флоту, доказав Вашим примером, что можно быть в военное время brave боевым офицером, не пренебрегая в мирное время научными занятиями, придающими нашей профессии неисчерпаемый, вечно новый интерес и содержание...”*⁶.

После возвращения “Витязя”...

17 сентября 1885 г. Макаров был назначен командиром корвета “Витязь”. В 1886–1889 гг. “Витязь” совершил кругосветное плавание, которое прошло безупречно. Помимо отличного выполнения служебного задания, важным итогом этого плавания были обширнейшие и весьма ценные результаты, полученные в процессе широких океанографических исследований, произведенных офицерами корвета “Витязь” под руководством Макарова и по его личной инициативе. Возвратившись на родину, Макаров получил длительный отпуск. В июне 1889 г. он поселился на даче в Лесном, где занялся обработкой собранных в плавании материалов⁷.

Врангель во время лицейских каникул часто навещал Макарова на даче, где они проводили “многие отрядные часы в беседе о ходе его работы и о наилучших способах обработки и использовании громадного запаса данных, им собранных”⁸.

На почве становления Макарова как ученого-гидролога между Врангелем и Макаровым случались и недоразумения. Так, в одной из публичных лекций Врангель назвал Макарова, начав-

⁵ Врангель Ф. Памяти Степана Осиповича Макарова... С. 2.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 325. Лл. 6–7 об.

⁷ Потапов Ю.П. Степан Осипович Макаров... С. 77–81.

⁸ Врангель Ф. Памяти Степана Осиповича Макарова... С. 5.

шего заниматься в 1882 г. гидрологическими исследованиями в проливе Босфор, дилетантом и несколько раз – назвал не по чину, а просто по фамилии. Самолюбивый Макаров не преминул прислать Врангелю письмо с упреками.

Врангель вынужден был разъяснить свою позицию “многоуважаемому Степану Осиповичу”, как он его практически всегда называл в письмах. *“Вы придаете слову дилетант (так в тексте. – В.С.) слишком подробное значение: никто про себя не скажет: “я арестант”, хотя бы и был арестован, а всякий не специалист скажет: “я дилетант” в деле, которым занимается в качестве любителя..., – отмечал Врангель. – Что касается до Вашего чина, то я его на лекции предпослал Вашей фамилии, говоря о таблицах, впоследствии не делал этого, точно также, как не стал бы называть каждый раз “Генерал-майор Тилло” А.А. Тилло. Именно про лиц, более известных, говорят без чина, а только совсем знаменитые личности называются даже без имени и отчества. Можно сказать и говорят Менделеев, Бэр, Остроградский... – Нельзя сказать “Врангель” про меня – а про покойного отца моего можно. Чтобы вернуться к дилетантам, скажу еще, что значение, придаваемое мною этому слову, ясно вытекает из всего сказанного на лекции и если я говорю, что человек принялся за исследование, которое я признаю одним из замечательнейших исследований по гидрологии, в качестве дилетанта, а закончил, сделавшись мастером этого дела, то это была очевидная и для всех понятная похвала дарования и энергии этого лица, а не брань. Вы поняли мою мысль: выставить Вас как пример для подражания. На расшаркивания я не мастер, а то, что думаю, высказываю, по возможности, ясно и определенно”⁹.*

Подобные инциденты случались и позднее.

В сентябре 1893 г. рукопись капитального труда С.О. Макарова «“Витязь” и Тихий океан» была удостоена Петербургской Академией наук полной премии (1500 руб.) митрополита Макария¹⁰.

Врангель прочитал рукопись книги в декабре 1893 г. 1 января 1894 г. в письме Макарову он указал на замечания по главе XXV. В “постскриптуме” же отметил: *“С сожалением расстаюсь с Вашим трудом и с нетерпением жду его появления”¹¹.*

---

⁹ РГА ВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 327. Лл. 24–25 об.

¹⁰ *Потапов Ю.П.* Степан Осипович Макаров... С. 213.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 327. Лл. 26–26 об., 49–50.

Книга «“Витязь” и Тихий океан» была опубликована в 1894 г. и принесла славу не только автору, но и России. Врангель впоследствии писал о плавании “Витязя” следующее: *“Заурядное кругосветное плавание нашего корвета заняло, благодаря его командиру, почетное место среди экспедиций, специально снаряженных для научных изысканий”*¹².

Ледокол “Ермак”: от идеи до строительства

Однажды зимой 1892 г. Врангель и Макаров присутствовали на заседании Императорского русского географического общества, после которого вместе вышли на улицу. *“Я знаю, как можно достигнуть Северного полюса, но прошу Вас об этом пока никому не говорить: надо построить ледокол такой силы, чтобы он мог ломать полярные льды... Это потребует миллиона, но это выполнимо. Что Вы на это скажете?”* – обратился Макаров к Врангелю¹³.

Врангель ответил адмиралу, что принципиально ничего возразить не может, что это скорее вопрос технический, но в любом случае *“мысль смелая, над которой поработать стоит”*.

В начале 1897 г. Макаров представил управляющему Морским министерством вице-адмиралу П.П. Тыртову докладную записку, в которой изложил свой проект завоевания Арктики при помощи ледоколов, но Тыртов отрицательно отнесся к идее Макарова¹⁴.

Позже, однако, Макаров добился разрешения пропагандировать свою идею в научных кругах при помощи лекций и докладов. 8 февраля 1897 г. он сделал доклад “По поводу Ледовитого океана” в Императорском русском географическом обществе. После доклада состоялась дискуссия. *“Много возражений со стороны Мушкетова, весьма слабых, то же Тилло. Назимов тоже говорит слабо. Все они уступили совету дюжинного благоразумия, предложенному Врангелем, а именно, взять задачу пройти вдоль нашего [северного] берега и обследовать его”*, – отметил в своем дневнике Макаров¹⁵.

---

¹² Врангель Ф. Вице-адмирал Степан Осипович Макаров. Биографический очерк. Ч. II. СПб., 1913. С. 87.

¹³ Там же. С. 221–222.

¹⁴ С.О. Макаров и завоевание Арктики / Отв. ред. В.Ю. Визе. Л. – М. Изд. Главсевморпути. 1943. С. 11.

¹⁵ С.О. Макаров. Документы. Т. 2 / Под ред. В.С.Шломина. М.: Воениздат. 1960. С. 348.

Позже, по совету Врангеля, Макаров поехал к вице-председателю Географического общества П.П. Семенову, с которым говорил о своей будущей лекции по исследованию Северного Ледовитого океана на предстоящем экстренном заседании Общества.

Впоследствии было решено, что на этом заседании с лекцией выступят Врангель и Макаров. В середине марта 1897 г. Врангель начал писать свою часть лекции. *“Когда главная часть будет кончена, спишусь с Вами, чтобы прочесть ее Вам, а самому прочесть Вашу”*, – писал Врангель Макарову 16 марта 1897 г.¹⁶

30 марта 1897 г. в Мраморном дворце, зал которого любезно предоставил великий князь Константин Константинович (президент Петербургской Академии наук), состоялось экстренное заседание Географического общества. Лекцию удостоили своим вниманием некоторые члены императорской фамилии и многие высокопоставленные лица.

Врангель прочитал первую часть лекции, в которой сделал краткий исторический обзор всех научных исследований, сделанных в Северном Ледовитом океане. После этого выступил Макаров, озаглавивший свою часть лекции весьма амбициозно: *“К Северному полюсу – напролом!”* Для выступления Макаров приготовил наглядные пособия, карты, модели, чертежи и картины ледоколов того времени. *“Главная цель умело обставленного заседания в Мраморном дворце была достигнута, – писал впоследствии Врангель. – Интерес правящих кругов был привлечен к этому делу, оно дошло до сведения Его Императорского Величества, и Государю Императору угодно было обратить внимание министра финансов, С. Ю. Витте, на проект адмирала Макарова”*¹⁷.

7 апреля 1897 г. в Морском собрании Кронштадта состоялась повторная лекция Врангеля и Макарова об исследовании полярных морей при помощи ледоколов.

8 мая 1897 г. Врангель и Макаров должны были вновь выступить в Обществе, причем адмирал пожелал выступать первым. Врангель не возражал. Однако по какой-то причине он не смог присутствовать на заседании. Он писал Макарову, что сожалеет об этом и обещал ему высказать критические замечания после ознакомления с его идеями¹⁸.

Макаров искренно сожалел об отсутствии Врангеля на его докладе в Географическом обществе. *“Ужасно сожалею, что*

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 325. Л. 11 об.

¹⁷ Врангель Ф. Вице-адмирал Степан Осипович Макаров. Биографический очерк. Ч. II. СПб., 1913. С. 226–227.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 325. Л. 9–10.

Вас не было на моем вчерашнем сообщении... Был управляющий Морским министерством, и несколько Ваших слов могли бы очень оживить дело...”, – писал в ответном письме Врангелю Макаров¹⁹.

В октябре 1897 г. по распоряжению министра финансов С.Ю. Витте была организована комиссия для выработки технических условий, которым должен был удовлетворять будущий ледокол. Председателем комиссии был назначен адмирал Макаров. В состав комиссии вошли, в частности, Д.И. Менделеев (от Министерства финансов) и Ф.Ф. Врангель (в качестве специалиста по океанографии)²⁰.

14 ноября 1897 г. министр финансов С.Ю. Витте получил согласие императора Николая II на ассигнование 3 млн руб. для постройки ледокола.

24 декабря 1897 г. Макаров подписал с фирмой Армстронга в Ньюкасле (Англия) договор на постройку ледокола²¹. Он предложил наблюдать за постройкой ледокола Врангелю, который в это время не имел служебных занятий. Фердинанд Фердинандович охотно согласился, так как имел родственные и дружеские связи в Англии. Но Министерство финансов отказало в ассигновании суточных денег, без которых Врангель не мог прожить почти год в Англии. В конечном счете, надзор за постройкой “Ермака” был возложен на финского инженера Янсена²².

Такое решение устроило и Врангеля, о чем он через два года писал Макарову следующее: “...*На постройку я ни в одном существенном вопросе влияния бы не имел, был бы скомпрометирован неудачей и, выступая за полярные ледоколы, говорил без нравственной воли, как лицо заинтересованное. Уже мое согласие было ошибкой*”²³.

19 февраля 1899 г. приемочная комиссия под председательством С.О. Макарова приняла ледокол “Ермак”, и через два дня он отправился в первое плавание. 1 марта ледокол вошел во льды Финского залива и 4 марта с триумфом прибыл в Кронштадт. 8 марта 1899 г. Врангель писал Макарову из Куоккалы: «*Если я до сих пор не поздравил Вас с благополучно выдержанным предварительным экзаменом, то потому только, что день ото дня надеялся поехать в Кронштадт, чтобы лично выразить Вам,*

---

¹⁹ Цит. по: С.О. Макаров и завоевание Арктики / Отв. ред. В.Ю. Визе. Л. – М. Изд. Главсевморпути. 1943. С. 22.

²⁰ Там же. С. 15.

²¹ *Потапов Ю.П.* Степан Осипович Макаров. Л.: Наука, 1982. С. 156, 157.

²² *Врангель Ф.* Вице-адмирал Степан Осипович Макаров. Ч. II. С. 231–232.

²³ РГА ВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 325. Л. 41 об.

насколько я рад первому успеху большого дела. По разным обстоятельствам в Кронштадт не попал и посмотрю на “Ермак” в Петербурге»²⁴. Врангель просил Макарова сообщить о дате и времени прихода ледокола, чтобы приехать в столицу вместе с женой²⁵.

Весной 1899 г. “Ермаку” еще не раз пришлось демонстрировать свои “бойцовские” качества: в период с 15 по 28 марта он вывел в море 29 пароходов, застрявших во льдах Финского залива²⁶. В связи с этим Врангель писал Макарову следующее: *«Не могу воздержаться от выражения радости Вашим успехам. Какое счастье “для дела”, что замерзли пароходы у Ревеля, что настал лютый мороз, задул свежий ветер, и что при этих-то обстоятельствах юный витязь “Ермак” показал на весь мир свою мощь и добрый нрав. Теперь может случиться и какая-нибудь “осечка”, всегда возможная в новом деле, и уже заглушить его никакая “шушера” не сможет...»*²⁷

4 апреля под бурные овации жителей столицы “Ермак” ошвартовался на Неве²⁸. Однако Врангель в это время находился уже за границей²⁹.

Товарищеская поддержка Ф.Ф. Врангеля

Вскоре Макаров стал готовиться к экспедиции в Арктику. В мае 1898 г. Врангель получил от Макарова предложение участвовать в плавании на “Ермаке”. *“Перспектива пощупать на ледоколе полярные льды меня чрезвычайно манит, и я Вам искренно признателен за Ваше предложение, которое принимаю...”*, – сообщал 19 мая 1898 г. Врангель Макарову³⁰.

Врангель стал собирать инструменты для будущих исследований. Он договорился с начальником Главного гидрографического управления генералом К.И. Михайловым о получении двух батометров, двух серий ареометров Стегера, шести термометров Негретти–Замбра, глубокомера Томсона с “вьюшкой в 1000 саж[еней]. проволоки”, трех хронометров³¹.

---

²⁴ РГА ВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 327. Лл. 13–13 об.

²⁵ Там же.

²⁶ *Потапов Ю.П.* Степан Осипович Макаров. Л.: Наука, 1982. С. 158.

²⁷ РГА ВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 327. Л. 17.

²⁸ *Потапов Ю.П.* Указ. соч. С. 158.

²⁹ РГА ВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 325. Л. 17–18 об.

³⁰ Там же. Л. 21.

³¹ Там же. Л. 24 об.

Однако пойти в плавание на “Ермаке” Врангелю не удалось – его врач “безусловно восстал против такого предприятия”³².

Неудачей закончилась и совместная деятельность Макарова и Менделеева, поскольку, как позднее писал Врангель, “Менделеев не допускал мысли, что он станет в какое-то зависимое положение к адмиралу Макарову”³³. В апреле 1899 г. Макаров, “бледный от волнения”, сообщил Врангелю, что Менделеев и приглашенные им ученые отказываются от участия в экспедиции³⁴. Это грозило провалом всей экспедиции, и потому Врангель решил спасти положение.

Он отправился на квартиру к Менделееву, чтобы убедить его прийти к соглашению с адмиралом Макаровым. Однако два выдающихся человека так и не смогли умерить свои амбиции.

Летом 1899 г. Макаров с небольшой группой ученых совершил два пробных плавания в Арктику – к Шпицбергену. После каждого из них ледокол вынужден был ремонтироваться в Ньюкасле.

В Петербурге известие о вторичном повреждении “Ермака” привело недругов Макарова в восторг: они расценили возвращение “Ермака” как поражение адмирала. Вите отправил Макарову телеграмму с указанием ожидать прибытия специальной комиссии по выяснению обстоятельств аварии ледокола. Председателем комиссии был назначен давний оппонент Макарова контр-адмирал А.А. Бирилев³⁵.

В этой труднейшей для Макарова ситуации Врангель постарался поддержать и защитить его. 26 августа в письме Макарову Врангель, в частности, писал следующее: *“Хотя здесь Ваши недруги и торжествуют, но, по моему мнению, напрасно... Желаю Вам успеха в деле, осуществимость которого для меня теперь не подлежит сомнению”*³⁶.

27 августа 1899 г. Врангель опубликовал в “St. Petersburger Zeitung” заметку с изложением сведений о плавании “Ермака”, полученных им в письме (очевидно, от самого Макарова)³⁷.

Через три дня Врангель отправил очередное письмо Макарову. В нем он, в частности, писал о вещах неприятных. *«В Академии наук Вы всех восстали против себя тем, что обещали*

---

³² Врангель Ф. Вице-адмирал Степан Осипович Макаров... С. 265.

³³ С.О. Макаров и завоевание Арктики... С. 23.

³⁴ Там же. С. 24.

³⁵ Потапов Ю.П. Степан Осипович Макаров. Л.: Наука, 1982. С. 161–162.

³⁶ РГА ВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 325. Л. 22–23 а.

³⁷ Wrangell F. [Einem Privatbriefe von “Jermak”...] // St. Petersburger Zeitung, N 239, Freitag, d. 27 August 1899.

больше, чем сдержали – они считают, что Вы их “подставили”, и бранили Вас еще до Вашей неудачи – а теперь говорят “по делом”. В Геогр[афическом] Общ[естве] также, как в Морск[ом]. Мин[истерстве]. я не встретил сочувствия... Кроме меня самого, я еще защитников “Ермака” не встречал... »³⁸.

31 августа 1899 г. Бирилев выехал в Англию. Узнав об этом, Врангель отправил министру финансов С. Ю. Витте письмо в защиту Макарова, подписав его своим именем с прибавкой “бывший профессор океанографии в Морской академии”. В этом письме Врангель высказал свои доводы в пользу того, что “главный вопрос – о возможности бороться летом с полярными льдами – надо считать решенным утвердительно, что ошибки в конструкции легко устранимы и что было бы несчастьем, если бы дело, имеющее для нас государственное значение, было бы затерто вследствие неудачи, неизбежной в новом деле”³⁹. Об этом письме Врангель сообщил Макарову значительно позже.

12 сентября 1899 г., получив длинное письмо от Макарова, Врангель сообщил ему в своем ответе, что уезжает в Берлин. *«Желаю Вам спокойствия и умеренности в борьбе с противниками, которых Вы теперь грудью побороть не можете, а лишь временем и силою аргументов, – подбадривал Врангель Макарова, не забыв одновременно указать адмиралу на его ошибку. – Ошибка Ваша заключалась в том, что по постройке “Ермака” и после удаче в Балт[ийском] море захотели непременно сразу проскочить через полюс и хвалились легкой победою. Я понимаю, что без некоторого тат-тат Вы бы не подбили часть обществ[енного] мнения, а через нее и Витте, на жертву миллионов. Но после первой удаче надо было стать сдержаннее на слова...»⁴⁰*

Заграничная переписка: Германия–Англия

Вскоре Врангель с супругой уже были в Берлине, где Фердинанд Фердинандович принял участие в работе отделения океанографии VII Географического конгресса. Уже 15 сентября 1899 г. Макаров направил Врангелю в Берлин свой ответ с возражениями. Он, в частности, писал следующее: “...*Ошибка моя в том, что я хотел все испытания окончить в одно лето, и в начале*

---

³⁸ РГА ВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 325. Л. 25–26.

³⁹ Там же. Л. 66.

⁴⁰ РГА ВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 325. Л. 31–32 об.

предполагалось, что я лишь в конце июля ст[арого] ст[иля] уйду из Карского моря и пойду на N.

Меня сильно огорчают Ваши предположения о моей хвастливости; я похвастался лишь одним, что отстранил шушера, а теперь шушера взяла верх и мне опять много хлопот с ней...”⁴¹.

Далее Макаров просил Врангеля переговорить с П.П. Семеновым, также находившимся в Берлине на конгрессе, чтобы он устроил Макарову “эффектное чтение” (публичную лекцию. – В.С.) после его прибытия в Петербург. Макаров сообщал, что он послал Семенову краткую записку о плавании “Ермака” по-русски и по-немецки. Такую же записку на немецком языке Макаров послал и сэру Д. Меррею, также делегату конгресса, в прошлом – руководителю экспедиции на “Челленджере”, который был “расположен к идее ледокола”. Макаров спрашивал Врангеля, не возьмется ли он познакомить “общество” с его запиской⁴².

28 сентября 1899 г., после выступления Д. Меррея, Ф. Нансен, председательствовавший в отделении океанографии, предоставил слово Врангелю, который сделал сообщение на немецком языке о ледоколе “Ермак”. На следующий день Врангель в очередном письме Макарову отмечал, в частности, следующее: *“...Я чрезвычайно рад, что все так сложилось (<...> могу сказать, не случись я там при этих обстоятельствах, этой публичной защиты Вашей идеи в таком компетентном собрании не было бы (<...>”⁴³.*

Макаров, получив и прочитав это письмо, очень обрадовался. Он тут же написал ответ Врангелю, в котором от души благодарил его за сообщение на конгрессе и вновь просил склонить Семенова к “большой лекции”⁴⁴.

Далее Макаров сообщал о ходе работы над подготовкой книги о “Ермаке” и спрашивал Врангеля, не может ли он вызвать к себе агента издательства Брокгауза из Лейпцига для переговоров и не возьмется ли Врангель редактировать текст рукописи, поручив кому-нибудь сделать перевод⁴⁵.

В конце работы Географического конгресса его делегаты отправились в Гамбург. Врангель поехал туда в одном вагоне с сэром Д. Мерреем и принцем Альбертом I Монакским, известным океанографом. Врангель показал попутчикам фотографии

---

⁴¹ С.О. Макаров. Документы. Т. 2. С. 314.

⁴² Там же. С. 315.

⁴³ РГА ВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 325. Л. 33 об.–34.

⁴⁴ С.О. Макаров. Документы. Т. 2. С. 315.

⁴⁵ Там же. С. 317.

ледокола “Ермак”, присланные Макаровым, и сообщил о том критическом положении, которое сложилось после аварии ледокола из-за изменившегося отношения Витте и большей части общества в России к делу полярных исследований. Врангель отметил, что помочь делу могли бы лучше всего те иностранные ученые, которые видели “Ермак” после получения пробоины, “знакомы с полярными льдами и имеют вес”.

После таких слов сэр Д. Меррей пообещал сделать все, что может. Принц Альберт I продолжил этот разговор позже. Вечером, во время приема Сенатом делегатов конгресса в ратуше, он подошел к Врангелю и сообщил о том, как собирается помочь Макарову: Альберт I решил написать российскому посланнику в Париже, которого хорошо знает, и запросить у него, будет ли в ближайшее время “Ермак” отправлен в Карское море. Свой интерес принц решил объяснить тем, что в скором времени хотел бы организовать экспедицию в “Полярное море” и использовать для этого ледокол “Ермак”. Врангель искренно поблагодарил “милого принца”, но попросил его, помимо посла, написать непосредственно Витте⁴⁶.

29 сентября 1899 г. Макаров писал Врангелю: “...радуюсь, что в лице принца Монакского приобрел доброжелателя... Он большой работник по океанологии, иметь такого друга приятно”⁴⁷.

Кроме того, Макаров благодарил Врангеля за то, что тот берется сделать перевод его труда, уточнив, что это будет не брошюра, а книга в 500 стр.⁴⁸

Отвечая на последнее письмо Макарова, Врангель поспешил оговориться, что предложил свои услуги по переводу брошюры, предполагая, что она по объему будет меньше печатного листа. Врангель отмечал, что перевод книги на себя взять не может, но готов его “проредактировать”, если перевод сделает лицо, знающее немецкий язык. Не брался Врангель и за ведение переговоров с издательством об издании такого объемистого сочинения, как книга, притом снабженная иллюстрациями⁴⁹.

Барон решил положить конец взаимным упрекам. “*Не будем считаться ошибками, а то, пожалуй, и наши добрые отношения пошатнутся, о чем бы я глубоко пожалел*”, – писал Врангель⁵⁰.

---

⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 325. Л. 65–66.

⁴⁷ Врангель Ф. Ф. Степан Осипович Макаров... Т. 2. С. 317.

⁴⁸ Там же. С. 320.

⁴⁹ РГА ВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 325. Л. 36–37.

⁵⁰ Там же. Л. 37 об.

4 октября 1899 г. комиссия Бирилева закончила работу. Общий смысл подписанного акта передает следующая фраза: «... Ледокол “Ермак” как судно, назначенное для борьбы с полярными льдами, непригодно, по общей слабости корпуса и полной своей непригодности к этому роду деятельности»⁵¹.

Это был очень сильный удар по авторитету Макарова. Но Степан Осипович не сдавался. Он энергично работал над книгой “Ермак” во льдах”, готовил ответ Бирилеву с опровержениями положений акта комиссии. 5 октября 1899 г. Макаров сообщал Врангелю, что в ближайшие дни заканчивает все дела в Англии и будет возвращаться в Кронштадт. Он собирался проехать через Берлин, где надеялся встретиться с Врангелем⁵².

Впоследствии Врангель вспоминал следующее: *«19/31 октября Макаров, проездом в Россию, остановился в Берлине, где мы, совместно работая не покладая рук, просмотрели рукопись его сочинения “Ермак” во льдах”, которую он действительно успел к тому времени окончить.*

Надо было, воистину, удивляться той силе воли и несокрушимой настойчивости, благодаря которым Макаров был способен составить текст, собрать и сгруппировать таблицы и чертежи сочинения в 507 печатных страниц, при таких угнетающих условиях, где у обыкновенного человека пропадает всякая дееспособность и опускаются руки.

Окончив просмотр рукописи, мы вместе съездили в Лейпциг к Брокгаузу, с которым я уже был раньше знаком, как с издателем одного из моих сочинений...»⁵³

Из Германии в Петербург

Макаров уехал в Петербург. 23 октября 1899 г. Врангель написал адмиралу очередное письмо. В нем он сообщал, что его сегодняшняя берлинская лекция о плавании “Ермака” будет в извлечениях напечатана в “главнейших немецких газетах” и полностью в одном из научных журналов, который через две недели “окажется в руках ученого мира”.

Далее Врангель посвятил немало строк сути своих взаимоотношений с Макаровым: *“...До сих пор мои отношения с Вами были прекрасные, но я думаю потому, что связь была совершенно свободная. Я интересовался Вашими работами, когда пред-*

⁵¹ Цит. по: С.О. Макаров и завоевание Арктики... С. 31.

⁵² Врангель Ф.Ф. Степан Осипович Макаров... Т. 2. С. 320.

⁵³ РГА ВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 325. Л. 40–40 об.

ставлялся случай содействовал им и находил большое удовольствие в обществе личности столь выдающейся во многих отношениях как Вы. Независимость моя была не только материальная, но и нравственная, в том отношении, что о каждом вопросе мог говорить, что думал и как хотел. Если я войду в какое-либо определенное отношение **помощника** к Вам, вместо друга, при случае Вам **помогающего** по мере своих сил, то я предвижу скорый конец нашей дружбы, которой я дорожу. Наши взгляды, приемы, личности, слишком различны, и мы оба слишком долго находились в положении начальствования, чтобы из такой связи, где в конце концов мне бы приходилось подчиняться Вашему решению, даже не одобряя его, вышло бы скрепление нашей дружбы. {...} Просто-напросто я в подчиненное положение не гожусь, а в данном случае по существу был бы в нем. Простой перевод за плату (где дело не требует суждения), я делал и буду делать, но подчиняться не могу. Мне даже неприятно, что Вы в Вашем предисловии употребили выражение, которое у читателя может вызвать ошибочное представление о наших взаимных отношениях. Вы говорите – “для назначенного очерка **я выбрал Бар[она]. Вр[ангеля]**. Это звучит, как будто из числа лиц, которыми Вы могли распорядиться, Вы выбрали меня!..⁵⁴.

На это письмо Макаров ответил Врангелю 30 октября 1899 г., в частности, указав, что “...я сделал еще одну большую неловкость относительно Вас”⁵⁵.

31 октября “Ермак” вышел из Ньюкасла в Кронштадт, куда прибыл 5 ноября. Вскоре ледокол оказал помощь пароходам и крейсеру “Громобой”, затертым льдами в Морском канале, ходил к острову Гогланд для оказания помощи броненосцу “Генерал-адмирал Апраксин”, выскочившему на камни⁵⁶. Эти успешные действия ледокола “Ермак”, публичные выступления Макарова, в том числе и в печати, ослабляли позиции его врагов...

6 декабря 1899 г. вице-адмирал Макаров был назначен главным командиром Кронштадтского порта и военным губернатором Кронштадта⁵⁷. В начале 1900 г. состоялась встреча Макарова с императором Николаем II. Царь выразил желание, чтобы Макаров прочел лекцию в Зимнем Дворце для императорской

---

⁵⁴ Там же. Л. 41–41 об.

⁵⁵ Там же. Л. 120–121 об.

⁵⁶ С.О. Макаров и завоевание Арктики... С. 32.

⁵⁷ *Потанов Ю.П.* Степан Осипович Макаров... С. 214.

семьи. 7 января 1900 г. адмирал сообщил об этом Врангелю, отметив также, что дело “Ермака” идет хорошо⁵⁸.

В ответном письме Врангель поспешил выразить свою радость и надеялся после успешного лечения и скорого возвращения в Петербург встретиться с Макаровым и “порасспросить обо всем”⁵⁹.

Отстранение С.О. Макарова от ледокольных дел

В феврале 1900 г. Врангель уже был в Петербурге. 26 февраля он писал Макарову о том, что получил свою “берлинскую лекцию” (оттиск. – В.С.) и письмо переводчицы М.В. Розенберг, в которой она сообщала, что выслала на имя Макарова “конец главы о льдах”. Зная, что Макаров не имеет возможности прочитать этот материал, Врангель просил переслать его ему.

Далее Врангель писал о том, что Розенберг прислала счет на сумму 100 марок, из которых он решил заплатить 64 марки, если Макаров заплатит 36. *“Привлекаю Вас к расходу потому, что единственная причина, побудившая меня поторопиться заказом перевода, было желание дать Вам возможность цитировать Дригальского в Вашем сочинении, издание которого Вы торопили.*

Что-нибудь извлеку и для себя, а потому справедливо, чтобы и я заплатил большую часть, за рукопись”, – отмечал Врангель в конце письма⁶⁰.

Следует отметить, что Макаров последовал советам Врангеля и использовал в труде «“Ермак” во льдах», в главе XVII (“Заметки по ледоведению”) данные из книги Э. Дригальского⁶¹.

15 марта 1900 г. в очередном письме Макарову Врангель остановился на терминологии для использования ее в книге о “Ермаке”. Он отмечал, что *“если уж нам приходится сочинять новые технические термины, то нет причины вводить слова нерусские”*⁶².

Между тем, в январе–марте 1900 г. при помощи ледокола “Ермак” был спасен броненосец “Генерал-адмирал Апраксин” стоимостью 4,5 млн руб. Адмирал П.П. Тыртов, который еще не

---

⁵⁸ РГА ВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 325. Л. 126–127.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. Л. 55.

⁶¹ См.: Макаров С.О. «“Ермак” во льдах» / В книге: «С.О. Макаров и завоевание Арктики»... С. 149.

⁶² РГА ВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 325. Л. 57.

так давно “не видел пользы” в строительстве ледокола, теперь вынужден был благодарить Витте за предоставление в его распоряжение “Ермака”.

Решающее заседание комиссии адмирала Н. М. Чихачева по вопросу использования ледокола “Ермак” состоялось 20 апреля 1900 г. Макаров настаивал на том, что следует обязательно испробовать “Ермак” в полярных льдах после перестройки. Однако это ему не удалось. Комиссия постановила, что представляется желательным не подвергать ледокол опасностям в полярных морях и этой же осенью начать действия в Балтийском море.

1 мая 1900 г. “Ермак” ушел в Англию, в Ньюкасл, где его ремонтировали и переделывали носовую часть до начала января 1901 г.⁶³

В начале февраля 1901 г. Врангель, находившийся после лечения в Ментоне (Франция), получил очередное письмо от Макарова с сообщением о выходе в свет книги «“Ермак” во льдах». 24 февраля 1901 г. Врангель писал, что очень рад этому событию и советовал своему другу *“продать все немецкие издания Speman’у или Brockhouse”*⁶⁴.

В следующем письме адмирал просил Врангеля просмотреть корректуру немецкого издания «“Ермака” во льдах». Врангель же сообщил ему, что собирается вскоре ехать в Италию и Австрию, а в мае – через Одессу, Николаев, Севастополь – в Петербург. *“Конечно, я всегда готов просмотреть корректуру немецкого издания, но как это организовать – не знаю”*, – писал Врангель Макарову⁶⁵.

31 марта 1901 г. Врангель из Италии сообщал Макарову, что известный гидрограф вице-адмирал Маньяни просил передать Степану Осиповичу восхищение его трудами и о желании иметь труд С.О. Макарова “Об обмене вод Черного и Средиземного морей”. Врангель передавал также просьбу Маньяни сообщить ему о выходе немецкого издания “ледокольного сочинения” Макарова⁶⁶.

Практически одновременно с письмом Врангеля Макаров получил отрицательный ответ С.Ю. Витте на свое предложение об организации экспедиции к Новой Земле. Однако и в этой ситуации Макаров не сдался. 7 апреля он написал Витте новое письмо, в котором вновь изложил свои доводы в пользу плавания “Ермака”

---

⁶³ С.О. Макаров и завоевание Арктики... С. 34–35.

⁶⁴ РГА ВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 325. Л. 67.

⁶⁵ Там же. Л. 68.

⁶⁶ Там же. Л. 69–70.

в Арктике. 4 мая 1901 г. Витте вынужден был доложить царю о предложениях Макарова. Решение Николая II Витте сформулировал так «... возложить на вице-адмирала Макарова поручение исследовать летом настоящего года на ледоколе “Ермак” путь по северную сторону Новой Земли и одновременно произвести определение западного берега этого острова»⁶⁷.

В период с 27 мая по 14 июня 1901 г. “Ермак” совершил плавание по маршруту: Ньюкасл – Тромсё – Шпицберген (где оказал помощь экспедиции по градусному измерению) – Тромсё. Сюда прибыл Макаров, который 21 июня возглавил поход ледокола к Новой Земле. С 8 июля по 6 августа “Ермак” находился в ледовом плену в 60 милях к западу от Северной Сульменевой губы Новой Земли. После этого “Ермак” направился к Земле Франца-Иосифа, откуда вернулся к Новой Земле. 20 августа 1901 г. ледокол возвращался в Тромсё.

По итогам этого плавания, признанного неудачным, Николай II принял решение ограничить деятельность “Ермака” проводкой судов в Балтийском море и передать его в ведение Комитета по портовым делам, освободив вице-адмирала Макарова от обязанностей по “опытным плаваниям” во льдах. Так, на многие годы была похоронена идея Макарова об исследовании арктических морей с помощью ледоколов⁶⁸.

В этой связи весьма интересно рассуждение Врангеля относительно использования ледоколов для полярных исследований и поразительно его пророчество: *«...Сдается мне, что когда в близком будущем обновленная Россия развернет во всей своей мощи неисчерпаемые силы ее народа, использует непочатые сокровища ее природных богатств, то смелая мысль русского богатыря Макарова будет осуществлена.*

Будут сооружены ледоколы, способные проходить среди льдов Ледовитого моря так же свободно, как проходит “Ермак” по льдам Финского залива, которые до него были также непроходимы.

Омывающий наши берега Ледовитый океан будет исследован вдоль и поперек русскими моряками, на русских ледоколах, на пользу науки и на славу России.

Экономические же выгоды, которые со временем извлечет Россия из этой победы человека над стихией, предвидеть в частности нельзя; однако история человечества доказывает, что всякое обогащение науки окупается сторицею, – не говоря

---

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ С.О. Макаров и завоевание Арктики... С. 36–37.

о том нравственном значении, которое имеет в жизни народа готовность и способность ее сынов подвергать себя и лишениям, и опасностям во имя идеи. Общество, воспитавшее в своей среде дух пытливости, предприимчивости и отваги, еще юно, бодро, мужественно.

*Слава народа создается не одними военными подвигами*⁶⁹.

Последние годы переписки

В тяжелый для адмирала Макарова период Врангель прислал ему очередное письмо (от 25 октября 1901 г.) с благодарностью за присланный труд «“Ермак” во льдах»: *“Сердечно Вам благодарен за экземпляр Вашего труда, с надписью, которую я высоко ценю...”*⁷⁰.

Несколько ранее, в августе 1901 г., в “Морском сборнике” была опубликована обширная рецензия Врангеля, в которой он охарактеризовал все XXVIII глав книги Макарова. В конце рецензии Врангель отметил, что книга *“поучительна для русского моряка как по важности рассматриваемых в ней вопросов, так и потому, что показывает, каких результатов можно достигнуть при неодолимой энергии, обширном знании и неутомимой любви к труду”*⁷¹.

В 1902–1903 г. переписка между Врангелем и Макаровым по различным вопросам продолжалась. В этот период между ними произошел последний конфликт. В августе 1903 г., когда Врангель находился в Германии, он получил рукопись отзыва Макарова о VIII выпуске “Руководства для плавания из Кронштадта во Владивосток”, которое Врангель редактировал. Строгая критика Макарова нанесла Врангелю “нравственный удар”, от которого он не сразу оправился. 15 августа 1903 г. Врангель написал ответ адмиралу, в котором отметил следующее: *“... Вообще, говоря откровенно, лучшей дружескою для меня услугою было бы, если бы Вы Вашего отзыва вовсе не напечатали <...> Конечно, внутренне не одобряя книги, Вы и не могли написать критики, в которой по тону не было бы видно неодобрения <...>.*

⁶⁹ Врангель Ф. Вице-адмирал Степан Осипович Макаров. Ч. 2. СПб. 1913. С. 403–405.

⁷⁰ РГА ВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 325. Л. 71.

⁷¹ Врангель Ф. “Ермак во льдах”. Описание постройки и плаваний ледокола “Ермак” и свод научных материалов, собранных в плавании. В 2 частях с 152 рисунками, чертежами и картинами и с 5 картами. Составил вице-адмирал С. Макаров // Морской сборник. Т. CCCV. 1901. № 8, библи. С. 9–53.

В свое оправдание могу сказать, что до сих пор и до меня, и до моих сотрудников доходило много признателей трудов и лишь один упрек: что книга издается слишком медленно.

Я же надеялся употребить мой досуг, мои знания даровать на то, чтобы при содействии достойных добрых людей облегчить нынешним молодым морякам их трудную службу.

Найду работу другую и буду рад, если начатое мною дело будет доведено до конца более умело...”⁷².

Однако уже на следующий день, 16 августа 1903 г., Врангель, знавший самолюбивый нрав адмирала, но не желавший ссориться с ним, написал Макарову новое письмо. В нем Врангель просил адмирала составить небольшую брошюрку – “практический совет штурману при плавании на паровом судне из Кр[онштадта]. во Вл[адивосток]. и обратно”. “Кроме Вас, я никого и не знаю, который бы мог толково составить такую вещь”, – констатировал Врангель⁷³.

Вскоре он получил ответ Макарова, который его в некоторой степени успокоил. 9 сентября 1903 г. Врангель написал адмиралу письмо, которое, по всей видимости, стало последним его посланием Макарову:

“Глубокоуважаемый Степан Осипович,

Письмо Ваше получил и спешу высказать Вам, что оно послужило мне отрадной порукой того, что наши многолетние добрые отношения не пострадают от критического инцидента.

Если Вы несколько смягчите или пригладите указанные мною места, так что читатель вынесет впечатление, что для наших моряков сделано доброе дело, то я буду признателен (<...> мое решение не продолжать дело давно назревало, и лишь тщетные поиски заместителя да самообольщение, что я принесу флоту пользу и заслужу спасибо, удерживали меня. Охота прошла, и я считаю себя связанным лишь по отношению к написанным уже частям...”⁷⁴.

В конце письма Врангель писал о том, что после напряженной работы последних восьми месяцев с удовольствием отдыхает, чувствует себя бодро и по горам ползает “молодцом”⁷⁵.

Макаров опубликовал свою рецензию на первую часть выпуска VIII “Руководства для плавания из Кронштадта во Владиво-

---

⁷² РГА ВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 325. Л. 78–79.

⁷³ Там же. Л. 80–81.

⁷⁴ Там же. Лл. 82–82 об.

⁷⁵ Там же. Л. 83.

сток” в “Морском сборнике”. Он значительно смягчил прежние формулировки⁷⁶.

В целом же Макаров дал высокую оценку рецензируемого выпуска: *“В общем можно сказать, что VIII выпуск содержит много весьма ценных данных по лоции, гидрологии и метеорологии Индийского океана. Главное гидрографическое управление и составители книги с бароном Врангелем во главе заслуживают глубокую признательность моряков за этот крупный вклад по лоции”*⁷⁷.

Ф.Ф.Врангель – первый биограф вице-адмирала С.О. Макарова

Смерть адмирала С.О. Макарова стала тяжелым ударом для Врангеля. Он был одним из немногих людей, кто хорошо знал выдающиеся способности и огромный потенциал Степана Осиповича, кто не завидовал его карьере и славе, кто старался подставить “адмиралу-выскочке” не подножку, а плечо и, в то же время, мог по-дружески покритиковать Макарова.

Опубликовав уже в июле 1904 г. статью “Памяти Степана Осиповича Макарова”, Врангель позднее решил составить первую биографию покойного флотоводца и ученого. Подолгу проживая за границей, Врангель во время своих приездов в Петербург собирал материалы о жизни и деятельности Макарова, обращался с запросами к близко знавшим адмирала людям, использовал архив Степана Осиповича, которым ему разрешила пользоваться вдова покойного, Капитолина Николаевна Макарова.

В своем сочинении Врангель широко использовал свою переписку с Макаровым и его труды. Он старался нарисовать реальный портрет адмирала Макарова – человека, моряка, неутомимого труженика, самородка, ученого. Однако Врангель отнюдь не собирался делать из Макарова икону. Он правдиво отмечал и слабые стороны в характере Макарова.

В своей книге Врангель впоследствии так писал о болезненном самолюбии Макарова: *“Его чрезмерное самолюбие затемняло его ясное суждение, как только ему казалось, что его заслуги не достаточно ценят. В виду этой слабости я ему, по дружески шутя, говаривал, что он делит людей на хороших – которые с*

---

⁷⁶ С.М. Руководство для плавания из Кронштадта во Владивосток и обратно. Выпуск VIII. Часть I. Издание Главного гидрографического управления. С.-Петербург. 1903 // Морской сборник. Т. СССХІХ. 1903. № 11, библ. С. 2.

⁷⁷ Там же. С. 7.

ним согласны, и дурных, которые ему мешают проводить свои идеи”⁷⁸.

Врангель пишет и о постоянных трудностях, с которыми сталкивался Макаров в разные годы жизни.

Отрывки из биографии Макарова, подготовленной Врангелем, в 1910, 1911 и 1912 гг. печатались в “Морском сборнике”. Полностью труд “Вице-адмирал Степан Осипович Макаров”, по распоряжению Главного морского штаба, был опубликован в двух частях – в 1911 и 1913 гг., общим объемом 867 стр. В приложениях к книге Врангель поместил библиографический список сочинений С.О. Макарова и библиографический список сочинений, посвященных описанию его деятельности⁷⁹.

В 1914 г. труд Врангеля был представлен на соискание премии имени графа С.С. Уварова Петербургской Академии наук. Отзыв о двухтомнике был составлен ординарным академиком князем Б.Б. Голицыным (в прошлом – одним из слушателей Врангеля в Николаевской морской академии).

Всего на конкурс были представлены 10 сочинений десяти авторов. Многие из них представили сочинения объемом два и более томов. 25 сентября 1914 г. на торжественном заседании Императорской Академии наук были оглашены результаты 56-го присуждения наград графа Уварова. Труды Врангеля и В.А. Пархоменко были удостоены почетных отзывов “за неимением более денежных премий” (их было всего три: большая – 1500 руб. и две малых – по 500 руб.)⁸⁰.

Следует отметить, что труд Врангеля стал базовым для последующих исследователей жизни и деятельности С.О. Макарова, поэтому самого Фердинанда Фердинандовича вполне уместно называть первым биографом вице-адмирала.

---

⁷⁸ Врангель Ф.Ф. Вице-адмирал Степан Осипович Макаров. Ч. II. СПб., 1913. С. 435.

⁷⁹ Там же. С. 549–550.

⁸⁰ Отчет о пятьдесят шестом присуждении наград графа Уварова // Записки Российской Академии наук. Т. XIII. № 2. Пг., 1918. С. 1–2.

Последние годы жизни

В 1897 г. Г.А. Гольденберг издал “Альманах современных русских государственных деятелей”, в котором были помещены биография директора Императорского Александровского лицея барона Ф.Ф. Врангеля и его небольшая фотография¹. Однако ко времени выхода в свет этой замечательной книги Врангель уже находился “не у дел”.

После ухода в отставку с поста директора Лицея летом 1896 г. судьба отвела Врангелю еще более 20 лет активной жизни. Шесть лет он вместе с женой проживал в Финляндии, в собственном доме на станции Куоккала Финляндской железной дороги² (ныне – пос. Репино Курортного района Санкт-Петербурга). При этом они периодически выезжали за границу – в Германию (на лечение), Францию, Италию, Англию и другие европейские страны. Ненадолго приезжая в Петербург, Врангель проживал на Фонтанке, д. 29.

В конце XIX в. Врангель был членом комиссии Петербургской Академии наук по организации Русской полярной экспедиции (1900–1903 гг.). Участники экспедиции, которой руководил Э.В. Толль, в 1901 г. назвали в честь Ф.Ф. Врангеля один из мысов Таймырского п-ова (Карское море)³.

С августа 1904 г. и до конца 1907 г. Врангель находился за границей – “в чужих краях”⁴. Вернувшись в Россию, постепенно приходившую в себя после революционных потрясений, он по случаю свадьбы близкого ему человека отправился в Юрьев (Дерпт), где не был со времени обучения в университете. Съездил

¹ Альманах современных русских государственных деятелей. СПб. 1897. С. 894, 895.

² Состав Императорского Русского географического общества. По 31 декабря 1897 г. СПб. 1898. С. 19; Там же. По 15 апреля 1902 г. СПб. 1902. С. 21.

³ Масленников Б.Г. Морская карта рассказывает / Под ред. Н.И. Смирнова. 2-е изд. М.: Воениздат. 1986. С. 64.

⁴ Врангель Ф. В обновленной России: Впечатления. Встречи. Мысли. СПб., 1908. С. 3.

он и в имение Руйль. “...Старый деревянный дом, часть которого построена, по преданиям, еще в XVII веке, с его многочисленными пристройками и флигелями, служил кровом стольким поколениям моих предков, в нем скоплено столько семейных воспоминаний и традиций, что сердце дрогнуло при мысли как близка была опасность, чтобы все это погибло от рук озверевшей, неразумной толпы!” – с болью писал Врангель⁵.

В последующие годы немолодой уже Врангель и его супруга практически постоянно проживали за границей. Так, например, в 1907 г. Врангель жил в Дрездене (Германия)⁶, в 1910 г. – в Ментоне (Франция)⁷, в 1913 г. – в Асконе (Швейцария)⁸.

Как уже отмечалось, на рубеже XIX–XX вв. Фердинанд Фердинандович активно сотрудничал с морским ведомством, в частности, с Главным гидрографическим управлением. Он являлся редактором “Записок по гидрографии”, редактором и одним из основных составителей восьми частей “Руководства для плавания из Кронштадта во Владивосток и обратно”. Кроме того Врангель активно сотрудничал с “Морским сборником”, в котором опубликовал немало статей.

Находясь за пределами России, Врангель, тем не менее, живо интересовался всем, что происходит на родине. Он старался поддерживать переписку с людьми, которых давно и хорошо знал, старался воздействовать на те или иные явления в общественной, научной и культурной жизни России.

После начала Первой мировой войны (август 1914 г.) Врангель, по сути, был отрезан от России линией фронтов. В 1914–1918 гг. он мог судить по положению на родине только на основе публикаций в периодических изданиях. Это помогало Врангелю готовить свои публицистические труды о войне и революции, в которых он в значительной степени опирался на солидный, накопленный к 70 годам жизни, багаж знаний.

Однако годы и недуги брали свое. 3 декабря 1919 г. Фердинанд Фердинандович Врангель скончался и был похоронен в Асконе (Швейцария) на местном кладбище⁹. Он не дожил до своего 76-летия меньше двух месяцев.

⁵ Там же. С. 92.

⁶ Состав Императорского русского географического общества. По 1-е июля 1907 г. СПб., 1907. С. 26.

⁷ Состав Императорского русского географического общества. По 1-е сентября 1910 г. СПб., 1910. С. 28.

⁸ Состав Императорского русского географического общества. По 1-е января 1913 г. СПб., 1913. С. 31.

⁹ Болгурицев Б.Н., Грибанов О.Л., Корякин О.Л. и др. История Гидрографической службы. Т. 4. СПб., 1997. С. 79.

Отдаленность Врангеля от родины, смена в России общественно-политического строя, идеологией которого стала нетерпимость к “буржуям” и “фон-баронам”, идущая в стране гражданская война, привели к тому, что на родине о его смерти не было опубликовано никаких сообщений.

Вдова Фердинанда Фердинандовича, Аделина Минна Врангель пережила мужа на 15 лет. Она скончалась 31 декабря 1934 г. там же, в Асконе¹⁰.

---

¹⁰ Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. Bd. 1. Lief. 6–9. Riga [1931–1935]. С. 596.

Заключение

Прочитав монографию, читатель, вероятно, оценил масштаб личности Фердинанда Фердинандовича Врангеля. К сожалению, многое в его жизни еще остается неизвестным, особенно период жизни за границей, и потому автор не считает свое исследование исчерпывающим.

Тем не менее и то, что нам уже известно, свидетельствует о многом. Фердинанд Фердинандович Врангель являлся одним из самых высокообразованных моряков Российского императорского флота второй половины XIX в. Он был исследователем Средиземного, Черного и Азовского морей, являлся одним из основоположников отечественной океанографии, был видным метеорологом и гидрографом, изобретателем артиллерийских морских дальномеров и ряда гидрологических приборов. Врангель являлся талантливым воспитателем и педагогом, в течение 13 лет служил в Императорском Александровском лицее, в том числе и в должности директора (1892–1896); через его “руки” прошли сотни будущих юристов, финансистов, военных и государственных деятелей.

Одновременно в течение нескольких лет (1886–1889) Врангель преподавал океанографию в Николаевской морской академии.

Врангель знал семь языков, что позволяло ему оперативно знакомиться с научными трудами и техническими достижениями иностранных ученых и изобретателей. В свою очередь, он был весьма плодотворным автором, перу которого принадлежат более 70 печатных трудов по океанографии, метеорологии, гидрографии, военно-морскому образованию, истории исследований Мирового океана, общественным отношениям – книг, научных статей, переводных работ, рецензий и т.п., опубликованных как в России, так и за рубежом (в Германии, Швейцарии).

На рубеже XIX–XX вв. Врангель являлся редактором сборника “Записки по гидрографии”, издававшегося Главным гидрогра-

фическим управлением Морского министерства России и существующего до настоящего времени.

С 1872 г. Врангель являлся членом Императорского русского географического общества и неоднократно выступал с докладами по поручению Совета Общества. Кроме того, он был делегатом нескольких международных научных форумов: Венского метеорологического конгресса (1873 г.), Лондонской выставки научных приборов (1876 г.), VII Международного географического конгресса (Берлин, 1899 г.) и лично знал многих выдающихся иностранных ученых – У. Томсона (лорда Кельвина), Ч.У. Томсона и Д. Меррея (Англия), принца Альберта I (Монако), Ф. Нансена (Норвегия) и др.

Врангель в течение многих лет был другом и единомышленником С.О. Макарова; он оказывал ему всемерную поддержку, например, в реализации идеи строительства и применения ледоколов для исследований в Арктике. После смерти Макарова Врангель стал его первым биографом, издав двухтомный биографический очерк (1911 г., 1913 г.).

Ф.Ф. Врангель прожил достаточно долгую жизнь – почти 76 лет. Идеи и мысли Фердинанда Фердинандовича актуальны и поныне: они запечатлены в его обширном научном наследии, которое принадлежит всем нам – гражданам России.

Список трудов Ф.Ф. Врангеля

1866 год

Рапорт лейтенанта барона Врангеля командиру фрегата “Пересвет” / В статье: Опыты измерения больших глубин лотом г. Шнейдера // Морской сборник. Т. LXXXVI. 1866. № 9, ч. неофиц. С. 121–140.

1872 год

Об измерении океанских глубин // Морской сборник. Т. CXXII. 1872. № 9, ч. неофиц. С. 1–39.

1873 год

Экспедиция корвета CHALLENGER // Морской сборник. Т. CXXVII. 1873. № 7, ч. неофиц. С. 23–60.

1874 год

Несколько определений плотности и температуры воды в Черном и Азовском морях // Морской сборник. Т. CXLI. 1874. № 3, ч. неофиц. С. 53–57.

1875 год

По поводу новой теории течений // Морской сборник. Т. CXLIX. 1875. № 8, неофиц. отд. С. 1–25.

О физических исследованиях в Черном и Азовском морях за 1874 год. СПб. 1875 (оттиск из “Морского сборника”. Т. CLI. 1875. № 12, неофиц. отд. С. 9–29).

Прибавление к инструкции для плавучих маяков с наставлением для наблюдений температуры и плотности воды и течения // Морской сборник. Т. CLI. Т. 1875. № 12, неофиц. отд. С. 30–37.

1876 год

Новороссийская бора и её теория. Николаев. 1876.

Über die Ursachen der Bora in Noworossiÿsk [Причины боры в Новороссийске] / Repertorium für Meteorologie. Vol. V. № 4. St. Petersburg. 1876. 10 с.

Über die Ursachen der Bora in Noworossiÿsk [Причины боры в Новороссийске] СПб.: тип. АН. 1876. 10 с.

Глубомер Сименса // Морской сборник. Т. CLVII. 1876. № 11, ч. неофиц. С. 103–113.

1877 год

Мореходные инструменты на Лондонской выставке научных приборов // Морской сборник. Т. CLX. 1877. № 5, неофиц. отд. С. 23–55.

1878 год

Таблицы для определения расстояния по линейной и угловой величине предмета. Николаев. 1878.

1879 год

Об исследовании течений в Чёрном море // Морской сборник. Т. CLXXIII. 1879. № 7, неофиц. отд. С. 97–114.

1881 год

Наш остзейский вопрос. Brockhaus. 1881.

1882 год

Преобразование Морской академии // Морской сборник. Т. CLXXXVIII. 1882. № 2, неофиц. отд. С. 1–23.

О научном изучении предмета // Морской сборник. Т. CLXXXIX. 1882. № 3, неофиц. отд. С. 119–123.

Таблицы для определения расстояния по линейной и угловой величине предмета. СПб. 1882. 79 с.

1883 год

Die Russisch-baltische Frage [Российско-балтийский вопрос]. St. Petersburg – Leipzig. 1883.[61 с.].

Определение расстояний для стрельбы в море // Морской сборник. Т. СХСIV.1883. № 1, неофиц. отд. С. 33–58; № 2, неофиц. отд. С. 33–46.

1885 год

О реформе Императорского Александровского лицея. СПб. 1885.

Объяснительная записка к инструкции господам воспитателям Императорского Александровского лицея. СПб. [1885]

1891 год

Черноморская глубомерная экспедиция 1890 года. СПб. 1891 (оттиск из “Известий ИРГО”. Т. XXVI. 1890. Вып. V. С. 380–397).

Колебания климата. Лекция в Императорском Александровском лицее “В пользу пострадавших от неурожая”. СПб. 1891.

Beiträge zur Kenntniss des Klimas von Korea [К вопросу о знании климата Кореи], von E. Dinklage/Annalen der Hydrographie und maritimen Meteorologie. Organ des. hydrogr. Amtes und der Deutschen Seewarte [Орган гидрографического ведомства и германской морской обсерватории]. Berlin. 1890. H.VIII – X. 1891. H.I // Метеорологический вестник. Т. I. 1891. № 4. С. 195].

1892 год

- Записка о преобразовании системы репетиций в старшем курсе Императорско-го Александровского лицея. СПб. 1892.
- Врангель (барон, Фердинанд Петрович) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VII. С. 337–339.

1897 год

- Современное состояние теории морских течений. СПб. 1897 (оттиск из “Морского сборника”. Т. CCLXXX. 1897. № 7. С. 133–155).
- Неверная формула, получившая право гражданства в науке // Записки по гидрографии. 1897. Вып. XVIII. С. 149–152.
- Граф Фёдор Петрович Литке. 17-го сентября 1797 – 8-го августа 1882. СПб. 1897 (оттиск из “Известий ИРГО”. Т. XXXIII. 1897. С. 331–346).
- Об исследовании Северного Ледовитого океана. Лекция барона Ф.Ф. Врангеля и вице-адмирала С.О. Макарова. СПб. 1897 (оттиск из “Известий ИРГО”. Т. XXXIII. 1897. С. 369–384).

1898 год

- Лоцманские карты Северного Атлантического океана за 1897 год. СПб. 1898 (оттиск из “Записок по гидрографии”. 1898. Вып. XVIII. С. 5–20).
- Лоцманские карты Северного Тихого океана за 1897 г. СПб. 1898 (оттиск из “Записок по гидрографии”. 1898. Вып. XIX. С. 201–215).
- Новый электрический уровнемер. СПб. 1898 (оттиск из “Записок по гидрографии”. 1898. Вып. XIX. С. 132–140).
- Памяти вице-адмирала Виктора Ивановича Зарудного // Морской сборник. Т. CLLXXXIV. 1898. № 2, неофиц. отд. С. 115–123.

1899 год

- Лоцманские карты Северного Атлантического океана за 1898 год // Записки по гидрографии. Вып. XX. 1899. С. 88–91.
- Лоцманские карты Северного Тихого океана за 1898 г. // Записки по гидрографии. Вып. XX. 1899. С. 92–94.
- Сведения о выброшенных в Черном море и найденных на берегу бутылках // Записки по гидрографии. 1899. Вып. XXI. С. 233–237.
- Нижне-босфорское течение, Гольфстрим и бора // Морской сборник. Т. CCXCIV. 1899. № 10. С. 117–131.
- Материалы по гидрологии Черного и Азовского морей, собранные в экспедициях 1890 и 1891 гг. Обработаны полковником И.Шпиндлером и бароном Ф.Ф. Врангелем. СПб. 1899. Приложение к “Запискам по гидрографии”. Вып. XX. 102 с.
- [Einem Privatbriefe von “Jermak” entnehme ich folgende Einzelheiten über seine letzte Fahrt] [Из частного письма с “Ермака” я взял следующие подробности о его последнем плавании] // St. Petersburger Zeitung, № 239, 27 August 1899.
- Über den einheitlichen Gebrauch der Ausdrücke “Specifisches Gewicht” und “Dichtigkeit” des Meerwasser [О единообразном употреблении терминов “удельный вес” и “плотность” морской воды] // Verhandlungen des VII Internationalen Geographen Congresses [Труды VII Международного гео-

графического конгресса] Berlin. 1899. Zweiter Theil. London. Berlin. Paris. S. 365–366.

Methode zur bequemeren Messung von Serial – Temperaturen [Метод более удобного измерения серийных температур] // Verhandlungen des VII Internationalen Geographen – Congresses [Труды VII Международного географического конгресса]. Berlin. 1899. Zweiter Theil. London. Berlin. Paris. S. 367–369.

Теория ветров / В книге: Руководство для плавания из Кронштадта во Владивосток и обратно. Вып. I. Часть общая. СПб. 1899. С. 23–63.

Движения морских вод / В книге: Руководство для плавания из Кронштадта во Владивосток и обратно. Вып. I. Часть общая. СПб. 1899. С. 77–115.

Макаров С.О. “Ермак” во льдах”. – Описание постройки и плаваний ледокола “Ермак” и свод научных материалов, собранных в плавании. СПб. 1901 // Морской сборник. Т. CCCV. 1901. № 8, библиограф. С. 9–52.

1900 год

Главнейшие результаты австро-венгерской экспедиции в Красное море 1895, 96 и 97 годов. СПб. 1900 (оттиск из “Записок по гидрографии”. 1900. Вып. XXI. С. 33–38).

Гольф-Стрим. СПб. 1900 (оттиск из “Записок по гидрографии”. 1900. Вып. XXI. С. 44–93).

Снаряжение промерного парохода “Blake” для якорной стоянки на океанских глубинах по приёмам, выработанным капитаном флота Соединённых Штатов Пильсбери. СПб. 1900 (оттиск из “Записок по гидрографии”. 1900. Вып. XXI. С. 94–104).

Лоцманские карты Северного Атлантического океана за 1899 год. СПб. 1900 (оттиск из “Записок по гидрографии”. 1900. Вып. XXI. С. 152–165).

Лоцманские карты Северного Тихого океана за 1899 г. СПб. 1900 (оттиск из “Записок по гидрографии”. 1900. Вып. XXI. С. 166–172).

Выделение речных осадков в море. СПб. 1900 (оттиск из “Записок по гидрографии”. 1900. Вып. XXI. С. 105–110).

Морское училище и Морская академия в Киле. СПб. 1900 (оттиск из “Морского сборника”. Т. CCCI. 1900. № 11. С. 65–90).

Русская полярная экспедиция. СПб. 1900. (оттиск из “Записок по гидрографии”. 1900. Вып. XXII. С. 95–122).

1901 год

Лоцманские карты Северного Атлантического океана за 1901 г. СПб. 1902 (оттиск из “Записок по гидрографии”. 1902. Вып. XXIV. С. 238–245).

Королевский Гидрографический институт в Генуе. СПб. 1901 (оттиск из “Записок по гидрографии”. 1901. Вып. XXIII. С. 185–191).

Королевская морская академия в Ливорно // Морской сборник. Т. CCCIV. 1901. № 6, неофиц. отд. С. 21–47; Т. CCCV. 1901. № 7, неофиц. отд. С. 27–49.

Увеличение германского флота законами 1898 и 1900 гг. // Морской сборник. Т. CCCV. 1901. № 8, неофиц. отд. С. 17–46.

Организация личного состава германского флота // Морской сборник. Т. CCCII. 1901. № 2, неофиц. отд. С. 51–83.

1902 год

- Организация личного состава итальянского флота // Морской сборник. Т. CCCVIII. 1902. № 1, неофиц. отд. С. 107–114; № 2, неофиц. отд. С. 63–87.
Очерк организации французского флота // Морской сборник. Т. CCCIX. 1902. № 4, неофиц. отд. С. 59–74; Т. CCCX. 1902. № 5, неофиц. отд. С. 99–126; № 6, неофиц. отд. С. 47–57; Т. CCCXI. 1902. № 7, неофиц. отд. С. 79–86.
Памяти Ивана Петровича Клапье-де-Колонга. СПб. 1902.

1903 год

- Барометрическая зыбь // Метеорологический вестник. Т. XIII. 1903. № 7. С. 213–214.
Реформа в английском флоте // Морской сборник. Т. CCCXV. 1903. № 3, неофиц. отд. С. 61–89.

1904 год

- Памяти Степана Осиповича Макарова. СПб. 1904. (отгиск из “Морского сборника”. Т. CCCXXIII. 1904. № 7, неофиц. отд. С. 1–19).

1905 год

- Russlands innere Lage [Внутренняя ситуация в России]. Leipzig. 1905. 24 с.

1906 год

- Английский корреспондент на японской эскадре // Морской сборник. Т. CCCXXXII. 1906. № 1, неофиц. отд. С. 1–4; № 2, неофиц. отд. С. 1–24.
Zum baltischen Problem [Замечания по балтийской проблеме]. Reval. 1906 // “Revaler Beobachter”. 23.07.1906, № 169. 4 с.
Was sollen wir tun? [Что нам следует делать?] Reval. 1906 // “Revaler Beobachter”.

1907 год

- Возрождение нашего флота // Морской сборник. Т. CCCXXXIX. 1907. № 3, неоф. отд. С. 59–68.
Die Baltische Frage in personlicher Beleuchtung [“Балтийский вопрос” в личном освещении]. Reval. 1907. 62 с.
Остзейский вопрос в личном освещении. СПб. 1907.
Die Elemente des russischen Staates und die Revolution [Элементы российского государства и революция]. Leipzig. 1907. 84 с.

1908 год

- Im neuen Russland: Eindrücke, Gespräche, Betrachtungen [В обновленной России: Впечатления, Встречи, Размышления]. Reval. 1908.
В обновлённой России. Впечатления, встречи, мысли. СПб. 1908.
Россия для россиян. Статья в газету. Гранки.[без даты] [РНБ. Отдел рукописей. Ф. 781. Ед. хр. 1598].

1910–1913 годы

Океанографический музей в Монако // Морской сборник. Т. CCCLVIII. 1910. № 6, неофиц. отд. С. 105–136.

Отрывки из биографии Степана Осиповича Макарова // Морской сборник. Т. CCCLXI. 1910. № 11, неофиц. отд. С. 1–37; № 12, неофиц. отд. С. 1–24; Т. CCCLXII. 1911. № 1, неофиц. отд. С. 1–55; № 2, неофиц. отд. С. 1–87; Т. CCCLXIII. 1911. № 3, неофиц. отд. С. 1–12; № 4, неофиц. отд. С. 25–74; Т. CCCLXIV. 1911. № 5, неофиц. отд. С. 1–49; Т. CCCLXVIII. 1912. № 1, неофиц. отд. С. 73–90; Т. CCCLXIX. 1912. № 3, неофиц. отд. С. 65–103; Т. CCCLXXVI. 1912. № 5, неофиц. отд. С. 1–16; № 6, неофиц. отд. С. 1–18; Т. CCCLXXI. 1912. № 7, неофиц. отд. С. 35–51; № 8, неофиц. отд. С. 23–40; Т. CCCLXXII. 1912. № 9, неофиц. отд. С. 83–102; № 10, неофиц. отд. С. 81–102; Т. CCCLXXIII. 1912. № 11, неофиц. отд. С. 95–116; № 12, неофиц. отд. С. 1–7; Т. CCCLXXIV. 1913. № 1, неофиц. отд. С. 27–51; № 2, неофиц. отд. С. 11–39; Т. CCCLXXV. 1913. № 3, неофиц. отд. С. 1–28; № 4, неофиц. отд. С. 15–40; Т. CCCLXXVI. 1913. № 5, неофиц. отд. С. 11–29; № 6, неофиц. отд. С. 17–38; Т. CCCLXXVII. 1913. № 7, неофиц. отд. С. 101–124; № 8, неофиц. отд. С. 1–24; Т. CCCLXXVIII. 1913. № 9, неофиц. отд. С. 9–44; № 10, неофиц. отд. С. 1–24.

Вице-адмирал Степан Осипович Макаров. Ч. 1–2. СПб. 1911, 1913.

1914 год

Warum kämpfen sie?: Eine volkerpsychologische Studie [Почему они ведут борьбу? Народно-психологический этюд]. Zürich. 1914. 60 с.

Ливен [А.А.]. Дух и дисциплина нашего флота // Морской сборник. Т. CCCLXXXIII. 1914. № 8, библиограф. С. 1–7.

1915 год

Internationale Anarchie oder Verfassung [Международная анархия или Конституция]. Zürich. 1915.

1916 год

Die Kulturbedeutung Russlands. Vortrage gehalten vor der zürcher freistudentenschaft von F. Von Wrangell [Культурное значение России. Доклады Ф. фон Врангеля, прочитанные перед цюрихским свободным студенчеством]. Zürich. Art. Inst. Orell Füssli. 1916. 67 с.

1917 год

Russische Rückblicke und Ausblicke [Русские итоги и задачи]. Von F. Von Wrangell. Zürich. Art. Inst. Orell Füssli. 1917 [67 с.]

1918 год

Russlands Zukunft: Polit. Betrachtungen [Будущее России: политические размышления] / Von F. Von Wrangell (Europäus). Zürich. Art. Inst. Orell Füssli. 1918. 112 с.

Опубликованные переводы Ф.Ф. Врангеля

- Основные законы сопротивления воды на суда. Лекция Фруда // Морской сборник. Т. CLX. 1877. № 4, неофиц. отд. С. 69–95. Пер. с англ.
- Annalen der Hydrographie und maritimen Meteorologie IX–XII, 1887 // Записки по гидрографии. Вып. I. 1888. С. 152–155.
- Система течений в Северо-Европейском море (исследование профессора Х.Мона, директора норвежского метеорологического бюро). Пер. с нем. // Записки по гидрографии. 1888. Вып. III. С. 21–67.
- Заметка о Куро-Сиво. Перев. Ф[ердинанда]. В[рангеля].// Записки по гидрографии. 1899. Вып. XX. С. 25–28.

Основные даты жизни и деятельности Ф.Ф. Врангеля

1844, 16 февраля	Родился в городе Санкт-Петербурге
1852, декабрь	Зачислен кандидатом в Морской кадетский корпус
1853–1857	Учился в гимназии в городе Ревеле
1857, 24 августа	Зачислен в Морской кадетский корпус
1859–1862	Плавал по Балтийскому и Северному морям, Атлантическому океану, Средиземному и Эгейскому морям на фрегате “Светлана”, корабле “Гангут” и фрегате “Олег”
1862, 10 сентября	Произведен в мичманы
1862–1864	Слушал лекции в Дерптском университете
1865, 4 апреля	Произведен в лейтенанты
1865–1866	Плавал по Балтийскому и Северному морям, Атлантическому океану, Средиземному и Эгейскому морям на фрегате “Пересвет”
1870	Вступил в брак с Аделиной Минной (Генриховной) Монтегю, 1850 г.р.
1870, ноябрь	Окончил Академический курс морских наук
1871–1872	Командовал винтовой лодкой “Прибой”
1872–1873	Находился в командировке с научной целью в странах Европы и США
1873, сентябрь	Участвовал в работе Венского метеорологического конгресса
1874–1875, 1878	Участвовал в исследованиях Черного и Азовского морей, являясь начальником партии Отдельной съемки северного берега Черного моря
1874, 31 марта	Награжден орденом Св. Станислава 3-й степени “За отлично-усердную службу”
1875, 1 января	Произведен в капитан-лейтенанты
1876	Участвовал в Лондонской выставке научных принадлежностей
1877–1878	В период Русско-турецкой войны являлся флаг-офицером при начальнике отряда судов береговой обороны в городе Очакове
1877, 27 марта	Награжден орденом Св. Анны 3-й степени
1877–1882	Изобретал морские дальномеры для артиллерийской стрельбы и участвовал в их испытаниях на Черном и Балтийском морях
1878, 17 апреля	Награжден темно-бронзовой медалью на Георгиевско-Андреевской ленте в память Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

1879–1883	Являлся воспитателем герцога М.Г. Мекленбург-Стрелицкого
1883, 15 мая	Награжден орденом Св. Станислава 2-й степени
1883–1896	Служил в Императорском Александровском лицее: являлся инспектором воспитанников (1883–1891), директором (1892–1896), преподавателем космографии (1884–1896)
1884	Награжден темно-бронзовой медалью на Александровской ленте в память Священного коронования
1885, 25 февраля	Произведен в капитаны 2 ранга
1886–1889	Преподавал в Николаевской морской академии гидрологию и метеорологию
1886, 20 сентября	Назначен членом Конференции Николаевской морской академии
1886, 30 ноября	Утвержден в звании члена-сотрудника Морского ученого комитета
1887, 12 марта	Произведен в чин коллежского советника
1888, 1 января	Награжден орденом Св. Владимира 3-й степени
1890	Участвовал в Черноморской глубомерной экспедиции
1890, 4 октября	Произведен в чин статского советника по ведомству учреждений императрицы Марии
1892, 1 января	Произведен “за отличие” в действительные статские советники по ведомству учреждений императрицы Марии
1892, 11 января	Награжден малой золотой медалью Русского географического общества за участие в Черноморской глубомерной экспедиции
1892, 21 марта	Назначен директором Императорского Александровского лицея
1894, декабрь	Награжден орденом Св. Станислава I степени
1896, 23 июля	Уволен в отставку по состоянию здоровья
1897–1904	Являлся редактором “Записок по гидрографии”
1899	Участвовал в работе VII Международного географического конгресса (Берлин)
1914, 25 сентября	Удостоен почетного отзыва Российской Академии наук за труд “Вице-адмирал Степан Осипович Макаров”. Ч. 1–2. СПб. 1911, 1913.
1919, 3 декабря	Скончался в Асконе (Швейцария, кантон Тессин)

Перечень фотографий

Адмирал Ф.П. Врангель

Е.В. Врангель (урожд. Россильон)

Ф.Ф. Врангель в детстве (на снимке слева)

Ревель

Адмирал Ф.П. Литке

Морской кадетский корпус (середина XIX в.)

Вице-адмирал Н.В. Копытов

Капитан-лейтенант Ф.Ф. Врангель

Академик Г.И. Вильд

Академик Б.Б. Голицын

Академик О.В. Струве

Великая княгиня Екатерина Михайловна

Михайловский дворец. Фото Л.А. Унрода. 2006 г.

Герцог М.Г. Мекленбург-Стрелицкий в одежде пушкаря времен царя Алексея Михайловича. Фотогравюра с фотографии Ренц и Шрадер. 1904 г.

Здание бывшего Императорского Александровского лицея. Фото А.А. Дуки. 2006 г.

Граф Н.А. Протасов-Бахметев.

Барон Ф.Ф. Врангель. Начало XX в.

Вице-адмирал С.О. Макаров

Вице-председатель Императорского русского географического общества П.П. Семенов

Генерал-майор И.Б. Шпиндлер

Принц Альберт I Монакский

Джон Мёррей

Барон Ф.Ф. Врангель. Дрезден. 1907? г.

В книге помещены фотографии из фондов Центрального военно-морского музея (г. Санкт-Петербург), архива семьи Врангелей (Эстония), архива Института Филиппа (Марбургский университет, Германия), архива Русского географического общества, из книги «Переписка Императора Александра II с Великим князем Константином Николаевичем. Дневник Великого князя Константина Николаевича. М.: «Тerra» – «Тетра». 1994», из альбома «Костюмированный бал в Зимнем Дворце». Т. 1. М.: Издат. дом «Русский антиквариат». 2003

Именной указатель

- Абалакин Виктор Кузьмич** 6
Абих Герман Вильгельмович (1800–1880) 66
Август 72
Агассис Жан-Луи (1807–1873) 62
Адамс Брукс 62
Адамс Генри Брукс (1838–1918) 62
Адамс Джон (1735–1826) 62
Адамс Джон Куинси (1767–1848) 62
Адамс Френсис Чарлз (1807–1886) 62
Азарьев Николай Никанорович (1841–1882) 48
Александра Федоровна, императрица (1798–1860) 16, 20
Александр I (1777–1825) 131, 135
Александр II (1818–1881) 17, 18, 31, 33, 43, 56, 77, 131
Александр III (1845–1894) 95, 104, 122, 124, 126
Александр Михайлович, великий князь (1866–1933) 124
Альберт I, принц Монакский (1848–1922) 157, 155, 172
Андреев Александр Петрович (1820–1882) 40
Андреев Николай Николаевич 138
Андреев Николай Николаевич (?–1888) 24, 25
Андриянов Н. 25
Андрусов Николай Иванович (1861–1924) 141, 144
Антонин, архимандрит (1803–1872) 44
Аркас Николай Андреевич (1816–1881) 64, 65, 69, 84, 85, 87
Арсеньев Дмитрий Сергеевич (1832–1915) 115, 122
Арцыбашев Д. 57
Афанасьев В.И. 47
Баллестрини (Ballestrini) 53
Бершадский Сергей Александрович (1850–?) 127
Биддер Фридрих 33
Бирилев Алексей Алексеевич 155, 156, 159
Бистром К.Р. 87
Блудов Андрей Дмитриевич (1817–1885) 29, 39
Бодин (Baudin) 53, 72
Бойе Алексей Иванович 28
Брауэр Георг Константинович (1816–1882) 89–91, 97
Брокгауз Ф.А. (1772–1823) 7
Брокгауз 157, 159, 162
Бруннов Филипп Иванович (1797–1875) 59–61
Брюкнер Эдуард (1862–1927) 120
Брюммер Фёдор Яковлевич (1819–1889) 92
Бэр Карл Максимович (1792–1876) 150
Бюйс-Балло 57
Вальдемар II (1170–1241) 7
Вашингтон Джордж (1732–1799) 61
Весёлкин Михаил Михайлович 138
Вестман В.И. 55, 59
Виктория, королева (1837–1901) 54, 78
Вильд Генрих Иванович (1833–?) 66–68, 72
Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925) 132

- Витгенштейн Эмилий-Карл Людвигович (1824–1878) 52
- Витте Сергей Юльевич (1849–1915) 152, 153, 155, 156, 158, 162, 163
- Власьев 48
- Воейков Александр Иванович (1842–1916) 120, 140, 141, 145
- Волконский Александр Никитович (?–1878) 21
- Вранг Доминус Туки (Wrang Dominus Tuki) 7
- Врангель (урожд. Монтегю) Аделина Генриховна (1850–1931) 49, 170, 180
- Врангель (урожд. Криднер) Варвара-Шарлотта 8
- Врангель Густав 7, 8
- Врангель (урожд. Фрейман) Доротея-Маргарита-Варвара (1768–1806) 8
- Врангель Доротея Фердинандовна (?–1849) 9
- Врангель (урожд. Россильон) Елизавета Васильевна (?–1854) 9
- Врангель Наталья Фердинандовна (?–1849) 9
- Врангель Пётр (1760–1807) 8
- Врангель Петр Николаевич (1878–1928) 5
- Врангель Фердинанд Петрович (1796–1870) 5, 8, 9, 11, 12, 49, 139, 175
- Врангель (Wrangel, Vngel') Фердинанд Фердинандович (1844–1919) 4–6, 9–11, 14–18, 20–24, 26, 28–32, 34–37, 41–44, 46–67, 69–95, 97–99, 101–104, 106–134, 136–142, 144–169, 171–173, 175, 178, 179
- Вулих Захар Борисович (?–1897) 124, 127, 130, 131
- Гарибальди Джузеппе (1807–1882) 21, 36, 45
- Гартман Николай Николаевич (1825–1892) 104, 106, 115, 120, 122, 124, 126, 127, 145
- Гаспари 53
- Гедин Свен Андерс (1865–1952) 146, 147
- Гейкинг В.М. 15
- Георгий Александрович, великий князь (1871–1899) 124
- Гербст Василий Федорович (1842–1908) 83–85, 87–89, 91, 93
- Герцен Александр Иванович (1812–1870) 31
- Гижицкий Александр Степанович 137
- Глазенап Богдан Александрович (1811–1892) 11, 12
- Глейшер Джон 55, 57, 60
- Голицын Борис Борисович (1862–1916) 121, 167
- Гольденберг Г.А. 168
- Гольштейн-Глюксбургский Карл 24
- Горлов 62
- Горчаков Александр Михайлович (1798–1883) 106
- Гоц Наталья Алексеевна 6
- Грайе Буке, де ла (Bouquet de la Grye) 5
- Давыдов А.К. 14
- Давыдов Василий (? – после 1902) 28
- Дей Стивен (1594–1668) 61
- Дельвиг А.А. 106
- Диков Иван Михайлович (1833–1914) 65, 81
- Джордж 81
- Динклагэ Э. (Dinklage E.) 140, 174
- Дитрихсон (Dietrichson J.L.W.) 81
- Дригальский Эрих (1865–1949) 161
- Дриженко Федор Кириллович (1858–1922) 121
- Дубасов Федор Васильевич (1845–1912) 48
- Дурново Иван Николаевич (1834–1903) 122
- Дювернуа Николай Львович (1836–1906) 127
- Дюмон-Дюрвиль Жюль Себастьян Сезар (1790–1842) 52, 53
- Екатерина II (1729–1796) 8
- Екатерина Михайловна, великая княгиня (1827–1894) 93, 103, 104, 124, 140
- Елагин Лев Петрович (1841–1878) 60
- Елена Павловна, великая княгиня (1806–1873) 33, 103
- Елинек К. 66

Епанчин Алексей Павлович (1823–1913) 50, 57, 53, 55, 56, 58–60

Ефрон И.А. 7

Ёлкин 54

Жамбов 86, 87

Жансен Пьер Жюль Сезар (1824–1907) 53

Жданко Михаил Ефимович (1855–1921) 127

Замбра (Zambra) 154

Зарудный Виктор Иванович (1828–1897) 64, 70, 175

Зацаренный Измаил Максимович (1850–1887) 93

Зеленой Александр Ильич (1809–1892) 14

Зеленой Илья 48

Зеленой Павел 48

Зеленой С.И. (1810–1892) 87

Зотов 48

Иоанн IV, Иван IV Грозный (1530–1584) 131

Иогансен 58

Истомин Константин Иванович (?–1876) 16

Казелл (Casell) 77–74, 81

Капеллер (Capeller) 72

Кареев Николай Иванович (1850–1931) 127, 130–132

Карлов Георгий Георгиевич (1898–?) 105

Карлова (урожд. Ванлярская) Наталья Фёдоровна 105

Карпентер Уильям-Бенджамин (1813–1885) 54

Карум К.А. 143

Кастелан (Castellane Esprit-Victor-Elisabeth-Boniface) (1788–1862) 20

Кастельчикалла ди, Руффо Паоло (Castelcicalla di) (1791–1866) 19

Кейзерлинг Александр Александрович 33

Кемц Людвиг 33

Керр 19

Кёппен Владимир Петрович (1844–?) 66

Кирилл (Наумов Василий Николаевич) (1823–1866) 44

Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872) 20

Книгсе Георг 34

Княжевич Николай Антонианович 138

Кобеко Дмитрий Дмитриевич 135

Кологривов Г.А. 135

Колонг Иван Петрович (1839–1901) 79, 82, 177

Колонтаев Егор (?–1860) 25

Колчинский Эдуард Израилевич 6

Константин Константинович, великий князь (1858–1915) 140, 152

Константин Николаевич, великий князь (1827–1892) 16–18, 23, 59

Копелев Дмитрий Николаевич 6

Копытов Николай Васильевич (1833–1901) 37–40, 42–46

Коркунов Николай Михайлович 122, 127

Корнелиссен 57, 58

Корстенес 57

Корф Модест Андреевич (1800–1876) 106

Коскюль Луиза Рената (1823–1863) 9

Краббе Николай Карлович (1814–1876) 56, 59

Кротков Аполлон Семенович (1848 – после 1913) 92

Крузенштерн Иван Федорович (1770–1846) 8

Крюгер Вольдемар 34

Ксения Александровна, великая княгиня (1875–1960) 124

Куприянов Василий Андреевич (1846–1888) 48

Куприянов 3-й 102

Куприянов Яков Иванович (1836–?) 96, 97

Кутайсов Александр Павлович 138

Кутейников Николай Евлампиевич (1845–1906) 47

Кэмпбелл 54

Ланевский-Волк Гавриил Константинович (1854–?) 92

- Лемм Александр Эдуардович (?–1901) *108, 127*
- Лерхе Герман Германович *137*
- Лесовский Степан Степанович (1817–1884) *55, 89*
- Лессепс Фердинанд (1805–1894) *45*
- Ливен А.А. *178*
- Линден Вильгельм Михайлович (1843–1937) *47*
- Линдестрем Владимир Владимирович (?– после 1913) *92*
- Литке Константин Фёдорович (1837–1892) *63*
- Литке Фёдор Петрович (1797–1882) *9, 147, 175*
- Лихачев Иван Фёдорович (1826–1907) *51*
- Лонгфелло Генри Уодсуорт (1807–1882) *61*
- Люжоль *101*
- Маньяни (Magnaghi G.B.)** *162*
- Майдель Эдуард Владимирович (1842–1918) *141*
- Майер *68*
- Макарий, митрополит Московский *150*
- Макаров Степан Осипович (1848–1904) *4, 139, 141, 145, 147–155, 157–167, 172, 175, 177, 778, 181*
- Макарова Капитолина Николаевна *166*
- Мандельштам Андрей Николаевич (1869–1939) *133, 134*
- Манно А. *52*
- Мария Фёдоровна, императрица (1759–1828) *106, 115, 117, 118, 122–124, 136, 181*
- Маркезини *38*
- Мартенс Фёдор Фёдорович (1845–1909) *127*
- Мартинс *102*
- Матвеева Мария Федоровна *6*
- Матюшкин Фёдор Фёдорович (1799–1872) *6*
- Медлер Иоганн-Генрих (1794–1874) *33*
- Мейер *58*
- Мекленбург-Стрелицкий Георгий Георгиевич (1824–1876) *103*
- Мекленбург-Стрелицкий Георгий Георгиевич (1859–1909) *124*
- Мекленбург-Стрелицкий Михаил Георгиевич (1863–1934) *93, 103–105, 107, 124, 181*
- Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907) *139, 150, 153, 155*
- Меррей (Murray) Джон (1841–1914) *6, 157, 158, 172*
- Мерц *91*
- Миллер (Miller) *73, 81*
- Миндинг Фридрих *33*
- Митрофан, иеромонах *44, 46*
- Митчелл Генри (1830–1902) *62*
- Михаил Александрович, великий князь (1878–1918) *124*
- Михаил Павлович, великий князь (1798–1849) *103*
- Михайлов Константин Иванович (1838–1919) *139, 141, 154*
- Мон Хенрик (1835–1916) *58, 179*
- Мордвинов *97, 98*
- Мунди *21*
- Муханов П.С. *55, 60*
- Мушкетов Иван Васильевич (1850–1902) *141, 146, 151*
- Назимов Павел Николаевич** (1829–1902) *141, 151*
- Нансен Ева *147*
- Нансен Фритъоф (1861–1930) *145–147, 157, 172*
- Нахимов Павел Степанович (1802–1855) *14*
- Нахимов Сергей Степанович (1805–1872) *14*
- Негретти (Negretti) *71, 81, 144, 154*
- Николай I (1796–1855) *11, 16*
- Николай II (1868–1918) *126, 136, 147, 153, 160, 163*
- Новиков Евгений Петрович (ок. 1826–?) *46*
- Нодэ (Naudet) *71, 72*
- Нолькен Г. *34*
- Нордман Федор Давидович (?–1881) *17, 19–27*
- Нэрс Джордж Стронг (1831–1915) *54, 55, 60*
- Огарев Николай Платонович** (1813–1877) *31*
- Ольга Александровна, великая княжна (1882–1960) *124*

Оснаш 73
Остен-Сакен Фёдор Романович 139
Остроградский Михаил Васильевич
(1801–1861) 150
Офенберг 62

Павел I (1754–1801) 103, 131
Пароменский Александр Иванович
(1850–1922) 92

Пархоменко В.А. 167
Пауггер 81
Перекалина Мария Михайловна 6
Пестич Филимон Васильевич (1821–
1894) 102

Петрушевский Ф.Ф. 84
Пётр III Федорович (1728–1762) 7, 8
Пилличер (Pillicher) Т. 71
Пиллсбери 176
Пирс 62

Пистор Карл-Филипп-Хейнрих
(1778–1847) 102
Поль 58

Протасов-Бахметев Николай Алек-
сеевич (1834–1907) 120, 124, 129,
135, 136

Пузино Орест Поликарпович (1819–
1891) 16

Пурталес Луи Франсуа (1824–1880) 62
Пустошкин Иван Николаевич 138
Пушкин Александр Сергеевич (1799–
1837) 106

Рейц 81
Реньо Анри-Виктор (1810–1878) 72
Репольд Йоганн Георг (1770–1830)
101, 102

Римский-Корсаков Воин Андреевич
(1822–1871) 47

Рихтер А. 34
Ричардс Джордж Г. 54, 56, 67
Розенберг Мария Вильгельмовна 161

Ромберг Юлия 9
Россильон В. 9

Рыкачев Михаил Александрович
(1840–1919) 60, 76, 120, 140, 141, 145

Румянцев 47
Рюмин Н.В. 86

Савина Светлана Евгеньевна 6
Савич Алексей Николаевич (1810–
1883) 47

Савич Н.Н. 70
Саломон Пётр Иванович (?–1905)
126

Сантнанеев С.М. 73
Свердруп Отто (1854–1930) 147

Семенов (Тян-Шанский) Пётр Пет-
рович (1827–1914) 147, 152, 157

Сенявин Дмитрий Николаевич (1763–
1831)

Сергеевский Николай Дмитриевич
(1849–1901?) 127

Сикс 53, 72
Сименс Эрнст Вернер (1816–1892)
73, 79, 80

Смирнов 135
Смирнов А.И. 142, 143

Соколов 48
Соссюр 72
Стебницкий Иероним Иванович
(1832–1897) 145

Стегер (Штегер) 70, 73, 81, 154

Струве Генрих Васильевич (1822–
1908) 75

Струве Отто Васильевич (1819–1905)
60, 77, 86

Таммиксаар Эрки 6
Татищев Борис Алексеевич 134

Тилло Александр Андреевич (1839–
1899) 139, 141, 150, 151

Толь Э.В. 168
Толстой Дмитрий Андреевич (1823–
1889) 108

Томсон Уильям, лорд Кельвин
(1824–1907) 79–82, 142, 154, 172

Томсон Чарльз Уайвилл (1830–1882)
54, 172

Тыртов Н.Н. 47, 58, 59

Тыртов Павел Петрович (1836–1903)
157, 161

Уваров Сергей Семенович (1786–
1855) 167

Федорченко Валерий Иванович 8
Фельдман Ф.А. 126

Феншау (Fanshaw) 19
Феофан, иеромонах 22

Фёдоров Александр Александрович
137

Филиппов М.П. 120

Франческо П *19, 21*
Фус Виктор Егорович (1840–1915) *92*

Хазлерли *71*
Хвостов Алексей Николаевич *138*
Хипп *71*

Циглер Виктор *33*

Чевкин *19*
Челеев *27*
Чернышевский Николай Гаврилович
(1828–1889) *37*
Чихачев Дмитрий Николаевич *138*
Чихачев Николай Матвеевич (1830–
1917) *65, 141, 162*

Шварц Сергей Павлович (1829–1905)
88, 93, 96

Шведов Федор Николаевич (1840–
1905) *92*

Шестаков Иван Алексеевич (1820–
1888) *27–29*

Шлейден *33*

Шмидт Карл *33, 34*

Шнейдер Эмилий Христианович
40–44, 173

Шокальский Юлий Михайлович
(1856–1940) *141*

Шпаковский *48, 50, 62*

Шпеман (Spreman) *162*

Шпиндлер Иосиф Бернардович
(1849–1919) *139–143, 145, 175*

Шредер Л. *70*

Шренк Леопольд Иванович (1826–
1894) *47*

Эванс Фредерик Дж.О. *57*

Эйсмонт 1-й (?–1860) *20, 23*

**Энгельгардт (урожд. Врангель) Ели-
завета Фердинандовна** *9*

Энгельгардт Мориц (1828–1881) *33*

Эри Джордж Бидделл (1801–1892) *60*

Эттинген Александр (1827–1900) *34*

Эттинген Артур Александрович
(1836–после 1904) *33, 78*

Эттинген Георгий *33*

Юдин А.В. *125*

Якобсон *70, 73*

Янсен *153*

Янсон Юлий Эдуардович (?–1892)
127

Яроцкий Василий Гаврилович
(1855 – после 1904) *127*

Содержание

Предисловие	5
Происхождение и семья	7
В Морском корпусе	11
Под флагом контр-адмирала Ф.Д. Нордмана	17
На фрегате “Олег”	24
Слушатель Дерптского университета	31
На фрегате “Пересвет”	37
Учеба на Академическом курсе морских наук	47
Командировка с научной целью	51
Организатор физических исследований на Черном и Азовском морях ...	64
На Лондонской выставке научных предметов	77
Морские дальномеры Врангеля	83
Усовершенствование дальномеров в 1880–1885 гг.	94
Место службы – Михайловский дворец	103
Инспектор воспитанников Императорского Александровского лицея ...	106
Директор Александровского лицея	124
Ф.Ф. Врангель и Русское географическое общество	139
Ф.Ф. Врангель и С.О. Макаров	148
Последние годы жизни	168
Заключение	171
Список трудов Ф.Ф. Врангеля	173
Основные даты жизни и деятельности Ф.Ф. Врангеля	180
Перечень фотографий	182
Именной указатель	183

Научное издание

Смирнов Валентин Георгиевич

**Фердинанд Фердинандович Врангель
1844–1919**

*Утверждено к печати
Редколлегией серии
“Научно-биографическая литература”
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.А. Степанова*
Редактор *Н.М. Александрова*
Художник *Ю.И. Духовская*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректор *Е.Л. Сысоева*

Подписано к печати 30.10.2008
Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 12,0 + 0,8 вкл. Усл.кр.-отг. 13,1
Уч.-изд.л. 12,0. Тип. зак. 1399

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП “Типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА" РАН

Магазины "Книга-почтой"

- 121099 Москва, Шубинский пер., 6; (код 495) 241-02-52 Сайт: www.LitRAS.ru
E-mail: info@LitRAS.ru
- 197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 "Б"; (код 812) 235-40-64
ak@akbook.ru

Магазины "Академкнига" с указанием букинистических отделов и "Книга-почтой"

- 690002 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга-почтой");
(код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru
- 620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой");
(код 343) 350-10-03 kniga@sky.ru
- 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга-почтой"); (код 3952) 42-96-20
aknir@irlan.ru
- 660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@bk.ru
- 220012 Минск, просп. Независимости, 72; (код 10375-17) 292-00-52, 292-46-52,
292-50-43 www.akademkniga.by
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; (код 495) 124-55-00
(Бук. отдел (код 495) 125-30-38)
- 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-74-79
- 127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; (код 495) 621-55-96
(Бук. отдел)
- 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; (код 495) 334-72-98
- 105062 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4; (код 495) 624-72-19
(Бук. отдел)
- 630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 383) 221-15-60
akademkniga@mail.ru
- 630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга-почтой");
(код 383) 330-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
- 142290 Пущино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга-почтой");
(код 49677) 3-38-80
- 191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65
ak@akbook.ru (Бук. отдел)
- 199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62 (Бук. отдел)
- 634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18;
(код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru
- 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); (код 3472) 23-47-62,
23-47-74 UfaAkademkniga@mail.ru
- 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 72-91-85 (Бук. отдел)

Коммерческий отдел, Академкнига. г. Москва
Телефон для оптовых покупателей: (код 495) 241-03-09
Сайт: www.LitRAS.ru
E-mail: info@LitRAS.ru
Склад, телефон (код 499) 795-12-87
Факс (код 495) 241-02-77

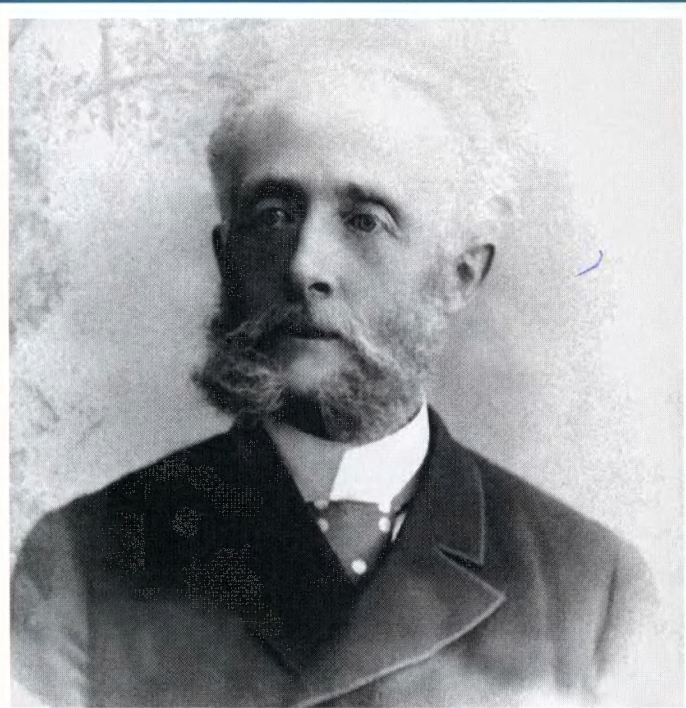
---

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
www.naukaran.ru*

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

В.Г. Смирнов
**Фердинанд
Фердинандович
ВРАНГЕЛЬ**

В.Г. Смирнов **Фердинанд Фердинандович ВРАНГЕЛЬ**

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Монография посвящена жизни и деятельности Фердинанда Фердинандовича Врангеля (1844–1919), видного российского гидрографа, метеоролога, океанографа, изобретателя, талантливого педагога, директора Императорского Александровского лицея, первого биографа вице-адмирала С.О. Макарова.

В основу монографии положены материалы Российского государственного исторического архива, Российского государственного архива Военно-морского флота, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, архива Русского географического общества, многие научные издания и публикации конца XIX – начала XX в.

Монография будет полезна как ученым, так и всем, интересующимся историей отечественной науки и техники и военно-морского флота.

ISBN 978-5-02-036620-6

9 785020 366206

